

Алексей Рубан

Отпуск от себя

Издательский дом Дмитрия Бурого
Киев, 2020

УДК-821.161.1(477)-1
ББК-84(4Укр=Рос)6-5
Р82

Рубан А.Н.

Отпуск от себя. Рассказы, повести и стихотворения –
К.: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2020. – 384 стр.

В сборник вошли рассказы, повести и стихи
одесского писателя Алексея Рубана, созданные
в течение последних пятнадцати лет.

Рассказы

АКТРИСА

Нина Ивановна Мальцева, мать Лены, внешне вполне соответствовала своей фамилии. При росте в метр пятьдесят восемь она весила несчастных сорок пять килограмм, обладала бантикообразным ртом, носом-пуговкой и пергидрольными кучеряшками. В любовниках у неё, напротив, ходили исключительно крупногабаритные особи – брюхатые владельцы отвислых задов и щёк. Надолго любовники не задерживались, исчезая из квартиры где-то полгода спустя своего там появления. После каждой такой передислокации Нинок, как называли её ухажёры, воздевала руки к потолку и, округлив рот буквой «о», выдавала пафосный спич на тему «все мужики...». На поиски следующего кавалера, достойного занять место на раскладном диване, у неё обычно уходило не более месяца.

О том, что происходило на диване, Лена прочитала ещё в четвёртом классе. Писатель носил смешную курлыкающую фамилию, какими, как правило, щеголяют любители вина и сыра. Тогда же она решила, что никогда не станет заниматься вещами, вызывавшими у взрослых столько энтузиазма, а после нередко становившимися источником проблем. Среди последних числилось появление детей, которых Лена терпеть не могла. Не вызывали энтузиазма и звуки, периодически доносившиеся из-за двери в спальню матери. По поводу своей внешности Лена не питала никаких иллюзий. Сто девяносто сантиметров, могучей комплекции, с крупными, будто выбитыми долотом хмельного каменотёса чертами лица, она носила одежду исключительно тёмных тонов, а на косметику смотрела с неприкрытым презрением. Порой её выдающиеся формы привлекали внимание любителей излишеств, но незадачливые ловеласы ретиро-

вались уже после второй реплики, произнесённой в ответ на их предложение познакомиться. В школе Мальцеву не любили за грубость и нелюдимость, но обзывать каким-нибудь «поленом» не рисковали, опасаясь свидания с увесистым кулаком. Своей конституцией Лена, без сомнения, была обязана покойному отцу. Расставаясь с любовниками, мать неизменно доставала его фото из ящика и водружала на полку в гостиной, чтобы вскоре вновь отправить карточку в тёмные недра. К «Витеньке», запечатлённому возле серванта, потерявшегося на фоне внушительных габаритов мужчины, Нина Ивановна имела обыкновение обращаться с жалобами на дочь. Чаще всего она сетовала на «корову, которая занимается всякой чушью, вместо того чтобы думать о будущем». По мнению Лены, тембр и громкость голоса родительницы сыграли не последнюю роль в том, что Витенька ушёл в мир иной значительно раньше срока. До пояснений, как нужно думать о будущем, в их доме никогда не доходило. Если бы Лену спросили об её отношении к матери, она, вероятно, пожалала бы плечами. Очевидным было одно: младшая Мальцева считала Нину Ивановну беспросветной неизлечимой дурой.

К середине июня город уже изнемогал от жары. Духота давила, не давая спать по ночам, на улицах некуда было деться от пыли и тополинного пуха. Липкий пот, покрывавший всё тело, вызывал отвращение к самому себе. Погружённая в мрачные раздумья о предстоящем дне, Лена дожёвывала яичницу, когда на кухне появилась мать. На Нине Ивановне была розовая комбинация, с заспанным лицом и спутавшимися кучеряшками она напоминала циркового лилипута. «А зачем мы так рано встали? – пропела она, растягивая гласные. – Я вот специально поднялась любимой дочке завтрак приготовить в такой-то день. А ты уже... Нет, ну говорила же я тебе, говорила, нужно идти в конце».

– Чего мне дома порчать всё утро? – буркнула Лена, направляя на тарелку струю воды из крана.

– А чего бы и не поторчать? – голос матери повысился на тон. То на улицу её не выгонишь, запрётся в комнате со своими книгами и шагу за порог не сделает, а тут характер решила показать. Сколько я тебе палдычила – Борис Владиленович сказал приходить в конце...

Под аккомпанемент монолога о данных Борисом Владиленовичем инструкциях Лена прошла в ванную, почистила зубы, пару раз плеснула в лицо водой и отправилась в свою комнату. Мать следовала за ней, продолжая беспрерывно говорить. Лена молчала, никак не реагируя на происходящее. Опыт научил её тому, что вступать с Ниной Ивановной в диалоги было бессмысленно и вредно для психического здоровья. Из соседней комнаты доносился храп свежего разлива «отчима», то ли дяди Паши, то ли дяди Серёжи. Лена натянула джинсы, футболку и сгребла с пола потрёпанный рюкзак. «Паспорт и аттестат взяла? Слова не забыла? Не вздумай там забыть, столько времени на своё чтение трапишь, а тут возьмёшь и перепутаешь всё. И позвони сразу же, а то я изведусь вся, слышишь?» – не унималась за спиной мать. Обув кроссовки, Лена открыла входную дверь. «Позвоню, сказала же», – произнесла она, не оборачиваясь, и шагнула на лестничную клетку. По другую сторону порога Нина Ивановна призывала людей полюбоваться на дочь, которая даже в такой день не могла привести в порядок паплы и подкраситься.

Выйдя из прохладного парадного, Лена окунулась в массу раскалённого воздуха и почти сразу же начала чихать. С самого детства она страдала аллергией на солнечный свет, и в этом слепящем сиянии их двор казался ещё более убогим, чем обычно. Замурзанные дети возились на игровой площадке, в тени чахлах деревьев мухи описывали круги над перепол-

ненными мусорными контейнерами. Неизменные бабушки на скамейках трепали языками чужие жизни, в попытке убежать от одиночества и осознания приближающейся кончины. Батарея пустых бутылок и окурки под столом, когда-то служившим для игры в пинг-понг, свидетельствовали, что вечер прошёл как всегда. Даже беседка, обычно смягчавшая беспросветную поску двора, казалась неуместным обломком давно ушедших времён. Нина Ивановна кривила душой, утверждая, что дочь всё свободное время проводила у себя в комнате. В тёплые дни Лена до темноты сидела в беседке с книгой. Даже с закрытой дверью она не могла полностью отдаться любимому занятию в присутствии матери и дядей с разными именами. Чтение было спасением для Лены, её отдушиной и выходом из осточертевшего двора. После смерти Витеньки Нина Ивановна жила в квартире мужа. От его родителей (бабушку и дедушку Лена никогда не видела, в своё время те уехали за границу, где благополучно оккупались) там осталась солидная библиотека. Нина Ивановна, не читавшая ничего, кроме женских журналов, одно время намеревалась её продать. Внезапно грянувший кризис обесценил в глазах населения печатное слово, и книгами никто не заинтересовался – на счастье Лены. Её вкусы никто не формировал, она читала всё подряд, отсеивая не цеплявшее и жадно глотая захватывавшие воображение слова. В школе по литературе она получала в лучшем случае «хорошо». Отвечая на уроке, Лена хмурилась, багровела и часто садилась на место, оборвав мысль. Её всегда удивляло, зачем нужно говорить о том, что кто-то другой уже так замечательно описал.

Именно из-за чтения Лена Мальцева должна была тащиться по пропуску туда, куда совершенно не хотела идти. За два месяца до окончания дочерью школы Нина Ивановна вдруг засуетилась. Одним ве-

чером она объявила, что обо всём договорилась, и Лена будет поступать в Театральное училище. «Читаешь ты без конца, таких там любят, – говорила она. – Ничего что неряха, будешь всяких деревенских играть, которых в городе все обижают, сейчас это модно. С Борисом Владиленовичем вопрос я решила, он там председатель комиссии. Придешь, стих какой-нибудь расскажешь и хватай, ты их много знаешь. Только он сказал, что идти надо в конце, зачем, я не знаю, ему виднее. А Борис Владиленович человек известный, если что, и с учёбой поможет. Мне вот говорили...» Не привыкшая удивляться, Лена всё же задумалась. О Борисе Владиленовиче она слышала впервые, среди дядей такого не значилось, впрочем, специфика его отношений с матерью Лену интересовала мало. Идея казалась ей абсурдной, как и большинство генерируемых Ниной Ивановной мыслей. С другой стороны, поступать куда-либо было необходимо, как минимум для того, чтобы продолжать получать питание в родительском доме до совершеннолетия. После же можно было бросать учёбу к чёрту и осуществлять свой план. Планировала же Лена работать у Зураба.

Зураб держал магазинчик в десяти минутах ходьбы от Лениного дома, как раз по дороге к Театральному. В магазине можно было выпить недорогого вина на разлив, закусить сырными палочками или элитной баспурмой и взять с собой в пластиковой таре. Приехавший из знаменитой своими горами республики, Зураб подбирался к пятидесяти, содержал жену и троих детей, с покупателями был весел и разговорчив и пользовался любовью местных поклонников Бахуса. О пьяных драках в его заведении не слышали, возможно, из-за того, что хозяин умел находить общий язык с курирующими район стражами порядка. Зураб любил стоять у дверей мага-

зина и приветствовать постоянных клиентов, знакомых и просто прохожих. Так они и познакомились с Леной, к собственному удивлению не испытывавшей желание ответить грубостью на приветствие при первой встрече. Никогда об этом не задумываясь, Мальцева-младшая в душе считала Зураба своим единственным другом. Трудно сказать, что привлекало её в заросшем щетиной человеке, невысоком, круглом, с выдающимся носом и глазами на выкате. Он тоже не читал, зато знал много забавных жизненных историй и всегда интересовался, как шли дела у Лены. Против обыкновения, та даже вкратце пересказывала ему содержание прочитанного. Зураб ещё сильнее выкатывал глаза, и лицо его в такие моменты выражало величайшее удивление. «Будет восемнадцать, возьму тебя помощницей, – сказал он однажды. – Мне такие нужны, тебе можно доверять». Лена поморщилась, а потом раз за разом перед сном возвращалась к этой мысли. Не выпившая за жизнь ни грамма спиртного, она могла не опасаться попасть под действие алкогольных чар. Посетители вряд ли стали бы приставать к ней с разговорами, в крайнем же случае удар всегда мог взять на себя Зураб. Перед Леной открывалась перспектива проводить целые дни вне дома. Деньги она тратила бы на еду. В глубине души Лена надеялась, что Зураб разрешит ей ночевать в подсобке магазина и читать там в свободное от работы время. Будущее было покрыто густым туманом, в котором единственной вехой маячило совершеннолетие.

– Эй, дэвушка, куда в такую жару одна идёшь?! – от избытка энергии Зураб обычно говорил так, будто собеседник находился от него на приличном расстоянии.

– Куда, куда, экзамен сдавать, ты же знаешь, – глядя на красно-жёлтую вывеску магазина, процедила Лена.

– Ай, харашо, актрисой будэш. Повешу доску мраморную – здесь была актриса Лена, клиенты пабэгут, деньги в мешки складывать спану.

– Какая, на фиг, актриса, – произнесла Мальцева, и тут это случилось с ней. Она читала о таком в книгах, но всегда считала авторской выдумкой. Бес внутри крупнулся, махнул хвостом, и Лена сказала: «Зураб, а налей мне стакан для храбрости».

Зураб остолбенел, складки на его шее задвигались, отчего он стал похож на сову из популярной телепередачи. «Зачэм налей? Ты не пьёшь же, как экзамен сдашь?!». «Наливай, – лицо Лены пошло багровыми пятнами, будто её только что вызвали к доске, рука перебирала в кармане мелочь. – Не у тебя, так на рынке в наливайке выпью. Отравлюсь, ты виноват будешь». Зураб хотел что-то сказать, но вдруг махнул рукой и повернулся к двери. Лена направилась следом. В магазине хозяин нацедил в пластиковый стаканчик красную жидкость и, не говоря ни слова, протянул Лене. Та взяла ёмкость, сглотнула слюну и быстро опрокинула вино в рот. Вкус оказался не настолько мерзким, как она себе представляла, а в желудке сразу же потеплело. «Держи, – Лена протянула через прилавок горсть монет, – бери, сколько там надо, я цен твоих не знаю». Зураб молча покачал головой. «Ну, как хочешь. Давай, позже увидимся», – Лена выкинула пустой стаканчик в мусорный бак и вышла на улицу.

Дорога до Театрального растянулась на два часа. Вопреки тому, что Лена знала о действии алкоголя, ей не было весело, она не теряла контроль над движениями и ориентацию в пространстве. Разве что мысли в голове стали резиново-тягучими, они ползли медленно, и Мальцева позволила ногам так же непорочно идти с ними в такт. В какой-то момент ей стало интересно, кто выбирал направление – ноги или мысли, но размышлять над этим было лень. Она прошла через рынок, где у мясно-

го корпуса собаки грызлись за кости с остатками мёртвой плоти, через парк с резвящимися у фонтана детьми и их мамами на скамейках. Ей захотелось пить, и она зачерпнула из фонтана воды, игнорируя недоумённые взгляды. В продуктовом на сэкономленную мелочь она купила булку с сосиской, ненадолго заморив начавшего просыпаться червячка. К училищу Лена подошла, когда жара, почуяв наступление полудня, достигла своего пика.

Возле здания Театрального кучковались потенциальные звёзды подмопков, обсуждая прошедший экзамен. Совершив несколько обходных манёвров, Лена достигла массивной двери и вошла в вестибюль. «Я на экзамен», – сказала она старичку в застеклённой будке. «Третий этаж», – дребезжащим голосом отозвался вахтёр. «Поздновато вы что-то, уже заканчивают», – добавил он в спину Лене. Мраморная лестница, казалось, источала прохладу. У одной из дверей на третьем этаже с ноги на ногу переминались две девчушки с одинаково испуганными выражениями лиц. Обе старательно шевелили губами, шепча какой-то текст. Дверь отворилась, и из неё вышел долговязый парень с пустыми глазами. Лена тут же шагнула внутрь, повергнув в шок одну из встрепенувшихся девчушек.

В глубоком гулком зале за покрытым синей скаптерпью столом сидела многоуважаемая комиссия. Лена воспроизвела вялое «здрасьте», осмотрелась по сторонам, увидела стоящий возле двери стул и водрузила на него рюкзак. Дама за столом слева приподняла бровь.

– Добрый день, ваша фамилия? – дама справа придвинула к себе лист бумаги.

– Мальцева.

– Мальцева, Мальцева... Да, есть.

– Есть, есть, – пробасил сидящий по центру усач со зверской шевелюрой, по всей видимости,

пот самый Борис Владилениович. – Под самый конец решили придти, когда экзаменаторы уснули и не слишком будут придирааться. Стратегия, что ж, похвально, похвально. Ну-с, чем будете нас радовать?

Лена насупила брови, с ненавистью посмотрела на улыбающегося Бориса Владилениовича, открыла рот и услышала, как уже знакомый бес произносит её голосом: «Кот и птица».*

*В деревне мрачные лица:
Смертельно ранена птица.
Эту единственную проживающую в деревне птицу
Единственный проживающий в деревне кот
Сожрал наполовину.
И она не поет...*

Никогда в жизни Лена Мальцева не думала, что станет по своей воле читать вслух стихи. В школе она с трудом записывала в память несколько четверостиший, которые по окончании урока тут же бесследно исчезали из головы. Эти красивые слова должны были произносить те, кто их написал, или, на худой конец, люди с приятными, звучными голосами. Собственный казался ей тусклым, как лампочка у них в парадном. И вот сейчас вместо зазубренного монолога из хрестоматии она читала совсем другое стихотворение, которое к тому же специально не заучивала. Много раз прочитанные слова сами срывались у неё с языка. Там было о котике, насытившемся и оставившем недоеденную птицу в месте, где её обнаружили жители деревни. Глупой щебеталке устроили похороны, за гробиком шла плачущая девочка, а кот смотрел на это и облизывался. «Надо было проглотить её целиком, –

*«Кот и птица» – стихотворение Жака Превера.

думал он. – Не было бы этого шума, и все спокойно занимались бы своими делами. Странные люди – кто-то ест, кого-то едят, так устроен мир, из-за чего тут расстраиваться?». Лена была полностью согласна с котом, согласна и с тем, что всё нужно доводить до конца. Она дочитает и пойдёт домой, послушает крики матери, дожждётся совершеннолетия и станет работать у Зураба. Ему тоже можно доверять, и выпитый утром первый в жизни стакан вина ни на что не влиял. Лена закончила и замолчала. Борис Владиленович что-то сказал дамам, и те закивали в ответ.

– Я считаю, вполне достаточно, – усач снова наполнил басом зал. – Скажите оставшимся, чтобы пока не заходили. И подождите меня в коридоре.

Лена взяла со стула рюкзак и, воспроизведя «до свидания», вышла. «Не заходить сказали», – бросила она вновь встрепенувшейся девчужке и уткнулась лбом в стекло.

– Удивила ты, Мальцева, – раздался у неё за плечом голос Бориса Владиленовича. – Не ожидал, не ожидал. Мать за тебя просила, думал, придёт какая-нибудь кукла деревянная, а ты очень даже ничего. И вещь выбрала такую... неканоническую. В общем, передай дома, чтобы не беспокоились. Документы сейчас мне твои не нужны, принесёшь в следующий понедельник. В августе практика, а с первого числа милости просим. Глядишь, что-то из тебя и получится. Ну как, довольна?

Лена оторвалась от созерцания училищного двора, сверху вниз взглянула на шевелюру с усами и устало сказала: «Да идите вы в задницу с вашим театральным». Не глядя, как с широкого лица сползает улыбка, она повернулась и пошла к лестнице.

ДВА ВАГОНА

Так было всегда. Едва проснувшись, ещё не успев справиться с оцепенением сна, маленькой еженощной смертью, он уже знал, шёл ли на улице дождь. Он понимал это, прислушиваясь к доносящимся снаружи голосам упренного города, шуму машин, громоыханью поездов, пропяжному, распянутому по времени-пространству гулу. Привычные звуки превращались в бледные подобия самих себя, словно бы падавшая с неба вода смывала с них все краски, уносила с собой то, что делало их живыми. Человек в кровати какое-то время неподвижно лежал, размышляя о причудах мира, а потом рывком выносил тело из тёплых объятий одеяла. Лишённый необходимости куда-то спешить, топ, кого никто не ждал, добровольный узник, он щёлкал пультом телевизора и раскладывал на полу гимнастический коврик, вполголоса посылая проклятия внутренней дисциплине. Под бодрое воркование ведущих, препарировавших жизнь ещё одной звезды шоу-бизнеса, человек выполнял привычные упражнения, не забывая о правильном дыхании. Приняв душ, он перемещался на кухню, где снова включал телевизор, маленький, портативный, пристроившийся между постером и салфетницей. Новости шоубиза сменял репортаж о съёмках очередного сериала, человек заливал молоком хлопья, намазывал маслом горячие квадратики хлеба, управлялся с сердито булькавшим чайником. Изредка поглядывая на экран, он завтракал, запивая телесную пищу крепким горячим кофе со сливками. Вода текла в раковину, возвращая первоизданную чистоту посуде, предотвращавшая карриес паста покрывала зубы, аккуратно, чтобы не было брызг, заканчивавших свой путь на облицованных кафелем стенах ванной. Впереди ждала работа. Так было всегда, но не тем утром.

Никита Николаевич Одинцов, тридцати пяти лет, холостой, с пометкой «в разводе», официально безработный, сидел перед чёрным прямоугольником ноутбука, не в силах пошевелить рукой, оторвать её от столешницы и нажать кнопку включения. Под аккомпанемент гула извне, неземного, спиравшего грань между реальностью и тёмными полуоформленными грёзами, он вспоминал прѣхлестней давности кладбище, которое утюжил холодный мокрый ветер. Они с дядей Геной приехали туда на следующий день после похорон, но, выйдя из автобуса и пройдя метров тридцать под проливным дождём, остановились у кромки небольшого озера. Кладбище, недавно открытое, быстро расплазавшееся под тяжестью всё новых и новых покойников, находилось у самой черты города, в низине. Дорога к нему вела через строительный рынок, ошетилившуюся контейнерами асфальтированную заплату на земляном теле, и до неё добраться можно было, только перейдя вброд пузырявшуюся массу воды. «Заворачиваем, – безнадёжно махнул рукой дядя Гена, зачем-то мазнув носком резинового сапога по поверхности озера. – Если здесь такое, можешь представить, что на самом кладбище творится?». Никита попытался возразить, но не нашёл слов. Тем же автобусом они вернулись в город, в гулкой тишине квартиры прошли в кухню. Дядя Гена достал из рюкзака бутылку водки, которую брал с собой на кладбище, разлил по стопкам. Они молча выпили, и тогда Никиту прорвало. Он говорил и говорил, как не спал по ночам, слушая мамин кашель в соседней комнате, как представлял себе одинокую холостяцкую жизнь и винил, винил себя, сдирая едва нарощую, ещё совсем тонкую корку с ран, рискуя лишиться разума в ночной тьме. «Это всё развод, я добил её этим, я знаю», – надрылся он, вцепившись в край стола, расплѣскивая

по скатерти водку. Дядя Гена дождался, пока Никита затих, вытер лежавшей возле раковины губкой скатерть и снова наполнил рюмки. «Ты не прав, – негромко сказал он, с кустистыми взъерошенными бровями, с обострившимися морщинами. – Она всю жизнь проработала в сам знаешь каких условиях, мука в воздухе, бронхиты, рубцы на лёгких. Сколько раз я уговаривал её лечь на обследование... Потом было уже поздно, и твоя семейная история тут совершенно ни при чём. Послушай, – дядя Гена вдруг взял Никиту за плечи, мгновенно потерявшимися в его ладонях, – не знаю, каким ты был мужем, но сын из тебя получился хороший. Хороший, и ты должен об этом помнить, потому что ты живой и должен продолжать жить. И не просто жить, а достойно. Если на то пошло, то для неё, но и для себя тоже».

Никита встал из-за стола, подошёл к окну и раздвинул жалюзи. За пеленой дождя смутно маячили столбы железной дороги, мостик, по которому люди проходили над путями. В детстве Никита обожал поезда. Они ассоциировались у него с каникулами, жареной картошкой в стеклянных банках, яйцами всмятку и непременно бабушкиным яблочным пирогом. Это была возможность ненадолго покинуть привычный мир, и много позже он осознал, насколько точно уловил детским сознанием саму суть железнодорожных путешествий. Люди в поездах ехали к чему-то или бежали от чего-то, в конце пути их ждали радость, горе или просто служебные дела, так или иначе, мало кто из них мог ненадолго забыть о цели поездки и отдаться процессу. Наблюдать за меняющимися за окном пейзажами, медитировать на бесконечные встрепанные предгрозовые поля, массы деревьев, скопления деревенских домишек – что ещё могло столь же болезненно ясно дать человеку понять, в какую суету он ежедневно

погружён без остатка? Мог ли быть кто-либо более одинок, чем сидящий у окна поезда, отвернувшийся от соседей, навалившийся на стекло лбом, созерцающий нутро жизни? Одиночество спрашило, но оно было необходимым, и Никита знал об этом. «У каждого человека на спине сидит обезьяна, – сказал однажды доморощенный философ из страны, где ливни шли значительно чаще, чем поезда. – Она царапает нас когтями, мы идём вперёд и думаем, что это и есть жизнь. Но даже если ты сможешь до неё дотянуться и сбросить, это не значит, что ты заживёшь по-настоящему. Твоей спине станет легко, ты распрямишься и увидишь, что вокруг множество дорог, и никто не подскажет, по какой идти. Жизнь начинается тот, кто сделает выбор».

Одним вечером, копаясь в Сети, Никита случайно наткнулся на трек под названием «Два вагона». Исполнителем значился некто Бумажный Слон. С каким-то смутным предчувствием он открыл файл и очнулся пять минут спустя, потрясённый, смятый услышанным. Тёмный голос на электронном фоне рассказывал о безымянном типе, ехавшем в поезде, состоявшем из двух вагонов и локомотива, дверь в который была наглухо задраена. В первом вагоне царили чистота и порядок, на полках хрустело накрахмаленное бельё, за чисто вымытым стеклом пробежал мир. Созерцавший его размышлял, сопоставлял, анализировал, и мысли его текли размеренно и плавно. Потом внезапно что-то щёлкало в голове, тип вставал, открывал дверь в тамбур, проводил там какое-то время в предвкушении и переходил во второй вагон. Там его ждало веселье, алкогольный угар, в табачной завесе мелькали разгорячённые лица друзей-собутыльников и весёлых девушек, непременно красавиц. Оргия тянулась и тянулась, пожирая самоё себя, и одним утром герой оказывался скрючившимся на полке, в одиночестве, с разламывающейся головой. Он до-

ползал до двери, вваливался в тамбур и два-три дня валялся на холодном полу, не в силах встать. Потом он кое-как выбирался в первый вагон, отсыпался на крахмальных простынях и снова садился у окна созерцать. Перелопатив кучу источников, Никита собрал коллекцию из трёх десятков трексов Слона, не поддающихся классификации звуковых откровений, в основном с рифмой типа ААББ. Бумажный Зверь неторопливо рассуждал о жизни и смерти, и за каждым его рассказом отчётливо слышался стук колёс поезда, идущего неизвестно куда. Слон не давал концертов, существовал исключительно в Сети, единственными свидетельствами его реальности были несколько фотографий толстяка лет тридцати, в клетчатой рубашке поверх массивного черепа и с отрешённым лицом, с микрофоном у кривой линии губ. Великан на глиняных ногах, в несокрушимой на вид броне из бумаги, и осмелившийся испробовать её на прочность одним ударом достал бы до большого, так болящего сердца. Глядя на столбы и мостик, Никита часто вёл беседы шёпотом с типом из поезда, который, быть может, в этот момент в сотый раз разбивал о железо кулаки, пытаясь прорваться в локомотив. И вдруг это снизошло на Одинцова, слова давно мёртвого философа из джунглей, с которыми, безусловно, полностью согласился бы Бумажный Слон. «Сильному достаточно смотреть на дождь, чтобы очищаться, слабому для этого необходимо ещё и пить». Никита подошёл к столу и захлопнул крышку ноутбука. Он снял со спинки кресла джинсы, натянул серый свитер, вытащил из шкафа объёмный рюкзак. В прихожей он обулся в массивные осенне-зимние ботинки, нахлобучил куртку и старенькую бейсболку с длинным козырьком, заглянул в бумажник и, позвякивая ключами, переступил порог квартиры.

На улице лило. Дождевые потоки, пузырясь, пенясь, растекались по асфальту, заставляя редких прохожих двигаться по причудливым извилистым траекториям. Никита захлопнул за собой решётку ворот и остановился, защищённый от буйства стихии пластиковым козырьком над входом в подъезд. Он стоял, с руками в карманах куртки, представляя себя в единственном в поезде тамбуре, с чисто подметённым полом и слабым запахом табака в воздухе, просачивающимся из-за ведущей во второй вагон двери. Одинцов редко употреблял алкоголь, после третьей рюмки его начинало клонить в сон, вино могло вызвать изжогу и неизбежно отзывалось головной болью следующим утром. И всё же несколько раз в год он пил, однодневный пивной загул, марафон длиной в десять-двенадцать часов, к концу которого сознание едва теплилось, а из памяти выпадали некоторые мелкие детали бытия. Пиво было оптимальным напитком, обладало приятным вкусом, позволяя держаться на плаву достаточно долго даже в отсутствие регулярной практики. Прилагавшиеся минусы в виде повышенной нагрузки на мочевой пузырь Никита полагал неизбежным злом. Одинцов сам до конца не понимал, чем были вызваны эти мини-эскапады, не связанные с датами и событиями, осознание необходимости, потребность, наваливавшаяся внезапно, с мощью, делавшей сопротивление бесполезным и нежеланным. Он знал, что проведёт следующие сутки в колючих объятиях похмелья, сжавшись под одеялом, тупо глядя в экран телевизора, и лишь ближе к вечеру найдёт в себе силы залезть под сулящий облегчение душ. Знал он и том, что в подобные дни выпивка становилась чем-то сакральным, гимном человеческого одиночества в скопище мира, песней без слов и музыки. Её не следовало разделять с друзьями, вообще с кем-либо, такие песни могли

звучать только внутри. Это не являлось объяснением, но этого хватало для того, чтобы, расположившись под козырьком, неспешно обдумывать своё короткое путешествие во второй вагон.

Стоя в виртуальном тамбуре, Никита думал о двух могилах. Первая находилась в часе езды от его дома, там, где три года назад хоронили мать. На похороны, несмотря на скромный социальный статус покойной, пришло десятков семь людей, сотрудников, друзей, явившихся в попытке что-то сказать в покрытое мраком лицо смерти. Точное место другого захоронения на противоположной стороне планеты не знал никто. Философа-самоучку, жертву страшного социального катаклизма, зарыли во влажную землю вместе с тысячами других безымянных соплеменников, и никто не произносил речей, когда тьма невыносимым весом опускалась на его искалеченное тело. «Мы смотрим в небо, но стоим на земле, и всё самое важное происходит между ними», – говорил он, возможно, незадолго до того, как зазубренные мотыги выбили жизнь из истощённой плоти. Никита высвободил из-под куртки капюшон, укрыл им бейсболку и героем преков Бумажного Слона шагнул под дождь.

Интерьер углового магазина наводил на мысли о двух вагонах, магическим образом слившихся воедино. В правом крыле располагался отдел здорового питания, с полками, отягощёнными разнообразными пищевыми добавками, призванными продлевать жизнь, улучшать настроение желудка и настроение вообще, вопреки дождям и мыслям о бренности подлунного мира. Слева торговали пивом и остро-солёными закусками, разделял же отсеки проход, сужавшийся до коридора, в конце которого находилась кабинка туалета. Магазин пустовал, только у прилавка справа женщина с длинными чёрными волосами о чём-то негромко беседовала

с продавщицей. Никита взял курс на намеченную цель, и в это время из прохода навстречу ему вынырнула девушка в тёмно-синей униформе, с планшетом для бумаг в руке и пузатой сумкой через плечо.

– Добрый день, буквально минута вашего внимания, – сияя накрашенными губами, пропела она. – Скажите, вы курите?

– Уже лет пять как нет, а вот пить сегодня, боюсь, собираюсь, – непорочно продекламировал Никита с серьёзным видом.

– Поняла, спасибо вам за ваш выбор, – неизменно бодро отреагировала девушка. Никита дёрнул уголком рта, сдерживая смех, и в это время женщина у прилавка обернулась. Ему показалось, что он уже где-то видел её, такое лицо не могло не остаться в памяти. Длинное, вытянутое, с почти квадратным подбородком и низким лбом, оно болезненно контрастировало со стройной фигурой, длинными ногами в обтягивающих джинсах. Женщина еле заметно улыбнулась в пустоту, глядя мимо Никиты. Одинцов, всё ещё пытаясь вспомнить, где мог с ней видеться, повернулся и направился к услуге любителей слабоалкогольных радостей. Пренебрегая колбасками и вяленой рыбой, он приобрёл две большие, заполненные янтарной жидкостью ёмкости, присовокупив к ним третью, меньшего объёма. Идя к выходу, Никита ещё раз взглянул на вернувшуюся к разговору с продавщицей женщину и покинул магазин.

Выйдя наружу, Одинцов прошёл с десяток метров, остановившись под чьим-то балконом. Опустив рюкзак на землю, он достал пластиковую бутылку поменьше, осторожно отвинтил пробку во избежание пенного взрыва и припал к горлышку. Холодное пиво заструилось по пищеводу, почти сразу же ударив в голову. Переведя дыхание, Ни-

кита сделал ещё несколько глубоких глотков, а отняв от губ бутылку, увидел перед собой женщину из магазина.

– Вы не против, если я постою с вами? Кажется, здесь больше негде спрятаться, – она кивнула куда-то в сторону. Никита посмотрел на пустынную улицу, отметив, что балкон, под которым они стояли, был единственным в обозримом пространстве, и сделал широкий приглашающий жест.

– Джентльмен почтёт за честь оказать гостеприимство упомлённой дорогой спранныце.

– Джентльмен, похоже, сам совершает путешествие. Как вы справляетесь со всей этой жидкостью? – она указала на бутылку в руке Одинцова. – Вокруг и так сплошная вода.

– Вообще я не по этим делам, – мотнул головой Никита, – сегодня редкое исключение. Кто же знал, что мне это понадобится именно тогда, когда будет так лить?

– Я не к тому, вы совсем не похожи на любителя... Извините, видимо, погода давит, что в голове, что на языке – хаос сплошной.

– Да всё в порядке, – Никита снова отхлебнул пива и, повернувшись к собеседнице, изобразил улыбку. Теперь, глядя на неё почти в упор, он осознал, насколько некрасивой была женщина. Впечатление от неестественной формы лица не могли спасти ни макияж, ни упругая гладкая кожа, ни густые волосы, чёрной волной падавшие из-под вязаной шапки. Одни глаза, бархатные, внимательно-глубокие, немного оживляли безрадостную картину. Некоторое время они молчали. Ветер закручивал струи, брызгал в лица холодными каплями, срывал с веток потерявшие волю к жизни листья. Совершив свой первый и единственный краткий полёт, они ложились на проуар, на проезжую часть, чтобы

вскоре быть раздавленными тысячами ног и колёс. А потом Никита внезапно, неожиданно сам для себя, заговорил.

– Знаете, один мудрый человек сказал, что смысл существования листьев в полёте. Вначале они рабы деревьев, потом падают и превращаются в перегной. Но всё это оправдывают те мгновения, которые они проводят в воздухе.

– Он, наверное, уже умер, этот человек.

– Почему вы так решили?

– Не знаю, просто нынешние люди как-то не склонны размышлять о жизни на примере листьев.

– В общем, вы правы, он умер около пятидесяти лет назад, точнее, погиб. У него в стране была революция, скорее, даже восстание голодных крестьян, на которых власти направили таких же работяг, только из городов, что-то там им пообещав. Работяги всё исполнили на отлично, отобрали у крестьян мотыги и ими же забили где-то с полмиллиона. Хоронили где попало, а нередко вообще раскатывали трупы бульдозерами. Говорят, этого человека, философа, зарыли в джунглях его же ученики, но вряд ли. Он вообще не считал себя учителем, просто однажды ушёл из города, поселился в джунглях, общался с деревьями, зверьми. Как-то про него узнали люди, стали приходить, просить совета. Он со всеми разговаривал, но категорически был против того, чтобы записывали его слова. Утверждал, что ничего не знал о жизни, никогда не сталкивался с богами, не был уверен, что они существуют. Когда восстание закончилось, уцелевшие, из тех, кто с ним общался, всё же записали некоторые его изречения, двести восемь, если точно, всё застрявшее в памяти. Потом об этом прознали этнографы, привезли записи на континент, издали даже книжку маленькую, ми-

зерным пиражом, само собой. Я однажды её случайно увидел на барахолке, купил, сам не знаю, почему, и вот теперь время от времени цитирую.

– Насчёт богов... – негромко сказала она, помолчав. – Такие люди, сомневающиеся, как по мне, и есть настоящие верующие, потому что стараются жить по совести, хотя и не должны особо бояться наказания свыше. А вот у нас вера, кажется, вырождается. Раньше верующие вериги носили, испязали себя, этот мир отвергали, но всё ради того, другого, ради настоящей жизни. А сейчас одна форма осталась. Человек думает: сходил я в церковь, праздники отметил – и всё в порядке, бог меня любит, а в суть лезть никто не хочет, потому что сложно и неудобно.

– Полностью согласен, но ведь и раньше форма часто всё перекрывала, – Никита говорил с нарастающим ощущением абсурдности ситуации, такие разговоры не ведутся со случайным человеком под балконом. Погода ли была тому виной или нет, но в окружающем мире явно происходили странные вещи. – Люди искренне верили, что оттого, в какую сторону они будут двигаться, совершая обряд, зависит милость или немилость бога. Это такая же чушь, как и с суевериями. Представляете себе мир, где твоё будущее зависит только от того, встретишь ли ты по дороге человека с пустым ведром?

– В любом случае, мне кажется, этот ваш философ знал значительно больше, чем утверждал. Не какую-то универсальную истину, её, пожалуй, и не существует, но как нужно жить самому, он точно представлял. Могу даже позавидовать.

– То есть вы, если я правильно понял, не представляете.

– Хм, – женщина кашлянула, прочищая горло, – сегодня точно всё как-то с ног на голову. Вы случайно

не знаете, может, какие-нибудь выбросы в атмосферу были, на химзаводе, например?

– Это вы к чему?

– К тому, что я редко обсуждаю свою жизнь с незнакомыми людьми на улице, никогда, если совсем почно. А тут вы со своими вопросами, а самое странное, что я, в общем, не против ответить.

– Я, кстати, тоже не привык вот так беседовать, так что если вам это неприятно...

– Нет, я же вам сказала, – её волосы качнулись вправо-влево, – всё в порядке. Если вкратце, я не на то поставила.

– Речь не о лошадях и казино, правда ведь?

– Никогда не отличалась азартностью. Просто бывает так, что планируешь свою жизнь, планируешь, потому что иначе ничего не добьёшься, другие могут себе позволить до определённого времени жить в удовольствие, но не ты, так сложилось. И вот ты строишь планы, анализируешь, понимаешь, что ставить нужно на то-то и то-то, в остальных местах у тебя шансов практически нет. Ты даже чего-то добиваешься, а потом бац, и оказывается, что всё это не то, и куда дальше идти непонятно.

– Знакомая ситуация, сам не так давно переживал, да и до сих пор переживаю, что уж там, – Никита отпил немного из бутылки. Он чувствовал, что его несло, на алкогольной волне, но в большей степени от ощущения поплывшей реальности, словно дождь подмыл её основы, и мироздание огромной тушей медленно сползло с места, увлекаемое за собой водяными потоками. Мир сдвигался, и Одинцов почти не удивился, когда услышал то, что произнёс.

– Послушайте, не знаю, какие у вас на сегодня планы, я лично полностью свободен, а вот под балконом мне стоять становится как-то некомфортно. Тут через дорогу есть маленькое заведение, под-

вальчик, если хотите, можем ненадолго туда переместиться, раз уж такой разговор зашёл.

– Ну, ведите, – сказала она без паузы, – а по кругу пишут, что нужно иногда позволять себе безумства, буду потом вспоминать этот день и утешать себя, что тоже могу что-то делать спонтанно. Планов особых у меня на сегодня тоже нет, выходной всё-таки. Суббота, – добавила она в ответ на вопросительный взгляд Одинцова.

– Точно, точно, фрилансерская судьба – теряться в днях недели. Никита, – он протянул ей руку, – и предлагаю на ты, если вы не против.

– На ты, вы не против – звучит забавно, – она коротко рассмеялась, отвечая на рукопожатие, неожиданно сильно, по-мужски. – Кира. Втягиваешь ты меня в какую-то авантюру, вышла на пять минут в магазин, даже зонтик не взяла, а тут такое. Ладно, идём в твоё заведение, надеюсь, кроме пива там есть ещё горячий чай.

– Именно его я там обычно и пью, а зонты презираю, – Одинцов сделал ещё один глоток и убрал бутылку в рюкзак. Переходя дорогу, он вдруг вспомнил, где видел Киру раньше. Она выходила из дверей спортзала, мимо которого он периодически проходил, совершая вечерние прогулки. Тогда Никита подумал о том, как природа могла порой отыграться на человеке, мстя за всё зло, что он нёс с собой. Впереди замаячила дверь бара, Одинцов указал на неё спутнице и ускорил шаг.

В подвальном помещении, разделённом на два маленьких зала, не было ни души, кроме скучавшего под усыпляющее бормотание телевизора бармена за стойкой. Никита с Кирой расположились в дальнем зале, за столом, на котором через несколько минут появились чайник, чашка, сахарница и кружка пива. Они набирали в рот жидкость, пили мелкими глотками, обмениваясь куцыми фразами.

Никита чувствовал, как что-то важное, вынырнувшее ниоткуда, неожиданно сплотившее их на пятачке асфальта под балконом, утекало, просачивалось сквозь пальцы, неся пустоту и недоумение. Он в растерянности искал слова, окунал губы в пиво в поисках ясности, а потом это вдруг вынырнуло само собой, словно бы небо за секунду развёрзлось над нескончаемой мешаниной ствол и листьев.

– Он говорил, что в городе человек не может до конца ощутить жизнь. Тут почти нет настоящих контрастов, двух вагонов. Работа выматывает, отупляет, но отдых после неё не радует, потому что ты приходишь домой и падаешь перед монитором или напиваешься. И в том, и в другом смысле примерно одинаково, то есть никакого, а потом все удивляются, почему не исчезает усталость. В джунглях он жил без всяких удобств, мок, питался фруктами и кореньями, но зато вечерами, сидя у огня, испытывал такое умиротворение, что нам и не снилось.

– Но можно хотя бы получить какое-то представление, например, попав в тепло после дождя, да?

Он кивнул, и она заговорила. Кира, некрасивая женщина из магазина здорового питания, говорила недолго, но когда она закончила, пива в его бокале оставалось на самом дне.

– Я, как все мы, родом из детства. Росла с мамой и бабушкой, в обратном порядке, на самом деле. Бабушка – уникальный персонаж, такие в единственном экземпляре выпускаются. Всю жизнь преподавала в Экономическом, до доцента дослужилась, дедушка там же работал, заведующим кафедрой, умер немного за шестьдесят. Не скажу, что довела, но, боюсь, не без этого. Дома всегда идеальная чистота, исключительно умные беседы и дисциплина. Никаких тебе вечерних гуляний, под-

ружек-друзей, всё во имя учёбы и стапуса. Мама терпела, терпела, а потом в двадцать взбрыкнула. У неё случилась связь с однокурсником, от безысходности, как я сейчас понимаю, такой себе вопль протеста. Забеременела, был страшный скандал, даже представить не могу, насколько. Аборт в благородных семействах никак не комильфо, они распались, стали жить вместе, в отдельной квартире, но в том же доме. Родилась я, а через полгода он сбежал. Переехал в другой город, всё бросил, до такой вот степени. Внешностью я, кстати, в него, – равнодушно произнесла Кира, и при этих словах Одинцов вздрогнул. – В общем, бабушка стала меня воспитывать, а мама была приходящей, виделись раза три в неделю. После его побега мама сломалась, первое время пыталась как-то бороться, это она мне сама однажды рассказала, уже значительно позже, а потом просто опустила руки. Боялась, конечно, плюс апатия навалилась, такая вот смесь. Бабушка с детства при любой возможности мне ею в лицо тыкала, про внешность тоже не забывала, мол, не должна женщина на замужество ориентироваться, надо самостоятельной быть, а с моими данными эту тему вообще изначально похоронить нужно. И знаешь, я всё воспринимала как данность, всё время над книгами, школу с отличием окончила, у меня, между прочим, два образования, экономическое, само собой, и компьютерные технологии, отделом в банке заведу. Квартира двухкомнатная здесь недалеко, спорт, надо же хоть как-то табло компенсировать, – Кира горько и опять совершенно по-мужски ослабилась. – Романы тоже имели место, без шансов, без тепла, от безысходности, пустоты. Не с альфонсами, как в книгах, оказывается, на каждый товар свой купец всё же находится, в монастырь давно уже никто не уходит. Сходились-расходились, и вспомнить не о чем.

Так можно жить, даже хорошо, по сравнению со многими так точно. Но вот стоим мы под балконом, и я тебе говорю, что не на то поставила. Ты вдруг понимаешь: жизнь проходит по касательной, друзей настоящих нет, есть коллеги, с мужиками тоже всё понятно. А родные по крови... Бабушке за семьдесят, она прекрасно себя чувствует, по-прежнему с институтскими общается, наверное, обо мне им рассказывает, молодец внука, заняла достойное место в обществе. Я её не ненавижу, нет, она по-своему добра и мне, и маме желала, только как умела, катком по живому. У мамы гражданский муж, живут как-то, бабушка с ней практически не общается, я тоже очень мало, она для меня чужой человек, в детстве всё упустили, теперь не восполнить. Её я тоже понимаю, она укрылась в своей скорлупе и больше всего боится, что её оттуда выгонят. Хотя пару раз мы разговаривали, по-настоящему почти, когда она лишний бокал вина выпивала и в воспоминания пускалась. Мне даже казалось, что между нами что-то может произойти, наладиться, искорка проскакивала, но потом проходит ночь, и всё возвращается под скорлупу. Отца вообще только на фотографиях видела, бабушка с ним все контакты порвала, от алиментов даже отказалась. Говорят, он потом на континент уехал, не знаю точно. Как думаешь, что бы на это сказал твой философ?

Повисла тишина. Где-то за сотни километров продолжал бубнить телевизор. Никита пробормотал нечто вроде «подожди минуту», поднялся и направился в соседний зал. Там он заказал ещё одно пиво, зашёл в туалет, избавился от избытка жидкости в организме, подхватил бокал и вернулся за столик. Она сидела неподвижно, и только кисть руки раз за разом выписывала в воздухе круги, механически помешивая остывающий чай.

– Не знаю, что бы он сказал, но помню одну его фразу. «Взрослые ищут счастье, не понимая, что для этого должны стать детьми». Разве нет? Ты ведь сама говоришь – в детстве всё воспринимала как само собой разумеющееся.

– Пожалуй, да, пожалуй. На самом деле, у меня был свой мир, как у всех детей, всякие девчачьи мечты, принцы из книжек, феи мультяшные, просто я уже тогда разграничивала эти вещи – реальность и фантазии. Наверное, фантазии так ещё ярче становятся, от осознания их неосуществимости. А ты что себе в детстве представлял?

– Да много всего, – пенная верхушка осела, съевшись до каймы у стенок бокала, и Никита сделал большой глоток. – Мешанина та ещё. Каратисты, трансформеры, те же принцы, только с мечами и в окровавленных доспехах. Папу я почти не помню, мне было шесть, когда он умер. Несчастный случай на производстве, как тогда говорили, он монтером работал, так что мама меня одна поднимала. Она целыми днями на работе пропадала, но как-то умудрялась и уроки со мной сделать, и поговорить, и на выходных в парк выбраться. Она вообще умница была, удивительно просто, приехала из глубинки, устроилась на хлебозавод, пахала там на самой тяжёлой работе и в итоге доросла до заведующей экспедицией. Её там все чуть ли не почитали, на похороны ползавода явилось. Сегодня как раз ровно три года с того дня...

Никита прервался. Кира подняла к губам чашку и опустила на блюдце, не припронувшись губами к белому ободку.

– Говори, – тихо сказала она, – говори всё, сегодня так нужно.

– Работа её в могилу и свела, там же мука в воздухе, постоянно дышишь ею, а потом бронхиты, рубцы в лёгких, сердечная недостаточность...

Лечиться ей всё некогда было, никого слушать не хотела, потом спохватилась, но уже поздно. Так вот, в детстве я много времени проводил сам, например, когда болел. Оставался один дома, мама на работу уходила, а я к самостоятельности призывал, ну и придумывал самые разные игры, чтобы не скучно было.

– Она больше не вышла замуж?

– Нет, но потом появился дядя Гена, я о нём в тринадцать узнал. Они скрывали от меня, боялись, буду ревновать, не приму, а он оказался суперским мужиком. Здоровый, под два метра ростом, массой кого хочешь задавит, а на самом деле интеллигентный тип, спец по каким-то там технологиям производства, на этой теме они и сошлись. Он с нами не жил никогда, но приходил часто. Я его отцом не считал, не называл, само собой, поздновато было, но любил по-настоящему и сейчас люблю, перезваниваемся, видимся иногда. Вот такой же дождище лил и на похоронах, и на следующий день, когда мы с ним на могилу приехали, но так и не дошли, так всё разлилось. Только упрям сегодня вспоминал, как мы домой вернулись, и я заистерил.

– Прорвало? Это нормально.

– Не только в этом дело. Я за год до её смерти с женой разошёлся, шесть лет вместе прожили, ещё студентами встречаться начали. Она красавица была, впрочем, и сейчас тоже, просто привычнее как-то в прошедшем времени. Самое интересное, я её долго как женщину не воспринимал, может, подсознательно конкуренции боялся, – Одинцов сморщил лицо в подобии улыбки. – А потом в один момент вдруг всё перевернулось, совсем другими глазами взглянул. Она почувствовала, и понеслось. Много чего было, оба с тем ещё характером, но до свадьбы дорулили. Помню, счастлив был тогда до безумия, думал, сейчас всё начнётся, самое

интересное, другая жизнь, ради чего тогда люди желятся? А оно не начиналось и не начиналось, и ты пересташь понимать, зачем всё это. В семье она первой скрипкой была, не потому что хотела, дело во мне в большей степени. Я под неё подстраивался, природа такая, видимо, а она хотела мужской инициативы. В итоге дёрнуло меня налево, от безысходности, как ты говоришь, думал, может, прояснится что-то, остропа появится, но нет, только хуже стало. Всё только обострилось, понимание, насколько мы разные, два вагона. Никто ничего не узнал, не уверен на все сто, но скорее всего. Разошлись тихо, но маму это подкосило. Что бы ни говорил дядя Гена, я чувствую, так было. Первое время как разбежались, я эйфорию поймал, свобода, типа, можно всё по новой начинать. А потом осознание пришло. Это вина, Кира, её не смоешь никак, утюгом не загладишь. Я виноват перед женой, но там другое, с таким можно смириться, а здесь...

– Раз ты говоришь об этом, значит, думал, делал выводы...

– Не знаю. Думал, конечно, а насчёт выводов... Первое время после её смерти я вообще не представлял, как жить, бродил лунастиком, туман полный. Хорошо, что не пью, сегодня не в счёт, не сомневайся, иначе бы точно скатился. И дяде Гене спасибо, разговаривал со мной, объяснял что-то, да и друзья не забывали, есть у меня парочка ближайших. Понемногу стало... не то чтобы проясняться, наверное, ресурсы какие-то внутренние организм задействовал, чуть-чуть легче стало, а потом попалась мне та самая книжка на развалах. И так всё легло вдруг, тебе не передать. В общем, решил я аскезу принять. Шучу, конечно, но не без доли. Я подумал: люди, искупая вину, обычно совершают благие дела. Но я-то что могу, обычный фрилансер, дизайном занимаюсь у компа, фонд бла-

готовительный создавать не на что, в волонтеры не пойду. Не чувствую я, знаешь ли, такой любви к ближнему, чтобы помогать незнакомым людям, и с желанием, с состраданием. А по-другому, наверное, нельзя, хотя и говорят, что результат важнее. Не знаю. Значит, раз от меня пользы особой нет, то пусть хотя бы вреда не будет, как жене моей или той, с которой изменял. Она ведь на что-то тоже рассчитывала, надеялась. Так и живу, работаю, гуляю, читаю много, не только философов, кстати, стараюсь тело не запускать. Общаюсь в основном с дядей Геней и теми двумя ближайшими, спасибо им, много вопросов не задают, понимают или пытаются хотя бы. И ты права, так можно жить, хотя бывают дни, тяжело становится, мутно. Вспоминаю, еще когда с женой жили, в самом начале, всё хорошо вроде, ровно, и вдруг такое предчувствие накатывает, что это всё затишье перед лажей какой-то. Ты не знаешь, где конкретно проявится лажа, и от этого еще более поскливо, будто зудит что-то внутри, дождь серый по голове мелко долбит...

– Он, похоже, заканчивается, – произнесла Кира. Никита обернулся и посмотрел в окно, из которого виднелся клоч взъерошенного набухшего неба. Мысль мгновенно ударила в нём, он вскочил, сделал Кире знак оставаться на месте и метнулся к выходу. Дождь действительно затихал, превратившись в морось. Одинцов глубоко вдохнул влажный воздух, закрыл за собой дверь и вновь занял место напротив Киры.

– Послушай, – хмельная жажда деятельности переполняла его, – раз уж так всё сложилось, не съездить ли нам в гости к нашему философу?

– Прямо сейчас сядем на самолёт и полетим? Ладно, подожди, только закажу по сети билеты.

– Иронизировать будешь, когда дослушаешь.

Мы так ещё в студенческие годы развлекались. Выбираешь на карте какое-то место, желательное, подалее, смотришь, где оно находится по отношению к тебе, северо-запад, например. Это твоё направление. Потом надо узнать номер рейса, который туда летит, если есть такая маршрутка, да ещё и ходит поблизости – здорово, хотя я с таким раза три от силы спалкивался, нет, значит, выбираешь максимально близкий к этой цифре номер. Остаётся время поездки. Тут надо определиться с коэффициентом, лучше всего брать четыре. Скажем, лететь пять часов, умножаем на четыре, получаем двадцать минут. Сел в маршрутку, засёк время, через двадцать минут вышел – и ты на месте. Бродишь там, представляешь, что прилетел, куда хотел. Кайф же, серьёзно, по прогнозам сегодня уже не польёт, а мы вроде как без планов. Не понравится, развернёшься и той же маршруткой домой поедешь.

– Я во что-то такое с тобой вяпываюсь, не хочу даже знать, во что, – Кира помолчала, пожевала губами, потом выудила из сумки телефон. – Где, ты говоришь, он жил?

Через несколько минут сетевых поисков на столе появился блокнот и тонкая ручка. Кира неторопливо записала на листке данные и протянула Одинову.

– Тебе везёт. Два квартала отсюда, номер 214, рейс там двести второй, так что подходит. С направлением – это фигня, конечно, но если очень приблизительно, то сойдёт. Ехать тридцать две минуты. Проси чек и давай двигать, пока не передумала.

Они расплатились, вышли на улицу. Морось сошла на нет, на улице появились редкие люди. Огибая лужи, они прошли два квартала и встали немного за перекрёстком. Двести четырнадцатая показана

лась минут через пять. Несколько человек в салоне созерцали мир за покрытыми каплями стёклами.

– Я сзади и у окна, даже не спорь, моё любимое место, – безапелляционно заявила Кира.

– Не любишь быть в самой гуще? Ладно, валяй, сам такой, – Никита пропустил Киру вперёд. Они уселись, маршрутка пронулась, неспешно покачивая по серому асфальту. Одинцов достал из рюкзака меньшую ёмкость и добил её, опсалюповав пустой парой городу за окном.

– Ты сегодня пару раз говорил о каких-то двух вагонах, о чём речь?

– Если интересно, могу продемонстрировать, только про таймер не забудь, – Никита вытащил из внутреннего кармана куртки телефон, мопок наушников и протянул Кире. – Не брезгуешь?

– Вообще дурацкий вопрос, учитывая, куда ты меня затащил.

Она прикрыла глаза. Одинцов нашёл нужный трек и щёлкнул кнопкой. Под покачивание маршрутки Бумажный Слон начал свой рассказ о Сцилле и Харибде жизни, историю, которую Никита знал наизусть.

*Есть такая повесть под названием «Желтая стрела»,
Там чувак ехал в поезде и пытался из него свалить,
такие экзистенциальные дела.*

*По-моему, отличная вещь,
хотя ваш покорный слуга и хреновый критик,
Никогда не стремился преуспеть в этой науке,
имеющей много гитик.*

*У меня, знаете ли, похожая ситуация,
поезд, правда, маленький, всего два вагона,
Говорят, бывает и меньше, не суть,
вагоны эти на плечи легли, как погоны,
Как ангел и черт, как знаки отличия,
хотя отличаться особо и нечем,
Все как у всех: что-то ноет на сердце,
что-то лупит с размаху в печень.*

Есть еще паровоз: он, безусловно, должен быть,
но об этом я могу только догадываться,
Дверь туда задраена наглухо, верь мне,
я не один раз в нее пытался вламываться.
Изнутри ни звука. Утомившись,
я возвращаюсь в первый вагон,
там все чинно и крестообразно,
Нет ни души, порядок, белоснежные скатерти,
за окном проносится всяко-разно.
Можно сесть у окна и неспешно размышлять
о бытии и сознании,
Подбивать итоги, разрабатывать прожекты,
накапливать теоретические знания.
Мимо бегут дни, потом в голове щелкает,
я открываю ведущую в тамбур дверь,
Там все чисто, хотя и накурено,
не поленись и снова мне поверь.
Обычно я стою там некоторое время,
предвкушая предстоящие кайфы и проказы,
Затем нажимаю на железную ручку
и в буйство жизни с головой ныряю сразу.
Из колонок на пределе громкости
звучат песни разной степени антигуманности,
За столиками подпевают народ,
лица явно не первой свежести-сохранности,
Но это фигня: льется коньяк,
херес и еще что-то труднопроизносимое,
В воздухе коромыслом дым
и легкость бытия невыносимая.
Ближе к ночи в коридоре водят хороводы,
а потом, пошатываясь, по купе разбредаются,
В разных сочетаниях занимаются тем,
что почему-то любовью называется,
Затем короткий сон,
а утром по новой и так подряд несколько дней,
Концепция остается прежней,
однако накапливаются дыры и прорехи в ней.
Херес ушел в воспоминания,
в стаканах плещется самогон, гуляй рванина,
На смену этим вашим деликатесам

приходят пресловутые котлеты из конины.
Ночные утехи больше не греют,
и вот однажды, с солнца восходом,
Я понимаю, что остался один.
С трудом встаю,
к двери двигаюсь тихим похмельным ходом,
Липкий пол заплыван,
перегар и дым разъедают стены вагона,
Металлическая ручка, я внутри,
в тамбуре темно и холодно, словно бы на дне бидона.
Меня покидают силы, я опускаюсь на пол
и в позе эмбриона лежу где-то около трех суток,
Не получается уснуть,
в отчаянии считаю мутантов-овец и двухголовых уток,
Наконец, голод и жажда берут свое,
я поднимаюсь и захожу в первый вагон,
На мгновение просыпается ощущение,
что без меня сотню лет бежал по рельсам он.
Как всегда, чистота и порядок,
на скатерти стоит обильный безалкогольный ужин,
Я проглатываю его и заваливаюсь на полку,
наслаждаясь теплом после тамбура стужи.
Поезд идет, бежит река, проходит жизнь,
и когда подходит к концу время спать,
Я стряхиваю с одежды пепел,
сажусь у окна и снова начинаю созерцать.
По кругу, все время по кругу, ты знаешь,
что ждет впереди, вертись в колесе сансары,
Тебе знакомы будущие кайфы,
знакомы и будущие кары.
Чувак в повести все же сошел с поезда,
не без потерь, конечно, не без труда –
Я думаю о нем, прижавшись лбом к стеклу,
глядя отсюда туда.

– По кругу, по кругу, – прошептала она, опустив наушники на колени. Никита молчал, всё было и так понятнo. Молчание растянулось во времени, насколько, никто не мог сказать, пока он, неловко, коряво, не сломал нависшую над ними паузу.

– В каких ты отношениях с музыкой?

– В разнообразных. Наверное, больше информативность ценю, тексты, а музыка должна подчёркивать, ну или хотя бы не отвлекать. Тогда давай баш на баш, раз уж понеслось, нам ещё двадцать минут ехать, – она вставила штекер наушников в разъём своего телефона. «Ээ скримерс», прочитал Никита название группы на экране. – На, послушай Крикунов, а то даже поделиться не с кем.

Крикуны полностью оправдывали своё название. Это был настоящий панк, непричёсанный, гитара, бас и барабаны, прямо в лоб, сорванный голос на фоне стены звука. Ночью видно то, чего нет, заколачивал гвозди вокалист, но на улице день, сорокоградусная жара, и твой командир телевизор велит тебе любить воду и бояться огня с утра. Но есть песня, которая не даст тебе покоя, пролезет в любую щель и, погубив навсегда, однажды заставит разбить пульт к херам и стать на верный путь.

– Клёво валять, – Никита широко улыбнулся, – я на таком ещё в школе вытарчивал, аж ностальгия продрала. Но знаешь, будешь смеяться, у меня телевизор дома периодически работает, особенно по утрам.

– Гимнастику делаешь, никак, – она ехидно сощурила глаза, отчего её лицо стало почти отпалкивающим.

– И это тоже. Дурь, конечно, но у каждого свои методы расслабляться. Я вот послушаю какую-нибудь дичь про наших звёзд, кто что накачал, с кем переспал, пол сменил, сам в это время завтрак готовлю или ещё чем занимаюсь механическим, и внутри всё осаживается, голова очищается, сам не пойму, какой тут механизм. Но после этого можно спокойно садиться и работать целый день.

– Переключаешься так, наверное.

– Ага, но есть ещё моменты. Иногда такое услышишь, аж мозги заворачиваются. Например, рекламы. Не хватает денег до зарплаты – вот тебе кредитка, живи, не хоч. Интересно, как человек, не дотягивающий до конца месяца, может разобрататься с кредитом? Или шоу эти. Собирается толпа зрителей, всякие якобы эксперты, те же звёзды, а перед ними драмы разыгрывают, типа, оставил отец деток малолетних и жену больную, а сам в альфонсы к шестидесятилетней бизнесвуман подался. Ведущий стоит в позе, лицо как у ангела-обличителя, морали читает, отец по законам жанра глаза опустил, молчит. А я вот бутерброды делаю и думаю: классно-то как, примерил на себя роль судьбы, бога, а все заглапывают, аж слюной от восторга исходят. Так что про пульт – это в почку.

Они снова замолчали. Каждый погрузился во что-то своё. Кира, прислонившись лбом к стеклу, совсем как в первом вагоне, смотрела на серый мир, на виске её билась тонкая жилка. Одинцов думал о бурлящем хаосе, вращающихся в нём кубиках. Хаос выплёвывал их прочь, они успокаивались гранями, поворачивались к небу. Каждому выпадало что-то, не по заслугам, прихоть бездушного мироздания, непостижимая жизнь. Эта жизнь весело лепила лица, которые носят до конца, с гордостью или как проклятье, и мало кому было дело до того, что скрывалось за ними. Кира не нуждалась в жалости, ей не хватало тепла, и Никита, не зная, как дать ей это, выпил показавшегося горьким пива. За полминуты до сигнала таймера они почти синхронно поднялись, попросили водителя сделать остановку, расплатились и вышли, чтобы увидеть, куда их привела дорога.

Это было место, которое традиционно называют периферией, несколько километров до черты

города, очередная попытка построишь за деньги земной мини-рай вдали от бесплодной суеты центра. Остановка, два-три квадратных метра асфальта под пластиковым навесом, обосновалась на перекрестье двух дорожных полос. Одну, значительно шире и солиднее, в обе стороны утюжили вечно куда-то спешащие колёса машин, вторая узким перпендикуляром вводила в совершенно иной мир. Стелясь вдоль рядов высоток, изрезанных арками, со скамейками, анабиозными клумбами, подъездными дорожками, она бежала к горизонту, внезапно круто соскальзывала вниз, и там, за бетонными громадинами, ряды голых деревьев предвосхищали поля, бескрайние, уходившие в никуда. «Ну вот же оно, смотри, это же джунгли, разве я не говорил тебе?» – Никита с размаху хлопнул рюкзаком о землю, возмущая пивное спокойствие под пластиковыми сводами.

В молчании они прошли свой путь, под мутными взглядами заплаканных окон, наблюдая открывавшиеся арками детские площадки, прочитав надпись «Магазин-бар» на приземистом прямоугольнике у последнего здания. Лишённые зелени джунгли спали перед ними стеной, сочась слезами увядания.

– Вот здесь его и похоронили.

– Прямо здесь?

– Да. Какая разница, здесь или там? Он говорил: забравшись на дерево, ты можешь увидеть мир, усевшись под ним, разглядишь себя. Мне кажется, он был счастлив, даже когда умирал под этими их мотыгами. Лежать в земле, которая давала тебе свои соки, питала тебя, может, в этом и есть настоящее счастье.

– Может. А я вот в детстве боялась таких мест. Однажды вычитала где-то, как люди в древности опасались ходить через поля, роши, боялись встретить кого-то из своих богов. Вот тебе твои два

вагона на практике. Ты молишься, приносишь жертвы, выпрашиваешь у них благополучие, плодородие, чтобы реки разливались, и при этом понимаешь, что вы из разных вселенных. Увидеть фавна, сатира, не говоря уже о старших, гарантированно означало сойти с ума, такой себе построенный на страхе мир.

– Иррациональный ужас?

– Ну да, он самый, камни сочатся кровью, животные разговаривают человеческим голосом. Но для них это было естественно, часть картины мира. А вот мы...

– Мы боимся только земного, – закончил он. Они пошли по искусственной поверхности, вдоль бордюра высотой со стопу, границы между цивилизацией и загнанной в тупик природой.

– Ты свободен, – сказала она на одном из сопен или тысяч шагов. – Все в итоге остаются наедине с собой, у тебя это получилось раньше других.

– Нет, – они шагали в ногу, словно солдаты на плацу перед последним боем. – Я пытаюсь испить вина, свобода – это совсем другое. – он хотел сказать ей о тех, кто смог пренебречь кубиками, прокладывая свой путь в хаосе, и промолчал.

Они бродили взад-вперёд, доходя туда, где за деревьями взгляд вдруг пронзал безграничность просторов, и когда пришло время, и стало холодно, не переглядываясь, отправились назад, в магазинный прямоугольник. Продавщица-бармен, в синей хламиде, вынырнувшей из детских воспоминаний, одела их горячими бутербродами, чаем и неизбежным пивом. Никита отхлёбывал, радуясь прихотливости бытия, придвигаясь к ней вплотную, шипел о невыносимой лёгкости всего и вся, и она, чокаясь с ним кружкой, признаваясь, что никогда не пробовала, в итоге позволила поставить перед собой пенную царицу. Был смех, затёртые анекдо-

ты, воспоминания и откровения, побеги в туалет, и когда она сказала это, Одинцов не удивился, словно бы готовился всю предшествовавшую жизнь.

– Видел эти высотки? Я в такой жила двадцать с лишним лет. Вначале с родителями, мамой, недолго, ничего не помню, конечно, потом у бабушки. Есть два входа, лестница, просто пролёты и стены, и квартиры, там лифт ходит, такие себе параллельные желоба. Между ними на каждом этаже балкон. Пошли, покажу кое-что.

Они вышли, оставив купюры синей униформе, улыбнувшись на прощание, пересекли блестящий лужами перпендикуляр, прошли под аркой, обогнули поникшие краски качелей-каруселей в поисках свободного доступа. Одна из дверей открылась в каком-то метре от них, выпуская седовласую даму с нахохлившейся собачкой на поводке, завязка сюжета викторианской повести, и оба прошмыгнули в образовавшийся проход, благодарно отсалютовав чопорным леди. Игнорируя изгиб лестничной площадки, голой, без квартир, с несколькими хаотично разбросанными по стене почтовыми ящиками, она вдавила в тусклую панель кнопку. Откуда-то сверху загудело, и шум, нарастая, разродился запахнувшейся пастью створок, механическими объятиями цивилизации. Они зашли внутрь, Кира небрежно ткнула пальцем, указывая направление, лифт заурчал, наращивая обороты.

– Молодец, хороший парень, тяжело, я знаю, но нужно, кто ж кроме тебя нас поднимет, – шептала она, вполоборота, лицом к стене.

– Ты с кем? – спросил Никита, расстёгивая молнию рюкзака в тусклом электрическом свете.

– С ним, – слова падали бесстрастно, констатируя давно известные истины. – Лифты как люди, загадочные создания, никогда не знаешь, что ему взбрѣдет в голову, где он остановится, на этаже,

между или вообще рухнет, костей не соберёшь. С ними нужно разговаривать, не задабривать, как старших, просто общаться, они должны понимать, зачем сумками о стенки прутся.

Гул дошёл до пика, распался пополам, выпустив их в пространство лестничной клетки. Кира поднялась на половину пролёта, обогнув мусоропровод, нырнула в зияние и замерла перед огораживающими бездну поручнями. Никита шагнул на балкон, и это внезапно раскрылось перед ним, скомканное небо, уводящее в невообразимые дали, ощущение из школьного детства, когда в воскресенье, после наполненного радостью дня, наваливается гнусь пьески, осознание необходимости возвращаться в отдающий мелом и пережаренными макаронами мир.

– Так и было с женой, всё вроде хорошо, а сто-нешь внутри, – заговорил он вдруг, наращивая темп, стремясь выплюнуть всё наслоившееся пластами лет. – А когда мама умерла, я осознал смерть, смертность, если хочешь, всю эту вспышку в темноте, и разве может кто-то кому-то пор-пить жизнь, зная, что её так мало, нет, по сути, но мы портим, портим, а потом разбиваем лбы об самих себя, – Одинцов говорил быстро, коверкая слова, всё быстрее и быстрее, в попытке донести главное, с чем просыпался и усypал, чему подчинил себя, так мечтая, чтобы кто-то разделил эту тяжесть с ним.

– А я думаю об ответственности, – влажные небеса впитывали её тихие слова, становясь ничем, – любовь – слово, влюблённость, возможно, но потом начинается работа, внутренняя, и кто к ней готов?

– Мы с тобой два вагона, – прошептал он, сжи-мая и разжимая пальцы на поручнях, и она безмолвно согласилась, ему хотелось так думать, и это было так. Синхронными солдатами они спустились по равнодушным ступеням, без слов, не замечая

вспучивших штукатурку стен надписей, не глядя под ноги. «Что бы я делал с ней, – пронеслось в голове Одинцова, – это чудовищное единение, и утро, когда она смотрит на меня, ни за что, но всё же...» – он усердно переставлял ноги и молчал, пока они вышли из подъезда, дожидались маршрутку, тряслись в ней тридцать две минуты, свыкаясь с неизбежным, и когда дверь её квартиры захлопнулась за ними, в темноте она казалась ему единственной красавицей.

«Сильно меня любишь?» – в день моего рождения привычно спрашивала она,

Нестандартный вопрос, но учтите два выпитых стакана вина,

Потом следовал поцелуй, вообще не дежурный, скорее какой-то расперянный,

Она не знала, как выразить чувства, общим аршином ни разу не измеренные.

Так было часто. Он просыпался, и она уже звучала в голове, та самая песня, определяющая всё и вся, всю жизнь, и оставалось только следовать её словам, тексту, ведущему за горизонт, через бескрайние поля одиночества. Тем утром с ним говорил Бумажный Слон, единственная вещь о любви, о двух расперянных перед её лицом людях, она обращалась к нему, в попытке осознать громаду чувства, стыдясь, боясь и так желая его. В голове зарождался мир, и он вдруг увидел её, всю, повернутую к стене, словно бы даже во сне она не хотела встречать лицом хаос. Кира мирно посапывала, и он, испуганный, очарованный изгибом её спины, не желающий этого, выбрался из путаницы простыней. На притаившемся у кровати стуле громоздились его пожитки, и он втянул в них себя, краем глаза отметив остатки у пластиковых берегов. Одинцов повёл зрачками, рассмотрел стерильные поверхности, на цыпоч-

ках добрался до двери, положил руку на холодную поверхность замка, помедлил вечность, отпустил и вернулся в комнату. Он долго сидел и смотрел на неё, пока счастливую, пребывавшую в другом неведомом мире, а потом она повернулась и взглянула из-под сбившихся ночью волос. Никита лихорадочно искал слова и внезапно, когда бытие с размаху навалилось на него, он увидел то, что должен был произнести.

– Доброе утро, – сказал он.

КЛЕТКА

С болью

Падение Брюкнера, скольжение сквозь тьму жёлоба, приведшего его в клетку, началось воскресным вечером последнего месяца весны. Он возвращался домой от Марты, шёл по улице Цветов, вдыхая тягуче-сладкий воздух. Загустевший, почти как сироп, тот становился таким всего на несколько дней и только в это время года, когда сменялись сезоны. У метеорологов было какое-то объяснение этому феномену, о чём туристы могли прочитать в брошюрах, продававшихся в любом киоске. Без сомнения, учителя в школе позже подробно раскрывали суть явления, но их рассказы давно уже стёрлись из памяти Брюкнера. Марта предлагала ему остаться у неё на ночь. Возможно, ей хотелось ещё раз обсудить детали предстоящего перформанса, её могли будоражить мысли о сексе, внезапно случавшемся у проснувшихся в самый глухой час суток. Брюкнер взвесил все за и против и отказался. Утром он собирался отправиться на работу на велосипеде, двадцать минут по свежему ветру, что не шло ни в какое сравнение с толчеей в метро. Марта кивнула и поцеловала его на прощание. Никаких сцен, они не состояли в браке и не отягощали себя лишними обязательствами, предпочитая удовлетворять в первую очередь собственные желания.

На подходе к Площади, там, где, несмотря на сгущающиеся сумерки, продавщицы цветов всё ещё несли службу у своих лотков, Брюкнер заметил на стене граффити. Из-за жирных чёрных прутьев смотрело морщинистое лицо, спрадальческая гримаса, квинтэссенция одиночества. «По ту сторону тоже есть права», – бежала надпись под рисунком. Брюкнер был согласен с тем, что заключённые

заслуживали человеческого отношения, и всё же не мог понять, какие обстоятельства толкали их на преступления. Государство давало всем равные возможности, помогало сиротам, безработным, иммигрантам. Любой мог получить образование, найти достойную работу, жить и пользоваться всеми благами жизни. Воровать, грабить, тем более убивать, и всё ради того, чтобы приобрести то, чего можно было достичь без всякого риска, – какой в этом был смысл?

На площади Единения, как и всю предыдущую неделю, было особеннолюдно. Жители города готовились к карнавалу. Брюкнер обошёл несколько групп туристов, размахивавших брошюрами из киосков, парочку панков, цветные гребни на головах, кольца в их носах соединяла цепочка где-то в метр длиной. Его окружали обычные граждане, наслаждавшиеся вечером выходного дня, фрики самых разных мастей, демонстрировавшие чудеса модификаций тела, кто-то держал в руках плакаты с лозунгами протеста или в поддержку чего бы то ни было. Звучала музыка, люди одного пола выказывали друг другу свои чувства, не вызывая ничего осуждения. Это была та самая толерантность, за которую боролось их государство, и Брюкнер не мог не чувствовать радость, наблюдая её проявления. Внезапно его внимание привлёк сидевший прямо на плитах площади старик. Высокого роста, худой, даже измождённый, с запавшими глазами на высохшем лице, одетый в какое-то тряпье, он сидел на месте, покачивая бритой головой, не обращая внимания на суету вокруг. У скрещённых ног старика примостилась деревянная чаша со сколотым краем и маленькая клетка. В клетке склabilась облезлая обезьянка, такая же тощая, как и её хозяин. Иногда она начинала подпрыгивать на месте, хвататься за прутья, всё это совершен-

но беззвучно. Время от времени прохожие бросали в чашу монеты и тут же удалялись, словно нищий внушал им неосознанный страх. Металлические диски со стуком падали на деревянное дно, не вызывая никакой реакции старика. Что-то заставило Брюкнера остановиться. Один посреди движущегося потока, он не мог оторвать глаз от сидящей на земле фигуры, и нищий вдруг поднял глаза, замер, на мгновение встретившись взглядом со смотрящим. Затем покачивание возобновилось. Брюкнер, словно очнувшись, встряхнулся и, ускорив шаг, двинулся к дому. По дороге он не мог отделаться от мыслей о странном старике, об овладевшем им непонятном чувстве. В своей квартире Брюкнер разделся и отправился под душ. Тугие струи освежили его, отогнав воспоминания. Он почистил зубы и, с телефоном в руках, забрался под простыню. Минут десять он просматривал ленту новостей, поставил несколько поднятых пальцев под фотографиями друзей, затем выключил свет и мгновенно погрузился в глубокий сон без сновидений.

Восемь часов спустя, медленно всплыв на поверхность омута, ещё не до конца осознавая реальность, Брюкнер, как и каждое утро, потянулся к столику у кровати за телефоном. До звонка будильника оставалось больше получаса, и это значило, что все утренние ритуалы можно было совершать не спеша. Ещё одним достижением демократии стала рекомендация правительства начинать рабочий день в понедельник на час позже, чем обычно, чтобы люди могли легче адаптироваться к быту после выходных. Брюкнер мысленно поблагодарил гуманистов из парламента и вошёл в сеть. За ночь в новостной ленте не появилось почти ничего нового, лишь одно видео, опубликованное неким Олли У. Когда-то они учились на одном курсе в Университете, потом Олли уехал стажиро-

ваться куда-то на Восток и, по слухам, там и остался. Несколько лет спустя Брюкнер обнаружил его страницу в сети и добавил в список друзей. У. принял приглашение, они обменялись традиционным «привет», на чём их общение и закончилось. Скорее от нежелания вставать раньше положенного, нежели из интереса, Брюкнер открыл видеофайл. Это была запись передачи какого-то новостного канала. Диктор говорил на непонятном языке, однако внизу экрана бежала строка субтитров. Далёкий от политики Брюкнер собирался уже закрыть окно плеера, но в последний момент что-то удержало его палец у самого экрана.

«Акции протеста против результатов президентских выборов, – читал Брюкнер субтитры, – начавшиеся в столице, вчера были подхвачены в ряде других населённых пунктов. Так, жители коммуны В., около трёх сотен человек, массово покинули свои дома и разбили палаточный городок прямо посреди крупнейшей прассы страны, полностью парализовав движение. Они заявляют о подтасовке голосов избирателей и выражают недоверие переизбранному на второй срок президенту. Вот что говорит один из участников акции».

На экране появился всклокоченный мужчина лет сорока. Нервно подёргивая воротник поношенной куртки, на фоне сгрудившихся вдоль бетонной полосы палаток, он бросал слова, состоявшие, казалось, из одних согласных.

«Мы больше не собираемся это терпеть, – после короткой паузы снова побежали титры. – Они разграбили всю страну, разрушили сельское хозяйство. Нам платят копейки за то, что мы выращиваем, а потом они экспортируют зерно и овощи на Запад, ставят цены в пять-семь раз дороже и прибыль кладут в карман. Ни один нормальный человек не станет за них голосовать, все эти вы-

боры – наглая ложь. Мы заявляем, что не уйдём отсюда, пока результаты голосования не признают недействительными. Пускай они не угрожают уничтожить наши дома и имущество – при такой нищете нам нечего терять. Снимайте, снимайте это всё, и если трассу разблокируют, а президент останется у власти, значит, они подняли солдат и расстреляли всех нас, своих мирных граждан».

Камера качнулась в сторону, поплыла вперёд. Брюкнер видел мрачных людей, сидевших на корточках возле самодельных палаток, женщин, две из них держали на руках грудных младенцев. Внезапно ему показалось, что он узнал одного из стариков, перед ним был измождённый нищий с площади. Брюкнер вздрогнул, тряхнул головой, и видение пропало, просто сгорбленный мужчина, сидя на корточках, раскачивался у куска брезента. Видео закончилось, и Брюкнер торопливо провёл пальцем по экрану, убирая ленту.

Несколько минут он неподвижно лежал, а потом резко вскочил с кровати, словно спряхивая наваждение. Зачем он смотрел все эти ужасы? Почему в цивилизованном мире, где давно победила демократия, всё ещё происходили подобные вещи? Ему пришло в голову, что их правительство обязано вмешаться в ситуацию, послать туда миротворческие войска и восстановить справедливость. В конце концов, они могли отправить петицию главе государства. Брюкнер не сомневался, что документ наберёт нужное количество подписей за пару дней, а затем, без всякого сомнения, последует реакция.

С этой мыслью он отправился на кухню. Закончив с постами и хлопьями, сидя над дымящейся чашкой кофе, Брюкнер внезапно подумал о том, что почти ничего не знал о жизни на Востоке. Когда-то, ещё будучи студентом, он посмотрел

один фильм, отвратительный, хотя любопытство и не дало ему прервать просмотр до финальных титров. Главный герой жил в одной из восточных стран. Когда тоталитаризм там потерпел крах, наступил переходной период, жуткое время с криминальными перестрелками прямо на улицах и почти открытой торговлей наркотиками. Когда всё более-менее успокоилось, и страна встала на путь технологического прогресса, возникла новая проблема, связанная с информационной безопасностью. Работа героя фильма заключалась в том, что он должен был фиксировать адреса найденных им сайтов, порнографических, связанных с торговлей наркотиками и насилием, и сообщать о них своему руководству. Целый день сидя за компьютером, окружённый со всех сторон перегородками, ограждённый от других сотрудников, словно в клетке, под влиянием просмотренного он стал сходить с ума. Обнаружив сайт, где, перечислив на указанный счёт определённую сумму, сидя перед экраном, можно было руководить происходящим в реальном времени убийством, он превратился в одержимого. Сайт постоянно менял свой адрес, находить его становилось всё труднее и труднее. Теряя остатки вменяемости, мужчина избил свою девушку, со скандалом был уволен с работы, за неуплату в его квартире отключили электричество. Он продал все более-менее ценные вещи и ночевал на улице, всё оставшееся время проводя в кибер-кафе. Одним днём некто неожиданно прислал ему адрес места, где он мог найти то, что так искал. Мужчина явился в указанный дом и оказался запертым в комнате, которую уже видел, руководя убийством на расстоянии. Навстречу ему вышли двое, в масках и с холодным оружием в руках, и тогда он закричал...

Фильм, малобюджетный, предельно реалистичный, вызвал тогда у Брюкнера пошноту. Он до-

смотрел его до конца, не мог не досмотреть, хотя и промотал две-три самых кровавых сцены. Увиденное несколько дней не выходило у него из головы, и сейчас снова вспомнилось в связи с видео, препетавшими на ветру палатками. Быть может, люди из той части Континента всё же отличались от них, что бы ни говорили учёные, были более склонны к насилию и разрушению, а потому так до сих пор и не сумели построить справедливое общество. Может, природа не заложила в них стремление создавать крепкие связи с другими, и они не могли понять значение солидарности и единения. Компьютерщик из фильма закончил свою жизнь закономерно, большую часть её проведя в клетке из пергородок. Брюкнер вдруг подумал о том, что в своём офисе он находился в схожих условиях, разве что его личное пространство было значительно шире. Впрочем, сравнение выглядело неуместным. Коды, которые создавал Брюкнер, равно как и его коллеги, являлись продуктом индивидуального творчества и защищались авторским правом. Никто даже по случайности не имел право видеть их до тех пор, пока все готовые части программы не сливались в единое целое. Уже готовясь выходить из квартиры, Брюкнер вдруг вспомнил одного из своих университетских преподавателей, культуролога, по имени, если он не ошибался, Штайнманн. Тот, напротив, утверждал, что жителям Востока было в большей степени, чем им, свойственно стремление к духовному познанию мира. Последнее влекло за собой неразрешимые вопросы, приводя к кризису, порой заканчивавшемуся даже самоубийством. В одном из романов, которые они разбирали на лекциях, персонаж испытывал непреодолимую тошноту всякий раз, когда окружающие, реагируя на его искания, пытались объяснить ему необходимость жить обыденной жизнью. Лишь психиатрическая

больница спасла героя от смерти из-за постоянных приступов тошноты. Тогда Брюкнер слушал без особого интереса, конспектируя только основные моменты ради оценки. Ему неожиданно пришло в голову, что вряд ли когда-либо в его жизни было подобное утро, наполненное таким количеством воспоминаний и непривычных размышлений. Брюкнер пожал плечами и покинул своё жилище.

Работа ног на педалях, знакомый ритм движения захватили Брюкнера, и к офису он подъехал полным сил и желания действовать. Велосипед он прикрепил тросом к одному из столбиков, предназначенных для сотрудников компании, вошёл внутрь и сразу же отправился в душевую. В их офисе было всё для того, чтобы работавшие там чувствовали себя максимально комфортно – кафе, комната отдыха с настольными играми и даже небольшой спортзал с тренажёрами и столом для пинг-понга. Поднявшись на второй этаж, Брюкнер столкнулся с Рихардом З., который работал в соседней с ним секции. З, стоя у дверей комнаты для курения, одной рукой ожесточённо тер глаза, другой пытаясь выудить из кармана пачку сигарет.

– Хотел бы я, – Рихард вяло пожал протянутую руку, – быть таким же активным с утра. Наверное, спишь всю ночь?

– Ну да, потому что ложусь вовремя, – улыбнулся Брюкнер. – Опять тренировался?

– Не так много, как хотелось бы, до двух где-то, – З широко зевнул. – Думал, лишний час, выплюсь нормально, а еле голову от подушки оторвал. Ладно, пойду взбодрюсь, – Рихард потряс пачкой и исчез за дверью.

– Ничего, станешь получать призовые, тогда и отдохнёшь, – всё ещё улыбаясь, прокомментировал Брюкнер в пустоту. З был фанатом компьютерных игр, мечтавшим сделать карьеру киберспортсмена.

Играл он по шесть-восемь часов в сутки, по сути, трапя на это всё свободное от работы время. В двадцать пять он по-прежнему жил с родителями, носил несуразные очки с толстыми стёклами и ужасно сутулился. Брюкнер сомневался, что в возрасте Рихарда можно было составить конкуренцию молодняку. Те, казалось, рождались с мышью в руке, но, в конце концов, каждый имел право на собственный взгляд на жизнь.

Стол Брюкнера находился в большом зале, разделённом на четыре отсека. Согласно политике компании, работавшие над проектом были защищены от любых воздействий извне, в то же время находясь в одном помещении. Последнее стимулировало корпоративный дух и сознание личной ответственности. Брюкнер положил рюкзак на маленькую тумбочку, вытащил из него телефон, дождался загрузки компьютера и погрузился в процесс. Компания готовилась к презентации революционного устройства для сторонников здорового образа жизни. Прибор в виде браслета не просто анализировал количество сделанных шагов, частоту пульса и артериального давления, в случае надобности сигнализируя об опасности. Революционность заключалась в том, что электронный мозг, базируясь на постоянно получаемых биохимических данных, ежедневно рассчитывал, какую пищу и в какое время человеку следовало принимать, чтобы вернуть себе прежнюю форму, улучшить спортивные результаты, избежать проблем со здоровьем. Мобильное приложение-сателлит позволяло владельцу заказывать необходимые продукты с доставкой, не совершая никаких действий. В определённое время курьеры привозили еду и напитки в ту или иную точку города, деньги автоматически списывались с банковского счёта. Несмотря на протесты медиков, диетологов и профессиональных спортсменов, программа,

пройдя долгий период тестов, получила одобрение правительства. Основная часть работы уже была завершена, и сейчас команда Брюкнера занималась выявлением возможных ошибок.

Телефон на шумбочке содрогнулся лупом из свежего танцевального хита. Отпорвавшись от монитора, Брюкнер бросил взгляд на экран. «Площадь 630?» – писала Марта. «Да», – опщёлкал он, взглянул на индикатор времени и нехотя выдрал себя из объятий кресла. Следовало пообедать, восполнить силы, чтобы успеть закончить работу к шести. В половине седьмого они с Мартой должны были встретиться на Площади с Паулем Н. Пауль занимался идеологической стороной карнавала, события, ежегодно привлекавшего в город десятки тысяч туристов. В этот раз темой стали экологические проблемы и защита животных. Брюкнер и Марта собирались появиться в образе запертых в клетку гориллы и сторожа зоопарка. После долгих объятий и поцелуев горилла выходила наружу, сторож же оставался взаперти, сквозь прутья глядя вслед уходящей возлюбленной. Мысль о том, что все живые существа в мире чувствуют одинаково, трудно было выразить лучше. Костюмами и клеткой занимался Флаке И., приятель Марты, работавший в киноиндустрии. Сидя за столиком в кафе на первом этаже, пережёвывая салат, Брюкнер, сам не зная почему, снова вернулся мыслями к нищему на Площади, клетке с обезьянкой, словно бы пародии на их предстоящий перформанс. Воспоминания не покидали его до тех пор, пока он не уселся в кресло в своём отсеке, а через минуту щелчки кнопок снова задали сознанию необходимое направление работы.

Покинув офис, Брюкнер заехал домой, оставил там велосипед и отправился на Площадь. Идя по её плитам, огибая туристов, панков, фриков и обыч-

ных граждан, он вспоминал, как год назад впервые встретил здесь Марту. Высокая, почти болезненно худая, в коротком чёрном платье и такого же цвета гетрах по колено, она сжимала в руке связку воздушных шариков. «Старая корова», – краснела по оранжевому надпись на одном из них, – «Ещё на год ближе к могиле», «Попряси жиром в свой праздник», – там было много заслуживающих внимания фраз. Не раздумывая, Брюкнер изменил направление движения.

– Креативно, сама придумала, или друзья порадовали?

– Идея моя, исполнение их, – растягивая гласные, ответила Марта, окинув собеседника взглядом.

– Неплохо. Так что, тебя можно поздравить?

– Ну, если тебе сильно хочется... Слушай, я попроплюсь, сегодня собираемся в «Девятке», знаешь такую? – Брюкнер утвердительно кивнул. – Будет нечего делать, подходи, мероприятие открытое.

Как Брюкнер узнал позже, это была обычная манера общения Марты со всеми, включая незнакомых людей. Однажды она объяснила ему, что в их бизнесе форс-мажоры случались так часто, что, в целях экономии времени, сотрудники компании предпочитали говорить исключительно по делу, отсекая в речи всё, напрямую не относящееся к сути вопроса, постепенно перенося это и на разговоры вне работы. На тот вечер у Брюкнера действительно не было планов, с предыдущей подругой он расстался за месяц до того, поэтому ничто не мешало ему явиться в «Девятый круг», клуб, где предпочитала собираться креативно мыслящая молодёжь. Он стал свидетелем фаер-шоу, коллективного раскрашивания пластикового макета коровы, хаотичных хороводов вокруг составленного из пустых бутылок дерева, в итоге со звоном рухнувшего, и всё же смог пробраться к Марте, обменявшись с ней парой десятков фраз. Так началось их знакомство,

быстро переросшее в отношения. У них был качественный секс, велосипедные прогулки и схожие взгляды на жизнь. Они оба много работали, Брюкнер в офисе, Марта в рекламном агентстве, и свои встречи воспринимали, как возможность сменить декорации. Временами Брюкнеру казалось, что девушка могла хотеть чего-то большего, но он, цenia свою жизнь, никогда не запрагивал эту тему.

У памятника в самом центре площади, там, где они договорились встретиться, Брюкнер увидел двух молодых людей. Перед ними стояла колонка, оба держали в руках гитары, один пел в устройшийся на стойке микрофон. Слова не всегда можно было разобрать, они были спранными, что-то об упадке континента, прогнивших ценностях, необходимости разрушить всё и начать заново. Брюкнер уважал право каждого на самовыражение, но откровенно не понимал такое творчество. Что не устраивало этих парней в обществе, неужели они действительно хотели, чтобы вокруг началось то, что творилось сейчас на Востоке? Голос Марты отвлек его от вопросов. Она махала ему рукой, облокотившись о пьедестал, в белом топе и красно-чёрной юбке в клетку, старшеклассница, сбежавшая с уроков. Брюкнер почувствовал резкий укол либидо. Они припали друг к другу в тени гранитного рыцаря, легендарного основателя города, столетиями угрожавшего мечом невидимым врагам.

– Пойдём быстрее, пока там есть ещё с кем говорить, – смеясь, Марта, наконец, оторвалась от него и потащила за руку в сторону платформы.

– Что, всё так плохо? – Пауль Н., нынешний арт-директор мероприятия, был известен всем своей любовью к курению трав, не запрещённых законом, но в таких количествах, что периодически он переключался на общение с высшими сферами, забывая о земных делах.

– Пока ещё нет, но тут никогда не определишь, когда начнётся.

Они подошли к платформе, облепленной орудовавшими своими инструментами рабочими. В день карнавала на ней будут стоять мэр и городские депутаты, приветствовать участников праздника и определять наиболее удачные образы. От платформы отделилась приземистая фигура Пауля. Он двигался как-то неровно, то растягивая шаг, то прыгая. Приблизившись к Брюкнеру и Марте, Н. глубоко поклонился, заставив свои руки взлететь за спиной до уровня головы, и, выпрямившись, залился счастливым смехом.

– Все рассуждают о смысле жизни, а я вот уже нашёл его, – потряхивая плохо промытыми прядями волос, Н. довольно подпрыгивал на месте. – Смысл в том, – тут он понизил голос до заговорщицкого шёпота, – чтобы идти строго по плитам, не наступая на стыки. Да будет вам известно, друзья, что площадь Единения, на которой мы с вами сейчас находимся, вымощена каменными плитами правильной квадратной формы. Сколько-то там тысяч, точно не помню. Естественно, они как-то должны стыковаться между собой. Так вот, на месте этих стыков находятся слабые места, из них в наш мир может просочиться космический хаос. Наступая на них, вы поглощаете его частичку, потом ещё одну, ещё, а потом инфаркт во цвете лет или ещё какая-нибудь биполярщина, – снова счастливый смех. – Короче говоря, ходим исключительно по плиточкам и приближаем эру абсолютного счастья.

– Пауль, это гениально, теперь только так ходить и буду, – одухотворённо произнёс Брюкнер. – Но вот, если позволишь, пока эра ещё не наступила, пару прагматических моментов по поводу нашего появления на карнавале.

Марта поднесла ладонь к лицу, пряча улыбку.

Опыт общения с изменившим сознание арт-директором убеждал, что разговаривать в подобных состояниях с ним следовало исключительно серьёзно.

– Да-да, – Н. подобрался, застыв прямо посреди каменной плиты. – Какие-то проблемы?

– Проблем нет, костюмы готовы, клетка тоже, осталось определиться...

– Ааа, эта ваша межвидовая любовь, – Н. снова расцвёл широченной улыбкой, – классная идея! Но у нас тут с конкуренцией всё плотно обстоит, чтобы вы знали. Вот, например, человек-озоновая дыра или три панды курят бамбук. Ну, вы понимаете, – арт-директор пошатнулся, готовясь снова зайтись хохотом.

– Пауль, аккуратно, а то на стык наступишь. Про конкуренцию мы знаем, нас интересует очередность. Можно сделать так, чтобы мы появлялись ближе к концу, не завершать, конечно, но в последней десятке?

– Не бойтесь, что народ к тому моменту пресытится и перестанет всё воспринимать? – профессионал внезапно проявился в Н., заставив его пошевелить лицом.

– У нас идея такая. Горилла уходит на свободу, но всё равно тоскует, поэтому начинает бегать по толпе, искать любимого. А потом, когда всё закончится, все выстроятся возле платформы, она найдёт клетку, собьёт замок, хэппи-энд, короче.

Они ещё некоторое время обсуждали карнавал, эру счастья и стыки между плитами, проследили, чтобы Н. внёс их перформанс в нужное место в списке и, наконец, удалились, оставив арт-директора в одиночку противостоять хаосу.

– Может, пойдём ко мне, поужинаем? – Марта прижалась к его плечу. – Говорил ты, а у меня ощущение, что я третий день подряд на силовых тренировках отрабатываю.

Брюкнер подумал, что секс был бы неплохой компенсацией за потраченные усилия, молча кивнул, она прикрыла глаза, потянулась губами, и в этот момент он увидел его.

Старик сидел всё в той же позе, что и предыдущим вечером, чаша темнела сколотым краем, обезьянка застыла у прутьев. Брюкнер остановился. Марта непонимающе посмотрела на него, перевела взгляд и резко шагнула вперёд.

– Разве вы не понимаете, что делаете с ней?! – голос её дрожал от возмущения. – В этом самом месте, где люди будут выступать в защиту прав животных! Неужели кто-то ещё даёт вам деньги за то, что вы засунули живое существо в клетку?

Несколько мгновений ничего не происходило, затем, как в кошмарном дежавю, старик поднял голову. Пергаментные губы разлепились, и Брюкнер впервые услышал его голос, заезженные дребезжащие слова очень давно живущего человека.

– Вы тоже там, просто не понимаете.

– Что... – Марта дёрнулась, но Брюкнер крепко ухватил её за плечо, заставив замолчать.

– Чего мы не понимаем? – услышал он себя откуда-то со стороны.

– Того, что все мы в клетке. Когда сидим дома, ходим на работу, затеваем праздники. Мы говорим, что тело – тюрьма, в которой заперта душа, но никто не хочет приближать день, когда она рухнет. Никто не хочет даже видеть свою душу, потому что, глядя на неё, можно сойти с ума. А может, её вообще нет. Когда ты начинаешь об этом думать, всё рушится, и ты куда-то бежишь, спасать себя, других, искать богов, курить травы. Бежишь, не зная, что так и не вышел из клетки. Так какая разница, где ей сидеть?

Марта что-то говорила. Брюкнер слышал её слова, как сквозь вату, полоски тумана, просачивающиеся под дверью кельи опшельника. Он смутно

осознавал, что его тащили за руку, куда-то пянули столп тела. Сознание вернулось к нему внезапно. В патоке вечернего воздуха, он стоял на Площади, а Марта трясла его за воротник футболки.

– Что происходит, ты слышишь меня? Ты можешь хоть что-то сказать?

– Прости, – Брюкнер не без труда шевелил языком. – Вырубился на ходу, уснул сегодня сильно.

– Я так испугалась. И этот урод с клеткой, обязательно нужно сообщить о нём в полицию.

– Да, да, слушай, я пойду домой, встретимся у тебя завтра, если хочешь, нужно выспаться, и всё пройдёт.

– Я провожу тебя.

– Не нужно, честно, всё в порядке, подышу воздухом, и полегчает.

Марта сделала ещё несколько попыток довести Брюкнера до квартиры, потом они скомкано попрощались. Вернувшись домой, он кое-как принял душ и, не ужиная, отправился в кровать. Сон не шёл. Мозг, отказываясь анализировать произошедшее, требовал информации. Брюкнер поставил на столик ноутбук, зашёл в сеть и запустил «Медузалем-Мизантрополис», разрекламированный блокбастер, который ещё не успел посмотреть.

Пророки, футурологи и любители антиутопий оказались в ипосте правы. Ядерная война втрое уменьшила население планеты и полностью перекроила геополитическую карту. Мизантрополис представляет собой технократическое государство-город. С довоенных времён в нём сохранились некоторые продвинутые технологии, но пользоваться ими имеют право только члены правительства и службы, ответственные за поддержание порядка. Общественная, духовная и личная жизнь людей находится под жесточайшим контролем. Стерилизация стала нормой, запасы ресурсов истощаются, нет никакой

связи с другими подобными поселениями, если те, конечно, существуют. За пределами города начинаются радиоактивные пустоши, населённые мутантами. Слухи об уцелевших довоенных книгах большинством воспринимаются как миф, тем не менее, за их хранение полагается смерть. Ещё одной местной легендой является таинственный Медузалем, город, лежащий где-то за пустошами. Там чистые вода и воздух, на солнце выходят без защитных костюмов, никто не запрещает женщинам рожать. Кое-кто утверждает, что иногда туда с секретной станции в Мизантрополисе отправляется поезд, но чтобы попасть на него, нужно сделать что-то очень важное для города и правительства. Главный герой, Алекс Кросс, не слишком верит в эти рассказы. Девятнадцатилетний, он, не разгибаясь, работает на конвейере, думая лишь об отдыхе и еде. Однажды лежащая при смерти бабушка Алекса передаёт внуку несколько тайно хранимых книг, прося нести память о былых временах. Любопытство заставляет Кросса открыть один из томов. Он узнаёт, что Медузалем существует на самом деле, разве что в книге он называется Иерусалим. Одержимый идеей попасть в райскую обитель, однажды Кросс случайно узнаёт, что несколько работающих вместе с ним на конвейере мужчин готовят заговор с целью свержения существующего порядка. После нескольких бессонных ночей парень всё же сдаёт всех заговорщиков. В качестве награды его ждёт поездка в Медузалем. Кросса сажают на бронированный поезд без окон, где, в полутьме, он знакомится с несколькими, такими же, как и он, счастливицами. Каждый из них делится своей историей предательства, а порой и убийства, благодаря которой вырвался из Мизантрополиса. В тот момент, когда поезд приближался к конечной станции, Брюкнер заснул, так и не выключив ноутбук.

Ему снилось, что в крошечной космической ночи он стоял на плитках Площади. Бесконечно далёкие звёзды пятнали черноту, не давая света, и откуда-то из глубин Брюкнера поднималось осознание того, что площадь на самом деле была клеткой, вечной, неизбывной, существовавшей от начала времён просто потому, что она существовала. Он попытался закричать, но лишь свист вырывался из его горевших огнём хаоса лёгких. Тьма давила, сгущаясь, грозя раздавить своими стенами человеческую песчинку, и Брюкнер взмахнул руками, в тщетной попытке сдержатъ надвигающийся ужас. Раздался грохот. Брюкнера вздёгнуло на кровати, насквозь промокшего, с взъерошенными волосами, искажённым лицом. Он медленно приходил в себя. В заполнявшем комнату упреющем свете он увидел лежащий на полу ноутбук, вспомнил всё и бессильно опустился на подушку.

Часы показывали 5.40. О том, чтобы снова заснуть, не могло быть и речи, как невозможно было и лежать, пытаясь осознать абсурд, неизвестно откуда просочившийся в его жизнь. Привычные физические упражнения, отжимания, приседания давались с трудом. Брюкнер принял душ, без аппетита проглотил два тоста с йогуртом, сварил кофе. Устроившись с дымящейся чашкой за столом в комнате, он, не до конца понимая, что делал, набрал в поисковике несколько слов. На экране появилась фотография площади Единения, сделанная с воздуха, и Брюкнер оцепенел. Перед ним была огромная клетка, ровные ряды квадратных серых плит, перечёркнутые прутьями стыков. «Я не схожу с ума, – сказал он вслух, – просто было много работы, конец проекта, нервы. Нужно попросить отпуск, взять Марту, поехать куда-нибудь подальше от города, где песок и море. Лежать на солнце и ни о чём не думать. Надо только разобраться

с проектом, и мы сразу уедем». Звук собственного голоса слегка успокоил Брюкнера. Некоторое время он бездумно перемещался по ссылкам, убивая оставшееся до выхода из дома время, а потом, когда видео словно бы само прыгнуло на экран, щёлкнул кнопкой мыши, с чёрным предчувствием того, на что себя обрекал.

«События на Востоке, последовавшие вслед за президентскими выборами, – говорила диктор со строгим лицом, – принимают угрожающий оборот. Вчера вечером переизбранный на второй срок глава страны заявил, что за протестом жителей коммуны В., перекрывших трассу государственного значения, скрывается тщательно спланированная провокация. По словам президента, – на экране появился мужчина в военной форме, с узким безжизненным лицом, где-то на открытом пространстве, в окружении репортёров с микрофонами, – акция организована местной оппозицией при поддержке враждебных группировок Запада. «Люди, которых вы видите, на самом деле не являются жителями нашей страны, это провокаторы, заброшенных извне, целью которых является дестабилизация политической ситуации в государстве и последующий приход к власти прозападного кандидата. Я заявляю, что если до завтрашнего дня блокада трассы не будет снята, правительство применит силовые методы», – заявил глава государства». Диктор исчез, и Брюкнер увидел уже знакомую полосу шоссе, трепещущие на ветру палатки, что-то скандирующих мужчин и женщин в окружении людей в камуфляже. Брюкнер чертыхнулся и захлопнул крышку ноутбука. Он потянулся к чашке и тут же отставил её. Кофе остыл, и холодная поверхность при прикосновении вызывала гадливость.

Весь день Брюкнер работал с отвращением, не в силах сосредоточиться на бегущих перед

глазами строчках, пропуская очевидные ошибки. Он оставил без ответа несколько сообщений от Марты, написав, в конце концов: «Позвоню вечером». Хотелось закрыться в квартире, забраться в угол кровати и там, свернувшись, прижав к животу подушку, спать. Спать так долго, как только можно, погрузиться в черноту, но без этих жутких пародий на звёзды, а проснувшись, обнаружить, что мир вокруг снова обрёл знакомую форму, и всё было только вызванным переутомлением сбоем системы. Брюкнер не пошёл в кафе, мысль о том, чтобы разговаривать с людьми, пусть даже переброситься двумя словами, вызвала тошноту. Ему всё же не удалось избежать общения. В туалете, где он, стоя у зеркала, швырял в лицо горсти холодной воды, к нему подошёл Рихард З.

– Хреново выглядишь, не знал бы тебя, решил бы, что перебрал вчера.

– Спал плохо, – промямлил Брюкнер сквозь горсти ладоней, – голова прещип.

– Это у тебя выгорание, сильно долго на одном и том же зависаешь, у меня тоже такое бывает, – З. постучал Брюкнера по плечу пачкой сигарет. – Могу дать совет. Нужно просто на что-нибудь принудительно переключиться. Ненадолго, на день, может, два, мозги ещё не такие замусоренные, быстро восстановливаются. Играть не рекомендую, не пойдёт тебе. А вот напиться можешь. Хочешь с кем-то, хочешь – один, поблевать тоже можно, даже нужно, наверное. Лучше, конечно, перед выходными. Просыпаешься утром, смотришь на своё состояние. Если не отпустило, и организм не сильно против – можно добавить, ну, у каждого своя физиология. Короче, потом будешь дня полтора оплёживаться, в понедельник на работе ещё может изжога помучить, но мозги гарантировано прочистит, обновись. Что ты думаешь, я тоже, бывает, устаю

играть. Вот тогда и накидываюсь, причём, не отрываясь от компа, и сразу всё веселее становится.

Брюкнер с трудом дождался конца пиратки, промычал нечто, похожее на благодарность, и чуть ли не бегом вернулся на своё место. До дома он добрался за рекордно короткое время. Около часа он кругами ходил по комнате, пока не заставил себя позвонить Марте. Она взяла трубку на середине второго гудка.

– Слушай, – сразу же начал он, стремясь побыстрее свернуть разговор, – извини, что так поздно звоню, я, похоже, опоздал. Аппетита никакого, пошнит, врач в офисе сказал, надо отдохнуть, желудок не нагружать...

– Я весь день переживала, – Марта говорила быстро, растянутые гласные звуки куда-то исчезли, – вчера вечером – это было что-то дикое. Но где ты мог отправиться? В кафе? Это же нереально. Может, в магазине...

– Я не знаю, – он еле вымучивал из себя слова, – потом разберусь, сейчас нужно спать больше, на работу завтра не пойти не могу, подведу всех. Извини ещё раз, говорить тяжело, приду в себя – наберу, – он отнял телефон от уха, не слушая звучавшее в трубке, и через несколько секунд оборвал связь. Брюкнер лёг на кровать, в ту самую позу, которую представлял днём, истерзал подушку, встал, немного подумал и, напрягшись, словно пловец перед прыжком в воду, нажал кнопку вызова.

С Кристофом К. Брюкнера познакомила Марта, два или три раза они вместе ходили в боулинг. По словам Марты, Кристоф был психологом высокого уровня, имел солидную клиентуру и кабинет в центре города. «Я не сумасшедший, – повторял Брюкнер, слушая гудки, – мне просто нужен кто-то, кто всё объяснит. Я не...».

– Слушаю, – раздался голос в трубке, и Брюкнер

от неожиданности едва не выпустил из рук телефон.

– Кристоф, привет, это Брюкнер, друг Марты.

– Ааа, Брюкнер, приветствую. Как дела, наверное, решили опять шарами помериться, а нет достойных соперников?

– Не совсем, нет, надо как-нибудь выбраться, но попозже. Я к тебе за профессиональной помощью.

– Слушаю тебя, – мгновенно поменял тон Кристоф.

– Только прошу тебя, не говори Марте, что я звонил. Со мной ничего серьезного, скорее всего, устал просто на работе, заканчиваем проект, сам понимаешь. Короче говоря...

С чувством иррациональности происходящего, Брюкнер рассказал всё, что с ним случилось, начиная с первой встречи со стариком. Когда он закончил, в трубке ненадолго повисла тишина.

– Дружище, – в голосе К. не было ни капли официальности, и Брюкнер чуть-чуть расслабился. – Я вообще не консультирую по телефону, это полная чушь. Если хочешь, можешь на днях заглянуть ко мне в кабинет, пообщаемся, расскажешь подробнее. Само собой, о деньгах речи нет. Но скажу тебе сразу, с головой у тебя всё в порядке, по крайней мере, никаких подтверждений обратного я не вижу. Галлюцинаций у тебя нет, ты видишь всё то, что видят и остальные, вопрос в интерпретации. Мне кажется, твоя проблема глубже. Сейчас это принято называть кризисом веры. Люди не то чтобы забыли о боге, они скорее отодвинули его подальше, посчитали, что достаточно ходить по воскресеньям к службе и отмечать праздники, и благодать Творца пребудет с ними. И дьявол пользуется этим, просачивается в любую лазейку и начинает искушать нас. Брюкнер, поверь мне, ты здоров, может быть, здоровее большинства, раз смог

распознать угрозу. Ещё раз повторю, двери в мой кабинет всегда открыты для тебя, но лучше будет, если ты пойдёшь в церковь. Не подумай, что я тебя агитирую вступить в какую-то секту, но всё же, согласись, я, уважаемый человек, психолог, много лет назад примкнул к нашей парафии, и разве это как-то повлияло на мою репутацию, разве я похож на фанатика? Брюкнер, я живу в гармонии с собой и с миром и искренне желаю тебе того же. Если хочешь...

Брюкнер слушал, машинально кивал головой, соглашался, о чём-то договаривался, но мысли его были далеко. Когда разговор, наконец, завершился, он бросил телефон на кровать и вновь закружил по комнате. Его нельзя было назвать излишне религиозным, пожалуй, как и большинство, упомянутое К., он довольствовался соблюдением известных всем ритуалов, никогда не задумываясь об их значении, не пытаясь вникать в суть веры. Сейчас, балансируя на грани между понятным и зияющей бездной, Брюкнер не думал о том, был ли Кристоф сектантом или же он искренне пытался помочь ближнему. Что-то изменилось в нём за последние два дня, безвозвратно ушло, уступив место... Чему? Он не знал, хотя был уверен, что ни один священник не смог бы сейчас ему помочь. «Это просто ещё одна клетка», – прошептал он, устраиваясь у ноутбука.

Поезд приближается к пункту назначения. Скорость движения снижается, и если бы не отсутствие окон, пассажиры увидели бы величественный и пугающий город. Здесь всё серое, и небо, и огромные каменные здания. В центре возвышается невероятных размеров строение в виде жуткого монстра со змеями вместо волос. Поезд останавливается, и внутрь входят люди в странной чёрной форме с закрытыми масками лицами. Они выпалкивают дубинками ничего не понимающих пассажиров из вагона и загоняют их в грузовые машины.

После долгой дороги несчастных выпускают наружу и под конвоем ведут куда-то по необъятному двору. В конце его то самое циклопическое строение в виде монстра, по всей видимости, какой-то храм. Пленников заводят в подвал и помещают в одиночные камеры. Несколько дней Кросс проводит в полной темноте, питаясь похлёбкой, которую два раза в день ему передают через отверстие в двери. Когда Алекс уже находится на грани помешательства, за ним неожиданно приходят все те же неизвестные в масках и ведут за собой. Он оказывается в помещении больше напоминающем каземат или пыточную камеру. Перед ним за столом сидит человек с непримечательной внешностью. Он спрашивает Кросса, как тому удалось получить пропуск на поезд. Услышав ответ, человек открывает Алексу правду. Уже много лет городом правит отвратительное опродье, что-то вроде Медузы Горгоны, обладающее неограниченной властью. Существует культ Медузы, неотъемлемой частью которого являются человеческие жертвоприношения. Выясняется, что жрецы культа имеют связь по радио с несколькими городами, подобно Мизантрополису страдающими от перенаселения. Из них регулярно отправляют в Медузалем человеческие излишки, от которых избавляются под различными предлогами, взамен же получают технику и продовольствие. Некоторых из прибывших таким образом в город оставляют в живых, если они являются ценными специалистами, остальные идут на корм правительнице. В последней сцене двое в масках тащат Кросса по тёмному коридору, в конце которого открывается дверь. Снаружи доносится шипение.

Брюкнер не глядя выключил ноутбук и пластом упал на кровать. Вопреки всему, сон взял его бы-

стро и не отпускал всю ночь. Медузы, гориллы, люди в хаки и пылающие церкви смешались в нём, и не было никого, кто мог бы помочь попавшему в эту клетку.

Утро наступило внезапно и мгновенно навалилось на него всей тяжестью. Брюкнеру понадобился час, чтобы убедиться в своей неспособности заниматься физическими упражнениями, принимать пищу или более тридцати секунд сосредоточиться на сетевых новостях. Он обречённо набрал номер начальника отдела и сообщил, что отправился и не мог появиться на работе. «Приходи в себя, – отреагировал голос в трубке, – и ты понимаешь, как можно быстрее. Мы на финальной стадии, не мне тебе объяснять». Брюкнер заверил, что на следующий день уже будет в строю, сам не веря в то, что говорил. Будущее сузилось для него до размеров нескольких плит на Площади. Он вписнул себя в футболку и джинсы, натянул кроссовки и быстрым шагом вышел из дома, даже не взглянув в сторону велосипеда. Воздух, по-прежнему налитый метеорологической сладостью, был неподвижен, сквозь него навстречу Брюкнеру шли на работу ничего не знавшие о клетках люди, фрики, панки, уличные музыканты, обычные граждане, возможно, даже те, кто сидел в соседней с ним секции. Они могли увидеть его, куда-то спешащего, не разбиравшего дороги, без сомнения, отравленного, но совсем иным ядом. Ему было плевать. Всё, чего боялся Брюкнер, это не обнаружить старика на его месте, метаться по Площади, расспрашивать прохожих, обращать на себя внимание полицейских, задавать им тем же вопросы под идиотскими предлогами и не получать ответ. Но нищий был там, со своей шербатой чашей, и обезьянка на дне клетки слабо подрагивала телом во сне.

– Что значит, что мы все в клетке, – скороговоркой, глотая звуки, понёсся Брюкнер, – что вы имели в виду?

Старик молча посмотрел на него. Брюкнер взглянул в глаза давно живущего на свете человека и медленно опустился на прохладную поверхность плиты.

– Ты никогда не пробовал повторять одно и то же слово, не останавливаясь? Знаешь, что случается тогда?

Какое-то смутное воспоминание из детства появилось на краю сознания Брюкнера. Он попытался ухватить его, но оно выскользнуло, и Брюкнер покачал головой.

– Ты повторяешь его двадцать, тридцать, сорок раз, и оно теряет смысл. Остаются звуки, не имеющие никакого значения, ненужная одежда. Единственное слово, которое не подчиняется этому правилу, это...

– Клетка, – прошептал Брюкнер. – Но что это значит?

– Никто не знает. Некоторые могут о чём-то догадываться, после многих лет размышлений, или когда случаются озарения, но все они видят только частичку истины, одну из граней. Те, кто говорят, что владеют истиной, не видят ничего.

«Кристоф К.», – подумал Брюкнер.

– Клетка – это дьявол? Это означает, что бога нет или он слабее?

– Мир, каким ты его видишь, имеет формы, и ты пытаешь вписать в них всё, чего не можешь понять, облечь неопишное в знакомые слова. Клетка – это клетка, об остальном не знает никто.

– Вы говорили про тело и душу, я помню. Может, клетка это на самом деле тело, мы умираем, душа освобождается, и начинается настоящая жизнь...

– Клетка везде. Она – тело. Когда в нём накапливается жидкость, совсем немного, ты ищешь женщину или место, где можно помочиться, и за-

бываешь о душе. Но она и в ней тоже. Ты находишь женщину, клянёшься ей в любви, а через время, глядя на неё, представляешь другую, – дрожь узнавания пробежала по спине Брюкнера. – Она в уме. Сегодня вещь кажется тебе важной, но проходят дни, и ты не можешь вспомнить её очертания.

Взгляд Брюкнера остекленел. Он проучился в университете пять лет, и из всех, преподававших ему, с трудом мог вспомнить лишь имя профессора, рассказывавшего о тошноте.

– Кто вы? – умоляюще простонал Брюкнер.

Старик молчал. Голова его опустилась, тело начало знакомо покачиваться. Брюкнер поднялся и побрёл прочь. Мир снаружи и мир внутри заволок туман, временами от него отрывались полоски, просачивавшиеся под дверь кельи опшельника. Когда пелена редела, Брюкнер ненадолго обретал способность воспринимать окружающее. Он видел себя заходящим в магазин, выходящим наружу с картонным пакетом в руках, припадающим к этому пакету. Омерзительная жидкость обжигала горло, он краснел, хватал ртом воздух и отшвыривал пакет прочь. «Но ведь есть же умные, всем известные люди, – пробивалось вдруг сквозь туман, – они говорят нам, что всё правильно, над нами бог, и жизнь хороша. Они ошибаются, лгут, или я всё же сошёл с ума?» – мысль, вопрос, столь чужеродный ещё совсем недавно, повисал и растворялся в млечном мареве. Всё померкло, а потом Брюкнер снова вынырнул из ниоткуда, с телефоном, прижатым к уху.

– Я звоню тебе с утра, – кричала Марта, – каждые пятнадцать минут, что происходит, я волнуюсь, ты на работе?

– Я отправился, – Брюкнер машинально выудил из сознания упренную ложку, – лежу дома, всё в порядке, завтра возвращаюсь на работу.

– Нет, не в порядке, мне звонил К., ты разговаривал с ним вчера. Он сказал, у тебя какие-то проблемы. Брюкнер, что с тобой? Это всё из-за того старика?

– Я не понимаю, о чём ты, я же сказал, что просто отправился, – вспышка озарения настигла Брюкнера даже сквозь туман, и он отпрянул, закрыв глаза рукой.

– Это тот нищий, я чувствую, он что-то сделал с тобой. Брюкнер, что он сделал, скажи мне!

– Я не знаю, никто не знает, просто дай мне со всем разобраться, Я ТЕБЕ ПЕРЕЗВОНЮ! – Брюкнер швырнул телефон на асфальт и пронулся с места. Дома, с чёрной дырой в памяти, он, не раздеваясь, рухнул на кровать. Всю ночь Брюкнер раз за разом повторял слово «клетка», так и не потерявшее своё значение до самого рассвета.

Пришло утро, и он снова был на Площади, и все его страхи материализовались в этот день. Старик исчез. Брюкнер метался туда-сюда, расспрашивал прохожих, обращал на себя внимание полицейских, задавал им вопросы под идиотскими предлогами и не получал ответ. Он вернулся домой в сумерках, разбитый, со слезами на глазах, долго сидел в темноте и тишине, а потом включил ноутбук. Сетевая клоака пестрела сообщениями с Востока.

«Сегодня упрям испёк срок ультиматума, выдвинутого президентом жителям коммуны В., перекрывшим трассу государственного значения. Как сообщают местные СМИ, протестующие, в ответ на требование снять блокаду, оказали вооружённое сопротивление. Правительственные войска вынуждены были применить силу. В результате столкновения трасса была разблокирована, сообщают о жертвах с обеих сторон. Подробности...».

Брюкнер закрыл глаза. Он представил людей в хаки, трепетавшие на ветру палатки, заострив-

шиеся отчаянием лица сгрудившихся у них, слышал преск выстрелов и крики. Мужчина с всклокоченными волосами распался на бетонной полосе в луже крови, поношенная куртка распахнулась, открывая развороченную пулями грудь, где-то заходил плачем ребёнок. Несла ли смерть освобождение, или это был очередной виток спирали, приводящий в ещё одну клетку? Брюкнер наклонился над клавиатурой и лихорадочно заработал пальцами. «Штайнманн, профессор Штайнманн», – безостановочно повторял он, прочёсывая ссылки. Да, это была его личная страница, слепок жизни человека, когда-то рассказывавшего аудитории про тошноту бытия, ныне грозившего похоронить под собой Брюкнера. Ничего лишнего, одна фотография в университетской аудитории, отзывы о прошедших студенческих конференциях, семинарах, ссылки на труды людей с ничего не говорящими именами. Взгляд Брюкнера упал на несколько строк в самом начале, принадлежавших, по видимости, самому профессору. «Философия призвана показывать нам пути, по которым можно двигаться, с целью понять мир и себя. Замечу, можно, но никак не должно, ведь у человека всегда есть выбор. Тем не менее, во все времена философия, с её специфическим инструментарием и высокими требованиями к личности, оставалась уделом очень немногих. И сейчас, в наше время грандиозной ломки сознания, как никогда остро становится вопрос: на кого же ориентируется подавляющее большинство в выборе жизненных приоритетов, кто является нашим эталоном?». Брюкнер навёл курсор на указанный на странице адрес, перешёл по ссылке и совершил вызов. Он ждал, сжимая вспотевшие ладони в кулаки, и когда отчаяние уже забулькало у него в горле, экран осветился. На Брюкнера смотрела пожилая женщина, с усталым, когда-то, вероятно, красивым лицом.

– Добрый вечер, – тихо произнесла она.

– Здравствуйте, этот адрес указан на странице профессора Штайнманна, я его бывший студент, хотел узнать, как у него дела, ну и задать пару вопросов, если можно, – нес околесицу Брюкнер, с трудом контролируя поток слов.

– Молодой человек, это, к сожалению, невозможно, мой муж скончался полгода назад. Нужно, наверное, удалить его страницу или хотя бы опубликовать сообщение о смерти, но у меня никак не хватает сил. Всё кажется, что так я оборву последнюю связь. Спасибо вам за звонок, ему всегда было очень приятно внимание студентов, он мог полночи консультировать, что-то рассказывать. Если я могу чем-то помочь...

Брюкнер соболезнавал, говорил необходимые слова, хотя, возможно, это ему и казалось. Когда связь закончилась, он, не меняясь в лице, одним движением смёл на пол всё, что было на столе, и долго топтал холодное тело ноутбука. Потом снова настали тьма и тишина. Дважды их прерывали звонки в дверь и голоса снаружи, сначала мужской, что-то говоривший о работе, затем женский. Оба раза Брюкнер какое-то время терпел, а потом произносил несколько гнусных слов, после которых всё прекращалось. В абсолютном вакууме реальность выцветала, облазила, обнажая мерцающие в черноте прутья.

Как и все предыдущие годы, карнавал проходил с размахом. Туристы, фрики, панки, уличные музыканты, офисные работники и простые граждане запрудили площадь Единения, предвкушая зрелище. Их надежды не были обмануты. По огороженной полосе, ведущей к платформе, где собралось город-

ское руководство, двигались люди в причудливых костюмах. Здесь было место всему, перформансам и инсталляциям, ожившим озоновым дырам, курящим бамбук пандам, чёрным лебедям, спаривавшимся с розовыми фламинго. Толпа загудела ещё сильнее, когда по плитам площади покатали огромных размеров клетку. Снабжённую четырьмя колёсами, её неспешно перемещали двое одетых в чёрное людей. Молодой мужчина в шортах и футболке внутри молча смотрел вдаль сквозь прутья, поглаживая массивный замок. Потом он извлёк из кармана шорт ключ, размахнулся и с силой послал его далеко в недра толпы. Мужчина неспешно стянул с себя футболку, затем шорты и, белея наготой, просунул вещи сквозь прутья, выбросив их наружу. Шум над площадью усилился. Девушки улыбались, матери прикрывали детям глаза, звучали искусствоведческие термины, перемешивавшиеся с бранью. Мужчина просунул сквозь прутья руки и протянул их к приближавшейся платформе ладонями вверх. Толпу качнуло. Обнажённое тело сделало несколько шагов назад, а потом с размаху впечаталось в прутья. Воздух вырвался из тысяч грудных клеток, а мужчина снова и снова бился о стены своей тюрьмы, без единого звука, истекая кровью, на глазах теряя привычную форму. Люди в чёрном, бросившие клетку, в ужасе заметались, размазались по стоящим в первом ряду. Кто-то, опомнившись, дергал за прутья, пытался сорвать замок, засовывал внутрь руки. Перепачканный кровью мужчина лежал на полу и улыбался, глядя на перечёркнутый стальными полосами мир.

БАБОЧКА НАД ГОРОДОМ

В последнее время в мою жизнь всё чаще проникают восточные учения. Они появляются в разговорах с людьми, книгах, старой и новой музыке, философия страданий, которые даются, чтобы мы осознали свою природу и проснулись. Этот короткий рассказ представляет собой попытку зафиксировать идеи, о которых я не перестаю думать.

– Послушайте, госпожа, – сказал он, волнуясь. – Когда я был в Лояне, мне рассказывали, что даос Ли Бо смастерил нефритовую бабочку, способную обманывать птиц и предсказывать перемену цвета Шэнь-звезды. Я встречал тех, которые знали людей, видевших бабочку во время полёта. То, что может произойти между нами, не так ли чудесно, как звук её крыльев? Не стоит ли помочь друг другу разобраться в этом?

– Ну, – с улыбкой молвила девушка, – я думаю, что происходящее между людьми куда сложнее нефритовых насекомых. Не так ли? И всё-таки, если эта встреча при луне окажется для вас тем же, что и для меня, – так тому и быть!

– В таком случае, – сказал студент, – быть может, красавица заглянет ко мне? Моя хижина всего в двух шагах отсюда.

Девушка не возражала...*

Аркадий положил между страниц закладку, закрыл книгу и опустил её на нагретое солнцем дерево скамейки. Ли Бо мог позволить себе создавать искусственных насекомых, которых его соотечественники, флиртуя друг с другом, упоминали потом в беседах. Встав на путь отшельничества, даос избежал супружеских уз и не знал, что значи-

* Цитата из рассказа Андрея Полякова «Стеклянный шар».

ло расходиться с женой. Опыт, отсутствовавший у Ли Бо, Аркадий приобрёл упрям, когда зашёл на кухню. Он понимал, что разговор рано или поздно должен был состояться, и отпугивал неизбежное, как мог. Майя стояла у стола и поглаживала кофеварку, не отрывая глаз от белого кафеля стены. Аркадий понял, что момент настал, и застыл в дверях.

– Говори, не мучайся, – тихо попросил он.

Майя заговорила. Они обсуждали всё это уже десятки раз, но никогда в её голосе не было столько горечи и ожесточённости. Опёршись плечом на откос, Аркадий осознавал, что это конец, под пятью годами жизни следовало подвести черту, и слова только усиливали боль. Майя упрекала его в том, что он никуда не движется, в запале, не зная, как по-другому выразить разочарование, заполнить чёрную дыру предстоящей утраты. Она говорила правду. Аркадий не хотел двигаться в непонятном ему направлении, ему просто нравилось реставрировать здания в родном городе, возвращать домам, улицам и площадям столетней давности облик и красоту. Их маленькая компания состояла на балансе муниципалитета, мэрия платила им зарплату, не слишком высокую, но позволявшую вполне сносно существовать. Майя тоже любила красоту, но её значительно больше привлекало человеческое тело. Фирма по продаже косметики, которой она руководила, медленно, но верно укрепляла свои позиции в стране. Последнее позволяло периодически, хотя пока ещё осторожно, заговаривать о выходе на международный рынок. Майя хотела, чтобы Аркадий помогал ей, занимаясь созданием рекламы продукции. Его идеи, была уверена она, могли приблизить желанный момент прорыва в большой мир. Аркадий отшучивался, обещал подумать, понимая, что не бросит любимое дело. Понимала это и Майя.

Когда она ушла, унося пока только один чемодан,

с белым лицом, сдерживая слёзы, Аркадий закрыл за ней дверь и вернулся на кухню. Он потрогал кофеварку, поверхность которой уже не хранила тепло её ладони, оделся, взял с полки книгу и вышел из дома. Воскресным утром на улице было пусто, люди ещё отлёживались в постелях, планируя отдать должное наконец-то утвердившейся в городе весне во второй половине дня. Аркадий перешёл дорогу, сел на скамейку у ночного магазина и посмотрел на свой балкон, где на верёвке одиноко висело полотенце Майи. «Как хорошо, что у нас нет детей», – подумал он и усмыдился своей мыслью, такой неуместно-земной на свинцовом фоне печали. Аркадий знал, что всё проходит. Молодость и красота просачиваются сквозь пальцы, в один момент утекает накопленное за годы, слава и успех эфемерны, как и сама жизнь. Тащить на себе это знание, просыпаться и засыпать с ощущением предопределённости было невыносимо. Единственным, что имело какой-то смысл, оставалось дело, которое ты искренне любил и занимался им, вопреки логике бессмысленного мира. Дело дарило радость и в то же время толкало на путь одиночества, потому что ты не мог заставить другого разделить с тобой твою настоящую жизнь.

Аркадий спросил себя, завидовал ли он бабочке Ли Бо, не чувствовавшей боли, в отличие от людей. У людей было тело, требовавшее пищи и сна, изнывавшее от жары и холода. Ещё люди обладали чем-то невидимым, не фиксируемым приборами, и это что-то могло трепетать и ворочаться, заставляя страдать. Одни говорили, что страдания посылал бог, помогая нам проснуться, другие видели в них наказание за грехи. Аркадий часто думал, что не просивший появиться в мире человек не должен был платить такую цену за свою слабость. Ещё его удивляли те, кто узурпировал бога, назвав

себя единственными носителями истины, отказывая всем остальным в праве идти другой дорогой. Так люди узурпируют власть, не понимая, что это она управляет ими.

Он вдруг осознал, что не испытывал боли, которую ожидал. Она была с ним, но словно окружённая вакуумом, как при местном наркозе, когда оперируемый находится в сознании. Майя могла сейчас чувствовать то же, и Аркадий попросил неизвестно у кого, чтобы это была не та пустота, к которой стремились подобные Ли Бо, иначе к чему тогда, проходя через страдания, пробуждаться?

По улице растекалось тепло, солнце усердно отдавало его, словно прося прощение за долгую зиму и дождливую, никак не желавшую наступать весну. Тепло обволакивало тело, и понемногу в нём, где-то среди пустоты внутри, начинало зарождаться чувство голода. Аркадий вспомнил, что ничего не ел с вечера. Плоть требовала своё. Отныне все заботы, которые Аркадий делил с Майей, ему придётся взять на себя. Ему надо будет научиться готовить так, чтобы тело не изнашивалось раньше времени, следить за своим жилищем. Только дело имело смысл, но в том, чтобы не опуститься, была некая доблесть. Простой человек Аркадий не мог достичь высот духа отказавшегося от материальных ценностей Ли Бо, но вряд ли от него это требовалось. Лишившись иллюзий-костылей, отбросив их и оказавшись на четвереньках, как на заре жизни, он должен был заставить себя подняться на ноги. «Один день отсрочки, – внезапно прошептал Аркадий, обращаясь неизвестно к кому. – Только один день, а завтра я начну. Мне просто нужно прийти в себя».

Ответа не последовало, и Аркадий встал со скамейки. Он зашёл в магазин, поздоровался со знакомой продавщицей и попросил хот-дог. «Побольше

острого, если можно», – сказал он, надеясь, что жгучий соус хотя бы на несколько мгновений разъест пустоту и вернёт ему ощущение жизни. «Что это вы с утра по хот-догам? Жена уехала, продукты закончились?» – улыбнулась ему продавщица, открывая дверцу микроволновки. Аркадий виновато развёл руками. Он вспомнил, как читал, что Будда на некоторые вопросы учеников отвечал благородным молчанием. Молчание Аркадия было другого рода. Придёт время, и он, возможно, сможет говорить об этом, но только не сейчас.

Вернувшись на скамейку, Аркадий отодвинул книгу подальше, чтобы случайно не капнуть на неё соусом, и принялся за еду. Насыщаясь, чувствуя, как голод понемногу сдаёт позиции, он смотрел на дома на своей стороне улицы. Окна, за каждым из которых куда-то шла жизнь, вспыхивали бликами, лёгкий ветер покачивал перекинутое через верёвку на одном из балконов полотенце. Аркадий повернул голову и увидел присевшую на спинку скамейки бабочку. Ярко-оранжевая, с маленькими чёрными точками, её крылышки подрагивали, то ли радуясь теплу, то ли пытаясь что-то сказать человеку рядом. Аркадий заморожено смотрел на бабочку, на то, как поднявшись в воздух, она стала набирать высоту, улетая вверх и вдаль, всё выше поднимаясь над домами, улицами и площадями старого города.

НИКТО ИЗ НАС НЕ...

– Неведение, стремление, разочарование, опустошение – такими, согласно графу де Вереньяку, являются четыре константы, на которых зиждется наша жизнь. Раскрытию сущности каждой из них посвящён наиболее известный труд философа – трактат «Размышления об ускользающем мире». В конце своего сочинения граф утверждает, что правильное понимание констант и умение увидеть их в неразрывной связи может привести человека к ответу на главный вопрос бытия...

– И в чём же заключается этот вопрос? – визгливые нотки в голосе мужчины, произнёсшего эти слова, неприятно отдавались в ушах.

– Де Вереньяк не говорит об этом прямо, однако нетрудно догадаться, что речь идёт о смысле существования, поисками которого издревле занимались выдающиеся умы человечества.

– Но если граф разгадал эту загадку, – вмешался всё тот же повизгивающий голос, – то почему он не поделился ею с нами? Или же это очередной розыгрыш?

– Де Вереньяк никогда не был склонен к мистификациям. В комментариях к трактату он пишет, что раскрытие тайны может повредить неокрепшие умы, подорвать психику ещё не прошедших испытания жизнью. Лишь искушённые и наделённые незаурядными способностями люди способны собрать воедино все детали мозаики и увидеть картину в целом. Правда, существует легенда, родившаяся уже после смерти графа. Согласно ей, иногда по необъяснимой прихоти мироздания истина может неожиданно войти в сознание того или иного человека, как правило молодого и неопытного. Упоминания об этой легенде вы вряд ли найдёте в трудах исследователей, она распространена

исключительно в данной местности. Говорят ещё, что дух графа до сих пор блуждает по миру и время от времени проявляет себя в столь своеобразной манере. Ну а сейчас давайте пройдем к оранжереям. Де Вереньяк был большим любителем цветов. Надеюсь, его призрак не поджидает нас где-то между орхидеями и альстромериями.

Раздался всеобщий смех. Соланж Решо оторвалась от созерцания ползущей по травинке божьей коровки и посмотрела вслед удаляющейся группе. На фоне этих рано подзаплывших жиром мадам и месье со спины её приближающаяся к седьмому десятку бабушка смотрелась весьма выгодно. Впрочем, и глядя в лицо Виржини Решо, никто не дал бы ей её шестьдесят семь. В ответ на все вопросы о секрете сохранения молодости она всегда улыбалась и ссылалась на здоровое питание и чистый воздух. Потеряв незадолго после выхода на пенсию мужа, Виржини решила, что для неё настало время пожить для себя. Её единственный сын был вполне счастлив в браке, хорошо зарабатывал в своей фармакологической компании, а внучка большую часть времени проводила в танцевальной школе, мечтая о карьере балерины. Решо продала свою столичную квартиру и купила домик в крошечном Шапо-Сюр-Флёв, где провёл всю свою жизнь её кумир. Ни близкие, ни друзья не понимали тот жгучий интерес, который теперь уже бывшая преподавательница теории искусств испытывала к графу Филиппу де Вереньяку, философу второй половины восемнадцатого века. Впервые Виржини столкнулась с его трудами ещё студенткой, и с тех пор изучение жизни и произведений этого загадочного человека стало её страстью. Де Вереньяк был полной противоположностью своему современнику, либертину маркизу де Саду. Биография графа не изобиловала событиями. Он практически

не покидал родной Шато-Сюр-Флёв, в юном возрасте женился на некой Матильде Скюдери, с которой мирно прожил до самой кончины, заботился о цветах и писал бесчисленные трактаты. Три года спустя начала Великой революции граф отошёл в мир иной в своём родовом замке. Поразительно, но вихри, вверх дном перевернувшие страну, обошли его стороной. По какой-то необъяснимой причине потомственный дворянин де Вереньяк спокойно продолжал предаваться размышлениям, в то время как головы представителей его сословия одна за другой летели из-под сверкающего ножа гильотины. Графиня ненадолго пережила супруга. После её смерти замок национализировали, однако не разграбили, напротив специальным указом он был объявлен архитектурным достоянием и находился под охраной государства. Труды же графа, не слишком известные при его жизни, в девятнадцатом столетии обрели огромную популярность, став предметом дискуссий учёных мужей всей Европы. Что же до мадам Решо, то в итоге она по просьбе мэра города стала гидом, сопровождавшим группы туристов по замку де Вереньяка. Шато-Сюр-Флёв, для которого философ-замворник был главным источником гордости и доходов, боготворил столничную гостью, быстро ставшую своей. Здесь никому и в голову не приходило задавать ей набившие оскомину вопросы по поводу графа. Когда-то очень давно она пыталась объяснять любопытствующим, что видела в нём человека, наиболее близко подошедшего к пониманию истинной природы вещей, но вскоре оставила эти попытки и ненавязчиво переводила разговор в другое русло.

Соланж не было особого дела до увлечения бабушки. Шато-Сюр-Флёв она знала как свои пять пальцев и тихо ненавидела. Каждый год она проводила в городе три недели летних каникул по насто-

янию родителей, ссылавшихся на всё те же пищу и воздух. Никакие доводы в духе «мне уже ...надцать» не действовали на чепу Решо, последовательность позиций которой нередко граничила с откровенным упрямством. Сверстники из местных наводили на девушку непреодолимую скуку, и Соланж целыми днями в одиночестве бродила по окрестностям, загорала и купалась в речушке, фигурировавшей в названии города. Спасали лишь долгие беседы по мобильному с оставшимися в столице друзьями и подругами, и подключённый к интернету ноутбук. Всё резко поменялось этим летом. Изменения явились в лице Флорьяна, её ровесника, приехавшего навестить свою тётку, продавщицу в городской кондитерской. С ним были его одноклассники Тьерри и Жизель, влюблённая пара. Соланж столкнулась с ними на центральной улице в первый же день их приезда, и с тех пор вот уже вторую неделю они практически не расставались. Девушка водила их своими привычными маршрутами, накупавшись до одури, они жадно поглощали гамбургеры в бистро, а вечерами собирались на пляже у костра. Алкоголь в городе им никто, естественно, не продаст бы, но в чемоданах ребят нашлось место для нескольких бутылок виски, одна из которых непременно пускалась по кругу при свете звёзд. Три дня тому назад Соланж поняла, что Флорьян ей нравится, позавчера он поцеловал её, пока Тьерри и Жизель искали оброненную по дороге бандану, а вчера они уже обнимались в открытую. При воспоминании о губах Флорьяна, его руках на её плечах по телу девушки пробежала дрожь. Перспектива расставания, возвращение домой, последний год в лицее – всё это совершенно не волновало сейчас Соланж. Впитывая тепло солнечных лучей, она выгнула спину и с наслаждением потянулась, предвкушая предстоящую встречу.

– Ваша бабушка – это удивительное сочетание красоты и ума. Вы должны гордиться ею, мадам-азель, – прозвучало внезапно над ухом. Соланж открыла глаза и увидела перед собой месье Вишона. В лёгком костюме кремового цвета и белой рубашке, он улыбаясь стоял перед ней, и ветерок мягко трогал его уложенные на пробор седые волосы. Этот интеллеktуал, обладатель безупречных манер в семьдесят лет по-прежнему заведовал городским архивом. Эрик Вишон был ещё одной достопримечательностью Шато-Сюр-Флёв. Говорили, что он участвовал в потрясшем страну студенческом бунте шестьдесят восьмого года, а в следующем десятилетии выступал на антивоенных митингах. Глядя в добрые, немного грустные глаза месье Вишона, Соланж с трудом могла в это поверить. Девушке нравился этот пожилой человек, всегда спокойный, будто бы обладавший неким недоступным другим знанием, и при случае она с удовольствием перекидывалась с ним несколькими словами.

– Бабушка отлично выглядит, да и мозги у неё такие, что многие позавидуют. Ну а насчёт её работы, тут вам, месье Вишон, виднее, я, честно говоря, не слишком разбираюсь в таких вещах.

– Это совершенно естественно в вашем возрасте (Соланж забавляло, что старик неизменно обращался к ней на вы). Вам нужно радоваться жизни, переживать каждое её мгновение, да и в выводах, которые делает граф, надо признать, мало оптимистичного.

– Вы хотите сказать, что сумели разгадать эту его знаменитую загадку?

– О, конечно нет, – Вишон поправил ворот рубашки, – однако иногда, чтобы что-то понять, не обязательно докапываться до самого дна. Впрочем, несмотря на свои годы, я тоже не чужд мир-

ским заботам, приятным, хотя порой и доставляющим хлопоты. К примеру, сейчас я ломаю голову над тем, какой подарок порадовал бы вашу бабушку в её день рождения, до которого, к слову, осталось не так уж и много времени. Я почему-то подумал о перчатках, но ассортимент наших магазинов, как вы понимаете, невелик, да и к тому же я абсолютный профан в подобных вопросах.

Соланж не удержалась от улыбки. Вот уже несколько лет Вишон прогателью ухаживал за мадам Решо, и она отвечала ему взаимностью. Девушка не могла понять, почему эти два человека упорно не желали оформить свои отношения или хотя бы съехаться. Ей казалось, что у взрослых всё должно было быть значительно проще, и тем не менее они часто оказывались не в состоянии осознать очевидные вещи.

– Месье Вишон, почему вы не сказали мне об этом раньше? Это же так просто. Сейчас всё что угодно можно заказать по интернету, а доставка занимает пару дней. Если хотите, я могу завтра прийти к вам в архив, мы выберем то, что нужно, и сделаем заказ. Я неплохо знаю бабушкины вкусы.

Лицо старика вытянулось, брови поползли вверх, и он радостно и вместе с тем немного растерянно заулыбался.

– Соланж, вы не представляете, какую услугу мне окажете. Мы, обломки ушедшей эпохи, похоже, совсем перестали ориентироваться в современных реалиях. С нетерпением жду вас завтра в любое удобное для вас время. Однако, кажется, я вас заговорил. Только что разглагольствовал о необходимости ловить момент, а сам упомляю юную особу своими стариковскими разговорами.

– Месье Вишон, вы меня совсем не отвлекаете. Я встречаюсь с ребятами на берегу, но до этого ещё куча времени. Мадам Прюдон с утра застави-

ла Флорьяна и остальных помогать ей в саду, так что мне приходится ждать, когда они освободятся. Мы договорились пересечься в одиннадцать. Кстати, не подскажите ли вы, который сейчас час? Я забыла мобильный дома, а возвращаться за ним лень.

– Лень! Как это прекрасно, – от восторга Вишон слегка качнулся на месте. – Конечно, это самое малое, что я могу для вас сделать, моя спасительница. – Он оголил запястье и взглянул на циферблат. Соланж подумала, что в его случае уместнее смотрелись бы старинные часы-луковица на цепочке. – Без двадцати одиннадцать, мадмуазель.

– Ничего себе! Вот это я замечталась. Не думала, что так поздно. Спасибо, месье Вишон, я, наверное, пойду.

– Вкушайте этот день, Соланж, возьмите от него всё возможное. – Вишон наклонил голову, повернулся и пошёл по направлению к выходу из замка. Несколько секунд Соланж смотрела ему вслед, а потом поднялась со скамейки.

Дорога, ведущая между кустами к берегу реки, легко ложилась под ногами. Девушка шла, думая о том, насколько далеко она готова позволить зайти их отношениям с Флорьяном, и не сразу почувствовала дискомфорт в правом кроссовке. По-видимому, в обувь попал камешек. Соланж присела на обочине, сняла кроссовок и выпрянула непрошеного гостя. Поднявшись на ноги, она вдруг замерла. Прямо перед собой на противоположной стороне дороги девушка увидела тропинку, уводящую вглубь посадки. Соланж нахмурилась. Сколько она себя помнила, здесь никогда не было никаких ответвлений. Заинтригованная, Соланж пересекла дорогу и ступила на тропинку. Девушка колебалась. В конце концов, они могли вернуться сюда все вместе позже и исследовать таинственную тропу. В то же время впереди у неё был целый день, и любопытство пер-

вопроходца настойчиво требовало удовлетворения. Соланж решительно тряхнула головой и сделала первый шаг. Она шла между превосходивших её рост зарослей в тишине, нарушаемой лишь шумом шагов и гудением насекомых в жарком воздухе. Пройдя достаточно долго, она уже почти решила повернуть назад, утомлённая окружающим однообразием, как вдруг увидела, что тропинка перед ней сворачивала направо. Девушка повернула и в ошеломлении остановилась. Её глазам открылся самый настоящий лес – высокие мощные стволы деревьев, нагромождение мясистых листьев, наполненный скрипами и шорохами полумрак. Соланж стояла на границе света и тени. Всё это было невероятным, необъяснимым, ведь раньше она никогда не слышала о существовании подобного места. Самым же удивительным было то, что среди деревьев находилась огороженная площадка. Стены из выкрашенной в тёмно-зелёный цвет металлической сетки возвышались на добрых пять метров. Внизу некоторые фрагменты отсутствовали, их заменяли секции из колючей проволоки. Внутрь площадки вела дверь того же цвета, что и сетка, и в её проёме Соланж явилось завораживающее зрелище. словно под гипнозом, девушка ступила под сень деревьев, пересекла отделявшее её от площадки пространство и вошла в дверь. Посреди прямоугольника сухой утоптанной земли рос изумительной красоты цветок, словно бы вобравший в себя все краски оранжевой графы де Вереньяка. Соланж медленно опустилась на колени перед этим чудом. Казалось, цветок принадлежал какому-то другому миру, его невозможно было описать словами, передать те образы, которые возникали между распахнутых лепестков, чтобы тут же исчезнуть. Соланж не знала, сколько просидела в трансе, одурманенная видениями самых причудливых форм жизни, превосходивших возмож-

ности человеческой фантазии. А потом всё внезапно погасло. Она встала, покачиваясь, словно соннамбула, прошла несколько шагов по направлению к выходу и упёрлась в металл сетки.

Прикосновение холодной стрелой пронзило тело Соланж, и к ней вновь вернулась способность воспринимать окружающий мир. Никаких следов двери не было, будто бы она не существовала. Девушка обернулась, но цветок тоже исчез. Её охватило дурное предчувствие. Быстрым шагом она обошла всю площадку по периметру, но не нашла никакой возможности выйти наружу. Страх понемногу охватывал Соланж. Она вцепилась в сетку в попытке вскарабкаться по ней наверх, но обувь соскальзывала, а металл больно резал пальцы. Девушка проклинала свою лень, из-за которой не вернулась домой за забытым телефоном. От бессилия Соланж закричала, потом ещё и ещё. Звуки тонули в густом тяжёлом воздухе, и в глубине души она понимала, что никто не придёт на помощь, не заберёт её из этого проклятого места. Если она и сможет отсюда выбраться, то только самостоятельно. В голове мелькнула мысль о подкопе. Она попыталась рыть землю у сетки руками и тут же сломала ноготь. Соланж сняла с ноги кроссовок и стала долбить им твёрдую почву. Никакого эффекта. Она раньше умерла бы от истощения, чем ей бы удалось вырыть хоть небольшую ямку. В ярости девушка рванула на себя сетку, но та даже не прогнулась. Вдруг её взгляд упал на колючую проволоку. В одном месте две полосы слегка провисли. Соланж легла на землю, взялась за верхнюю проволоку руками, стараясь не задеть колючки, оттянула её вверх и просунула в образовавшееся пространство голову. В этот момент пальцы её соскользнули, и железное жало впилось в плоть. Слёзы брызнули из глаз Соланж, она отдернула руку, и шея тут

же оказалась в капкане. Непроизвольно девушка дёрнулась, и колючка вскрыла ей артерию. Кровь побежала по коже, и Соланж истошно завопила...

– Соланж, Соланж, что с вами?

Тело девушки билось в державших её руках, голова моталась из стороны в сторону, мокрые от пота и слёз волосы облепили лицо. Месье Вишон ещё крепче сжал объятия. Наконец, судороги спали утихать. Соланж разлепила глаза.

– Цветок, площадка, нет выхода, – бормотала она пересохшими губами. Старик приподнял её голову и положил себе на колени.

– Успокойтесь, мадмуазель, это был просто сон. Вас разморило на жаре, вы уснули, получили изрядную дозу ультрафиолета и увидели кошмар. Сейчас вы отдохнёте, мы вернёмся в замок, и всё будет хорошо, – приговаривал он, полой пиджака прикрывая девушку от солнца.

– Ничего, ничего, я уже в порядке, – Соланж приподнялась с колен Вишона и села на землю. – Но этого не может быть, я не засыпала. Я остановилась выпрянуть камешек, потом эта тропинка... – взгляд девушки упал на противоположную сторону дороги, на заросли, в которых не было ни малейшего просвета. – Какой-то бред, я пошла по ней, попала в лес, там была площадка, потом выход пропал, я пыталась выбраться и... – Соланж допронулась до шеи, а затем бессильно опустила руку.

– Мадмуазель, забудьте всё, что вы видели. Дурные сны пугают, но быстро исчезают из памяти. Как всё-таки хорошо, что я вас обнаружил. Мне, знаете ли, неожиданно пришло в голову прогуляться в сторону реки и нарвать для вашей бабушки букет каких-нибудь простых цветов. Она, конечно, привыкла к оранжерейному великолепию, а мне вот захотелось чего-то совершенно иного. А ещё говорят, что не нужно поддаваться своим импульсам.

– Постойте, постойте, – внезапная догадка вспыхнула в сознании Соланж, – цветок, граф Вереньяк, тайна. Неужели...

– Послушайте, – голос Вишона окреп и посерьёзnel. – Когда-то давно, когда мы были ещё молоды, существовали такие люди, как хиппи. Вы, конечно, слышали о них – дети цветов, думавшие, что любовь спасёт мир, и растворившиеся в наркотических грёзах. Я тоже верил в это, только моим стимулятором была музыка. Больше всего я любил парня по имени Джим, вы знаете его, он похоронен в вашем родном городе. Так вот, этот парень как-то сказал, что никто из нас не выйдет отсюда живым. Вскоре он умер, собственным примером подтвердив своё утверждение. И, боюсь, с его словами не поспоришь. Этот Джим, к слову, был весьма образованным человеком. Не исключено, что среди прочитанных им книг были и труды де Вереньяка. По крайней мере, я никогда не слышал лучшего определения идеи графа. Помните, совсем недавно мы говорили о необходимости радоваться? Жизнь, Соланж, удивительнейшая вещь. Она рано или поздно неизбежно заканчивается и таким образом помогает нам осознать прелесть всего прекрасного, что в ней есть: вина, прогулок под звёздами, подарков любимой женщине. Живите, мадамуазель, в этом, пожалуй, и есть главный смысл всего происходящего, несмотря ни на что. А теперь давайте-ка вернёмся в замок. Я не прощу себе, если немедленно не препоручу вас заботам мадам Решо.

Вишон встал, отряхивая брюки от дорожной пыли. Соланж, пытавшаяся осмыслить суть услышанного, медлила. Рассеянный взгляд девушки вдруг сфокусировался на одном месте, и она похолодела. Её левый кроссовок выглядел обычно, правый же был перепачкан землёй и деформирован, словно бы кто-то ожесточённо бил им о неподатливую почву.

ПУТЬ ПИЛИГРИМА

Я часто пишу о маленьких людях. Это, наверное, самое безобидное определение из тех, которыми мы их наградили. Расперянные перед лицом жизни, не умеющие и не желающие в неё встраиваться, они, тем не менее, усердно вращают её колесо и заслуживают если не жалости, то уж точно понимания и сочувствия. Маленькие люди в поисках любви интересны мне, как никто другой. Костя Пилигрим, герой этого рассказа, один из них. Пожелаем же ему удачи в пути.

Ночью Косте снилась неопишуемая дичь. Пилигрим в его сне возвращался из очередного паломничества в квартиру, которую до этого кому-то сдал по оставшимся за кадром причинам. Обитель странника, по всей видимости, отличалась фантастическими размерами. Едва ступив за порог, владелец оказался отодвинутым к стене потоком детей. Они бесконечно долго выливались откуда-то из глубин квартиры, исчезая в открытой двери, попутно что-то распевая, ссорясь, пища, визжа и облизывая леденцы на палочке. Наконец, напор разноголосой струи стал ослабевать. Последним шествовал помятого вида лысый тип в шортах, рубашке с коротким рукавом и свистком на шее. Он приблизился к вжавшемуся в стену Пилигриму и начал отчитывать его за плохое состояние квартиры, покачивая блестящей в электрическом свете лысиной и брызжа во все стороны слюной. Паломник какое-то время стойчески сносил сыпавшиеся на него инвективы, а потом, осознав, что их запас мог быть бесконечным, сорвал с себя вязаную шапку и засунул помятому в рот. Тот в растерянности замахал руками. Пилигрим, пригнувшись, проскользнул под одной из взбивавших воздух ло-

пастей и бросился в глубь квартиры. Последнее, безусловно, было стратегической ошибкой, убежать следовало через дверь. Паломник осознал это, услышав за спиной крики и топот справившегося с кляпом лысого. Дальнейшие события скрыла тьма, опустившаяся на сознание спящего.

Проснувшись, Костя некоторое время втискивал себя в жизнь, справляясь с утренней слабостью под завывания ветра за окном и двумя одеялами. Он думал о том, каким образом в голове у человека разыгрывались мини-пьесы, легко нагибающие к плинтусу все творения корифеев театра абсурда. В своей недолгой жизни Костя никогда близко не сталкивался с маленькими детьми, равно как и не выступал в роли сдающего жильё. Припомнив всяческие, поверхностно ему знакомые это и ид, Пилигрим принял решение повернуться на бок и ещё какое-то время провести во владениях Морфея. Уже приведя тело в движение, он вдруг снова подумал об аренде. Мозг ассоциативно выдал на-гора образ кучки купюр на столе. Костя вспомнил о счетах в прихожей, вечернем звонке матери и нехотя обрушил затылок на подушку, так и не осуществив намерение.

Вот уже шестой месяц мать занималась тем, что ухаживала за неким преклонных лет гражданином далёкой страны с субтропическим климатом. Студент факультета журналистики (он надеялся, что этот статус сохранит актуальность и в обозримом будущем), Костя знал значение слова «эвфемизм» и понимал, что вышеприведённое определение звучало куда лучше, чем дело обстояло в действительности. Впрочем, за мышь зада заморского хрыча платили в разы больше того, что мать зарабатывала в качестве старшей медсестры районной поликлиники. Придерживаясь сложной схемы действий с привлечением живших

за границей дальних родственников, мать сумела получить рабочую визу и сейчас помогала поддерживать жизнедеятельность человека, достигшего возраста, которого, по мнению Кости, достигать не стоило в принципе. Звонила она раз в две недели, вечерами, когда разговоры оплачивались по более низкому тарифу. Накануне Костя по известным ему причинам начал кружить у телефона где-то за час до положенного времени и вдавил кнопку принятия вызова, оборвав первый же гудок.

– Сыночек, привет, – в голосе матери слышалась привычная, давно въевшаяся в него усталость.

– Да, привет, мам, ты как? – скороговоркой выдал с трудом сдерживавший нетерпение Костя.

– Всё нормально, Джованни держится, так что работа есть. Как ты, как институт, дома всё в порядке?

– В порядке, конечно, в порядке, что тут у нас может произойти? Учусь, сейчас всё спокойно, только начало семестра. Дома убираю, цветы поливаю, ем вовремя, можешь не переживать.

– Хорошо, Костик, всё делай, что нужно, пожалуйста, чтобы я не волновалась. Я на тебя надеюсь.

– Да, да, мам, а ты...

– Деньги я тебе отправила, как раз только из банка вернулась, завтра сможешь получить. Ты там управляешься?

– Само собой, – от облегчения Костя заработал голосовыми связками с ещё большим напором. – Всего хватает, в кафешку хожу, коммуналка оплачена. Ну всё, не трать деньги, целую тебя.

– И я тебя обнимаю и целую, будь осторожен.

Костя разъединился, вытер выступивший на лбу пот, возблагодарил Джованни с его требовавшим мытья задом и положил телефон на столик возле нескольких листков с печатным текстом угрожающего содержания. Основной целью поездки ма-

тери была необходимость оплачивать контракт сына на обучение в Университете. В этом деле Лариса Алексеевна могла рассчитывать только на себя. Муж, с которым она разошлась много лет назад, некоторое время платил алименты, а потом благополучно растворился на просторах страны. После долгих раздумий было решено, что Костя станет ежемесячно получать сумму, достаточную для оплаты коммунальных услуг, и посещать близлежащее недорогое кафе с демократичными ценами. Родители Ларисы Алексеевны, жившие в другом городе и слишком измотанные бытом для того, чтобы перемещаться на большие расстояния, не могли разрешить проблему питания внука, в связи с чем пришлось прибегнуть к услугам общепита. Оставшейся части заработанных матерью денег суждено было осесть в банке, дабы дать Косте возможность проторить себе дорогу к карьере преуспевающего журналиста. В течение первого месяца самостоятельности Пилигрим относительно успешно следовал наметченному плану, а затем в его жизни появилась Вера.

О своём более чем скромном любовном опыте, ограничивавшемся поцелуями с одноклассницей, дальше которых дело не зашло, Костя предпочитал умалчивать в разговорах с кем-либо, кроме Фила. Не проявляя застенчивости в общении со сверстниками мужского пола, в компании девушек Пилигрим терялся, слабо представляя, о чём с ними говорить и как себя вести. Затянувшаяся девственность уже грозила перерасти во внутренний комплекс, когда в самом начале второго курса на студенческой конференции Костя познакомился с Верой. Конференция была по философии, и Пилигрим рьяно отстаивал честь своего факультета, в течение десяти минут распинаясь на тему концепции Бездны в учении неоматериалистов. Вера сама подошла

к нему после окончания мероприятия и сказала, что ей очень понравился доклад. Ошалевший от такого заявления Костя забыл признаться, что так ничего не понял ни в Бездне, ни в её неоадептах, а через некоторое время обнаружил себя сидящим за одним столиком с Верой в студенческом кафе. Выяснилось, что любительница философии тоже училась на втором курсе, продиралась сквозь дебри экономических теорий в другом корпусе Университета, а на конференцию пришла поддержать подругу. Описания дальнейшего можно найти в многочисленных произведениях литературы и кинематографа, и над всем царил знаменитое «как в тумане» из песен легиона пахарей поп-нивы. Костя влюбился. Он уходил с последних пар, чтобы встретить опсидевшую лекции девушку, героически выдерживал взгляды её сокурсниц, с которыми она обменивалась поцелуями на прощание, ходил с ней в кино и пил кофе в барах. Время от времени ему приходилось наткаться на упоминания о предыдущих Вериных пассиях, и столкновения эти каждый раз заставляли вздрагивать внутренний мир. Всё, что Костя мог противопоставить соперникам из прошлого, был статус крутого одиночки, в девятнадцать лет ведущего самостоятельную жизнь, и присылаемые матерью деньги. Когда у них всё произошло у него дома, Пилигрим не мог однозначно сказать, понравилось ли ему. Как оказалось, важнее внешности, фигуры и даже духовной близости для него был факт того, что он кому-то нужен. Костя платил за заказанное в барах и кафе при кинотеатрах, покупал Вере тонкие женские сигареты, вызывал ей такси до дома. Пары посещались всё реже, а счета за коммунальные услуги отправлялись в мусорное ведро без ознакомления. Туман сгущался. Однажды, выпив два пива в очередном заведении, Пилигрим в приступе эйфории предложил девушке отпразд-

новать наступление Нового года на горнолыжном курорте. Улыбаясь, Вера сказала, что ей нужно посоветоваться с родителями и дожидаться, пока объявят расписание экзаменов. К середине декабря Костя забеспокоился. Пора было заказывать путёвки, с билетами на поезд, учитывая приближающиеся праздники, также могли возникнуть проблемы. Холодным пасмурным днём, едва девушка вышла из здания Университета, Костя заговорил о поездке.

– Слушай, ты только не обижайся, – сказала Вера, когда он закончил. – Я, наверное, не поеду. Наши с курса собираются в клуб, зовут с собой. Там студентам скидки большие в новогоднюю ночь, обидно будет пропустить.

– Ладно, как скажешь, – произнёс Костя, несколько обескураженный таким поворотом событий. – А что за клуб? Я их плохо знаю.

– Ты не понял, – поморщилась Вера. – Я туда иду одна.

– В каком смысле, одна?

– Костик, сорри, давно надо было тебе сказать. Мы разные, неужели ты не видишь? Нам в таком формате ничего не светит. У меня своя жизнь, свои темы, друзья, вы вряд ли будете общаться. Мне с тобой было хорошо, мы классно проводили время, но дальше это всё... Ну, бесперспективно, короче. Прости, что не сказала раньше. И вообще, не думай даже париться, ты же такой интересный тип, много знаешь, с тобой куча девок захочет встречаться, ещё поперебираешь.

Косте показалось, что его внезапно ударили по голове чем-то тяжёлым. Последовала нелицеприятная сцена, на протяжении которой он срывал голос, обещал, упрасивал, клялся, что станет общаться с Веринными друзьями, жить её интересами. Когда девушка ушла, он ещё недолго стоял под начавшим падать снегом, а потом, ломая сигареты, закурил

и поплёлся домой. По дороге ему пришло в голову, что он действительно совсем мало знал о жизни Веры. За прошедшие три месяца почти ежедневных встреч они всегда были только вдвоём. Костя не думал, что Вере могло хотеться чего-то ещё, он не знал её друзей, не был знаком с родителями, хотя несколько раз и провожал её до дверей квартиры. Воодушевлённый своим открытием, Пилигрим набрал номер девушки. Она выслушала его, подтвердила все умозаключения и закончила разговор всё тем же «мы разные».

То, как Костя жил следующий месяц, также с различными вариациями тысячи раз описывалось в творениях либераторов и режиссёров. Пару раз он жестоко напивался до рвоты дешёвым пивом, а потом сутки отлёживался на обочине жизненной колеи. Проснувшись утром, Пилигрим равнодушно давился бутербродом с холодной колбасой, брал рюкзак и отправлялся бесцельно бродить по заснеженному городу. Промёрзнув до костей, он возвращался домой, в одежде залазил под одеяло и там, в тепле, впервые за день испытывал некое подобие эмоций. Вечерами он набирал номер Веры. Та поначалу брала трубку, а потом перестала отвечать на звонки, напоследок заявив, что готова общаться, «если будет что-то конструктивное». Прошли праздники, подходила к концу зимняя сессия, а с ней и жизнь в тумане. Пробудившись одним утром, Костя осознал, что пришло время подводить итоги. Последние наводили на мысли о катастрофе. Пилигрим не сдал ни одного экзамена, ни разу даже не появившись на факультете во время сессии. Денег до следующего перевода оставалось вприпык, но этот факт меркнул по сравнению с воспоминаниями об отправленных в мусорную корзину счетах. Костя не представлял, сколько задолжал государству за использованные природные ресур-

сы, но хорошо знал, что, ввиду распроспёршего над страной крылья энергетического кризиса, ему грозило отключение от источника тех самых ресурсов. По закону нерадивый гражданин, желавший вновь припасть к живительному источнику, должен был погасить весь долг, присовокупив к этому достаточно крупную сумму в качестве штрафа. Необходимо было срочно что-то предпринимать. В деканате вняли мольбам находившегося на хорошем счету студента, ссылавшегося на семейные неурядицы, и разрешили задним числом сдать экзамены, правда, установив для этого жёсткие сроки. В сфере отношений с государством всё выглядело значительно хуже. Костя недолго пребывал в неведении по поводу суммы долга, получив уведомление с угрозой отключить всё, что можно было только представить. Оплатить предлагалось как минимум половину задолженности, остальное можно было понемногу погашать в ближайшие несколько месяцев. Срок оплаты истекал в пятницу. В четверг раздался звонок, которого Костя ждал с напряжённо ходящими под кожей желваками. Денег мапери должно было хватить на покрытие той самой половины долга. Как он станет жить на остающуюся ему смехотворную сумму, Пилигрим предпочитал не думать. В приоритете значилось задержать готовый упасть Дамоклов меч, а затем следовало активировать режим строжайшей экономии и переключиться с пищи телесной на духовную, то есть необходимую для сдачи экзаменов. Итак, Косте предстояло совершить паломничество в находившееся на другом конце города отделение банка, недалеко от которого, по очередной иронии затейницы-судьбы, жила Вера. Только там, по какой-то непостижимой для среднестатистического ума причине, он мог получить денежный перевод из-за границы. Оплатить счета можно было в том же отделении, что хоть

немного птянуло на упешение. С пелёнок вдыхавший с воздухом родины все её маразмы и уродства Костя не задумывался, почему в месте, где он жил, всё было устроено именно так. У него оставалось время до шести часов вечера, чтобы успеть хоть немного поправить ситуацию, а для этого следовало встать и идти.

«Почему я всё время куда-то двигаюсь? – думал вылезший из постели Костя по пути на кухню. – Сидеть на месте клёво, но только с дороги и только недолго. Интересно, мне просто нравится менять декорации, или я подсознательно что-то ищу? И если да, то что? И вообще, что у меня в голове, когда нужно решать столько проблем?». Костя по прозвищу Пилигрим подошёл к двери на балкон и посмотрел на падающие на землю крупные хлопья снега, на обледеневшую улицу, по которой ему сегодня предстояло шагать к троллейбусной остановке. Как и большинство фанатичных путешественников, он редко спрашивал себя, почему так любил бродить в одиночестве. Возможно, эта страсть враспала корнями в его детство, во времена, когда он с заядлой туристкой-матерью облазил полстраны. Вместе с десятком таких же энтузиастов они штурмовали горы, разбивали палатки на морском берегу, углублялись в лес, ведомые хорошо знавшим места проводником. Впрочем, повзрослев достаточно, чтобы передвигаться без сопровождения, Костя, не утративший любви к пешим переходам, сделал выбор в пользу исследования каменных джунглей. Свой город, как и близлежащие населённые пункты с диким клеймом «посёлков городского типа», он изучил так, что мог по памяти составить карту местности. Об архитектуре города, его подъездах, зайдя в которые и проследовав сетью узких коридоров, можно было очутиться на параллельной улице, ромбовидных

дворах-колодцах, скрывавших причудливого вида скульптуры, потаённых садах и заброшенных кладбищах Пилигрим знал больше любого студента-краеоведа. Возвращаясь из своих паломничеств, он садился за компьютер и искал в Сети информацию об увиденном, а порой и тревожил пыль на привыкших к темноте библиотечных хранилищ томах. Ни разу Косте не являлась мысль сделать свою страсть профессией, и это тоже роднило его с членами странного братства мечтателей-путешественников. Несколько раз Пилигрим пытался приобщить к своим странствиям Веру, но та предпочитала передвигаться на транспорте, хотя и не без интереса слушала его рассказы.

Остатки варёной колбасы из холодильника Костя доставал под бульканье воды в чайнике, которому вторили персонажи очередного телесериала. Телевизор Пилигрим не смотрел, но часто занимался под его бормотание делами, не требовавшими приложения умственных усилий. Транслировавший картинку ящик создавал иллюзию вовлечённости в активную жизнь и давал изрядное количество поводов для поднятия настроения. Совершая свои паломничества в разные части города, Костя видел немало странных и даже пугающих вещей. Зачастую они встречались не на кладбищах или пустырях, куда не доходил шум толпы, а посреди улиц. Люди шли по своим делам и не замечали лики полулюдей-полужаб, вырезанные на фасадах домов. Заходя в подъезды, они не обращали внимания на скрывавшиеся под лестницами запертые металлические двери, двери, в которые могла бы протиснуться разве что средних размеров собака. Однажды в ромбовидном дворе, в двух кварталах от центральной улицы, Костя наткнулся на маленький бассейн. В его центре стояла каменная фигура облепленного водорослями старика с разваленным криком ртом

и громадой полстых, намертво схватившихся друг с другом жгутов-волос, из которых выглядывало некое подобие припона. Впрочем, творившееся на голубом экране по степени воздействия на сознание нередко превосходило мрачные загадки старого города. Сегодня Костя размешивал чай, параллельно вникая в сложные взаимоотношения героев телевизионного фильма «Проклятье длиною в жизнь».

В молодости две подруги были влюблены в некоего сельского красавца, славного бойца аграрного фронта и кумира всех пыловых женщин. Немилосердно попирая жизненные реалии, из двух страдалиц аграрий выбрал внешне значительно менее одарённую природой, что компенсировалось ценными душевными качествами барышни. Охваченная гневом отвергнутая соперница обратилась к местной знахарке-колдунье. Вскоре сельскохозяйственный герой погиб, не отрываясь от производства (как, Костя не видел, однако почему-то надеялся, что того затянуло в комбайн). Оправившаяся от горя носительница душевных качеств вышла замуж за персонажа попроще, коварную же инициаторшу проклятья бумерангом огрело причинённое ею зло. Три десятка лет она регулярно потребляла спиртосодержащие напитки, при этом умудряясь сохранять товарный вид и содержать своё жилище в незагаженном виде. Затем, по всем канонам жанра, в её жизнь размашистым шагом вошёл спаситель. В своё время благополучно выскользнувший из объятий зелёного змия, он предложил помочь новообретённой возлюбленной повернуть такой же фокус. Та в угаре дала добро, утпром же, трясясь от абстиненции, обнаружила, что принц-факир ночью ликвидировал все запасы спиртного в квартире, слив их в унитаз. Тряска усиливалась, совершались поползновения выйти в магазин с целью поправить здоровье, однако в итоге все остались

у семейного очага, благодаря увещеваниям и заботе опытного заклинателя змей. Внезапно на сцену вышла обиженная подруга молодости в компании того, что попроще. Дамы слились в экстазе примирения, персонаж попроще поднимал здравицы, безалкогольная парочка взирала на него, не выказывая никакого желания присоединиться. Фейерверк, занавес, жидкие аплодисменты. В квартале от Костиного дома, возле троллейбусной остановки, в подвальном помещении располагалось заведение, носившее гордое имя «Винодельческая станция». Помимо раздавшего желудок вина, страждущих там потчевали не менее качественным пивом и прочими, совсем уже запредельной термоядерности напитками. Начавший потреблять их венец творения мог запросто обнаружить себя через каких-то полчаса валяющимся у подножия эволюционной лестницы. Худоба Пилигрима и отсутствие регулярной практики не позволяли ему даже помыслить посягать на подвиги завсегдапаев «Станции», однако контингент последней Костя знал неплохо. В своих странствиях он не раз встречал их, опухших, поперянных, в поисках любой возможности наскрести на очередной глоток, и порой выручал сигаретой или горстью мелочи. То, что показывали по телевизору, не имело ничего общего с выпущенной реальностью за окном, реальностью подвального кабака. Костя подумал о проклятьях, о тех, кто считал их данностью, не давая себе труда поразмыслить, как это сочеталось с верой в единого бога. Эти же люди, восхваляя своего создателя, никогда не выносили мусор вечером, не клали на стол ключи и меняли траекторию движения, завидев на пути чёрную кошку. Пилигрим, быть может, потомок тех самых, сотни лет назад тащившихся через весь континент к святым местам, не понимал, как в мире под управлением доброго и справедливого боженьки благополучие

человека могло зависеть лишь от того, встрепит-ся ли ему собрат с пустым ведром в руках или нет.

Дребезжание телефона на кухонном столе прервало размышления о вечном. На экране Фил перекашивал гримасой длинное лицо под неизменным капюшоном.

– Хай. Сегодня корзинюсь, могу выкроить час. На три насущных должно хватить. Ты как?

– Час? – Костя задумчиво потёр бровь. – Добро, но только не больше. Вчера ушли деньги, сегодня кровь из носа надо получить и всё оплатить, иначе сам знаешь.

– Мудрому достаточно. Я быстро в лабаз, через сороковочку буду на месте, придадим тебе ускорение. Готовь пару.

Фил отключился, и Костя отправился совершать необходимые приготовления к предстоящему походу. Он кое-как помыл посуду, почистил зубы, оделся и кинул в прихожей поношенный рюкзак, без которого никогда не выходил из дома. Паспорт Пилигрим положил во внутренний карман тёплой дуптой куртки. Зимних курток у него было три, все они висели на вешалке в прихожей, и каждая могла бы немало рассказать о суровости зим в стране, где жил их хозяин. Сам не зная зачем, Костя пошарил в джинсах, достал две помятые купюры и несколько секунд пристально их созерцал. Денег на обратную дорогу у него не оставалось, он прекрасно знал об этом, поэтому в случае каких-то проблем с получением перевода ему пришлось бы возвращаться домой на своих двоих. Пилигрим подумал о том, что нужно было попросить Фила не тратить всё на «насущный». Время, впрочем, даже в век суперсовременных технологий по-прежнему отказывалось принимать удобные гомо сапиенс пластичность и обратимость. К тому же потенциальная многочасовая прогулка по заснежен-

ному городу и рядом не стояла с тем, что ждало Костю в случае неуплаты по счетам. Вздыхнув, Пилигрим принял решение положиться на волю фатума.

«Насушным», точнее, «насушным номер один», на языке Фила именовалось пиво. Под вторым номером значился пользовавшийся гораздо меньшей популярностью хлеб. Фил был мастером лексического конструирования, и желающим изучить его словарь определений пришлось бы провести не один месяц, вникая в смысл красочных авторских метафор, к тому же глоссарий регулярно пополнялся новыми шедеврами словесности. Из последних перлов Косте особо пришёлся по душе «полусладкий яд» – стандартный набор из недорогого шампанского и конфет, которым Фил каждый раз открывал недолгие отношения с очередной дамой сердца. Фил и Пил, Философ и Пилигрим, они дружили с младших классов школы, и прозвища, данные ими друг другу, вполне выражали сущность каждого. Весь преподавательский состав философского факультета Университета должен был рыдать кровавыми слезами раскаяния, ползти на коленях до дома Фила и вымаливать у него прощение за то, что вот уже второй год кряду одному из величайших умов тысячелетия приходилось играть скромную роль абитуриента. Величие Фила не подлежало сомнению, чего стоила хотя бы его трактовка теории расширяющейся Вселенной. Ещё учась в восьмом классе, Костя узнал от лучшего друга, что весь их Универсум представлял собой гигантский сперматозоид, летящий сквозь безжизненное пространство, чтобы однажды, по прошествии эонов, оплодотворить некую вселенскую яйцеклетку. Тогда, по словам Фила, и начнётся то, ради чего это всё создавалось, пока же в их функции входило лететь вперёд и по возможности получать от жизни кайф, хоть как-то компенсировав незавид-

ность собственной участи. Для Фила кайф заключался в созерцании и увязывании увиденного в сложную концепцию. Последняя, закончив формироваться, тут же начинала нестись в массы. Обиравшие в массах девушки поначалу с энтузиазмом воспринимали информацию, видя в Филе безусловного гуру, однако завязывавшиеся романы, как правило, быстро обрывались по причине безалаберного отношения к жизни автора концепций. «Не родилась ещё та, что сможет оценить масштабность моих идей», – после каждого расставания громогласно заявлял мыслитель. Родители Фила почему-то не спешили признавать гениальность сына. После второго провала на вступительных экзаменах Фил попал под жёсткий домашний прессинг. Карманных денег он практически не получал, домой должен был возвращаться не позднее восьми вечера, к тому же на хрупкие плечи адепта интеллектуального труда легло множество домашних обязанностей. Среди последних значилась и покупка продуктов для страдавшей артритом бабушки. В лексиконе Фила эта акция проходила как «корзиниться» и давала редко выпадавшую возможность побаловать себя насущным крепким на нечеловеческими усилиями сэкономленные средства. Пилигрим любил своего друга. Изредка сбрасывая маску, Фил становился тем, кем был, – маленьким человеком, не желавшим принимать сложности большого мира и отгородившимся от них доступным ему способом. В моменты искренности лицо Фила ещё больше вытягивалось, а ресницы начинали часто хлопать, как у обиженного ребёнка перед тем, как он расплачется. «Для меня никто не авторитет, – сказал он как-то, сидя у Кости на кухне. – Они все постоянно что-то говорят, бывает, что вроде даже разумные вещи, но я ничем из этого не могу воспользоваться. Потому что я им не верю, и потому что я сам для себя не авторитет. Все знают, как нужно

жить и что делать, один я дурак, не знаю ничего, кроме того что мы лепим и лепим, и когда-нибудь произойдёт большой «бум» или «чвяк», но этого мы с тобой, чувак, точно не увидим».

Узнавший цену времени под бременем родительского контроля Фил появился ровно через сорок минут после звонка. Водрузив на вешалку куртку, в которую мог бы поместиться ещё один средней комплекции человек, наглухо закрыв доступ к вещам Пилигрима, он прошествовал на кухню. Не говоря ни слова, мыслитель извлёк из объёмного пакета три стеклянных ёмкости, откупорил одну из них и стал разливать содержимое в заранее приготовленные Костей стаканы. Покончив с этим процессом, Фил поставил бутылку на стол, окинул удовлетворённым взглядом получившийся натюрморт, поднял свой стакан, отсалютовал Пилигриму и умирающим от жажды путником присосался к повышенной крепости насущному. В тишине кухни было слышно, как жидкость с изрядным содержанием спирта лилась по пищеводу. Фил поставил пустой стакан возле бутылки, рухнул на стул и сделал приглашающий жест. Костя незамедлительно последовал примеру друга.

– Чувак, нам нужно торопиться, – традиционно начал разматывать запутанный клубок своих мыслей Фил, вдохновляемый поднимавшимися к клеткам мозга парами спиритус вини. – Так мы ничего не успеем. Время-то идёт, не заметишь, как уже под себя ходить начнёшь, и останется только всем этим дышать и сожалеть о несбывшемся.

– Ну да, прямо как Джованни, – пробормотал Костя, тоже ощутивший действие бурды, которую по распоряжению мирового правительства продавали народу под названием «пиво».

– Не подскажешь, кто все эти люди, которых ты сейчас упомянул?

– Не бери в голову, один пип, я его даже никогда не видел.

– Бывает. Так вот, всё движется с колоссальной скоростью, и мы закономерно ничего не успеваем, и вместо того чтобы вырабатывать активную жизненную позицию, сидим здесь и лакаем эту дрянь, – Фил плеснул себе в стакан из на две трети опустевшей бутылки.

– Хорошо, – добил бутылку Костя, – но что конкретно нам нужно делать?

– Слушай, если бы я знал, меня бы тут не было. Но вот поверь, я, в конце концов, последний и, может, даже единственный пророк в истории. Когда мы всё-таки долетим туда, и произойдёт слияние, великое оплодотворение, родится новый космос, меня вспомнят и поймут, как я был прав. Хотя какое там вспомнят...

В подобном ключе они общались около получаса. Вторая бутылка подошла к концу. В какой-то момент Фил, пытавшийся ногтём отскрести пятнышко засохшей грязи от поверхности стола, пристально посмотрел на друга.

– Всё ещё страдаешь по ней?

– Да как тебе сказать, – Костя заёрзал на стуле, почувствовав перемену в тоне Фила.

– А смысл тут что-то говорить, и так всё ясно. Хорошо хоть зашевелился, а то такими темпами скоро бы понял, каково это в моей шкуре.

– Ты понимаешь, всё вроде понятно, мамка там корячится, зарабатывает бабки мне на контракт, а я тут на всё положил с прибором, газ и свет отрубить могут. Но у меня не получается о ней не думать.

– Не получается, потому что ты её себе нарисовал. Ты бы на неё даже не обратил внимания, если бы она сама к тебе не подошла. А сейчас ты решил, что будешь страдать, на лбу морщины появятся, она увидит, оценит и вернётся.

– Ты сначала со своими бабами разберись, а потом комментируй, – зазвенел спаканами разгорячённый Костя.

Подогреваемый накопившимися эмоциями и пивом Пилигрим долго говорил о том, как просыпался по ночам, как ворочался в постели, вспоминая проведённые с Верой дни.

– Ну и чем вы занимались, кроме того что в кино задницы грели и кровать у тебя мяли? – ревел тоже вошедший в раж Фил.

– Я с ней разговаривал.

– О чём?

– Рассказывал ей про город, фильмы обсуждали.

– Ты дебил, вы даже по городу ни разу нормально не погуляли, как ты привык. Если это отношения, то я не философ, а торговец рыбой.

Ещё через час Фил остервенело стрёб со стола мобильник, посмотрел на экран и изрёк: «Да пусть они все буквой “гэ” нагибаются. У меня тут в начке ещё на две по ноль-пять, скажу, что по дороге отбивался от волка-мутанта. Я туда и назад».

Косте оставалось только закрыть за другом дверь. Вернувшись из магазина, Фил тут же направился в комнату, включил компьютер и врубил трек, от которого их вставляло уже с месяц. В песне речь шла о священнике-педофиле, но не обученные иностранным языкам трепетные девы точно решили бы, что там пелось о несчастной любви. Фил и Пил с удовольствием пореготали по этому поводу, затем сокрушались из-за отсутствия сигарет, потом ударились в воспоминания о славных школьных годах. Когда электронные часы на стене, мигнув, показали 14:05, Фил потряс пустую бутылку и мрачно констатировал: «В следующий раз жди не раньше, чем через два месяца. Теперь мне кислород вообще переключают, из дома исключительно под конвоем». Пилигрим попытался вставить, что тоже должен был достаточно далеко ехать,

но был прерван безапелляционным: «Ты до шести туда-обратно четыре раза обернёшься, а мне гайки». У вешалки Костя не без труда вытащил свою куртку из-под мантии Философа, поглотившей половину пространства прихожей. Грохоча ботинками по ступенькам, друзья скатились вниз.

На улице было холодно и серо, снег перестал идти, но ветер всё так же нёс по обледеневшему тротуару белёсую крупу и бил в лицо, оставляя на коже морозные ожоги. На перекрёстке Костя и Фил попрощались. Проклинающий судьбу сторбленный мыслитель потащил свою ношу к дому бабушки, а Пилигрим повернул направо и заскользил в сторону троллейбусной остановки. Альтернативы двурогим монстрам не имелось: несколько дней назад водители маршруток объявили забастовку, выбросив требование поднять плату за проезд. На родине немощного Джованни такое было в порядке вещей, Коспиным же согражданам оставалось только дивиться тому, какими извилистыми путями просачивалась демократия в их медвежью берлогу. Возле ступенек, ведущих в жерло «Виндельческой станции», некто в драной разбухшей куртке и сбитом на одно ухо наследии древних – шапке-ушанке – с методичностью робота подносил к губам руку с сигаретой, извергая в воздух густые клубы дыма. Пилигрим узнал Михея, постоянного клиента заведения, одного из тех, кого отзывчивый странник время от времени снабжал мелкими деньгами. Михей также идентифицировал в фигуре с рюкзаком своего благодетеля. Труженик печенью отшвырнул тлеющий окурочок и заорал на всю улицу:

– Костяныч, шлёпай сюда, как родному тебе кричу!

Интеллигентное воспитание не позволяло Косте проигнорировать приглашение, и он, в душе чествуя себя за неумение посылать людей по известному

адресу, разъезжающимися на льду ногами покати-
лся на зов. Михей поймал его за воротник куртки,
придал телу устойчивое положение и, дыша в лицо
убийственным перегаром, озвучил:

– У Людки день рождения сегодня. Я, слышишь,
две недели откладывал, всё Ромке сносил, чтоб
не пробухать. Все наши там, музон, как ты любишь.
Пошли, короче, вмажем за здоровье именинницы.

Собрав все внутренние ресурсы, Костя попытался
брыкаться, но Михей, несмотря на давнюю дружбу
с напитками низжайших сортов, обладал крепкими
мускулами, нажитыми благодаря физическому тру-
ду на свежем воздухе, позволявшему зарабатывать
на всё те же напитки. Парочка спустилась по сту-
пенькам и очутилась под сводами храма почи-
пателей Бахуса. Внутри всё было именно так,
как и должно. Музыкальный автомат, непонятно ка-
ким образом оказавшийся в этой обители, верещал,
плюясь милыми уху любителей тюремной роман-
тики звуками. За четырьмя сдвинутыми столами,
уставленными самого причудливого вида ёмкостя-
ми, расположилась компания, чествовавшая именин-
ницу Людку – возлюбленную Михея и верную сорат-
ницу по битвам с алкогольными запасами страны.
Михей подтащил Костю к стойке, за которой царил
Рома, бог и царь, гроза завсегдапаев «Станции», сто
десять килограмм костей и мяса. Скорый на рас-
праву с нарушителями установленных в заведении
правил, он, тем не менее, пользовался уважением
масс за прямоту и честность. Весьма распро-
странённой, в частности, являлась практика передачи
Роме на хранение денежных сумм, которые владель-
цы справедливо опасались пропить до наступления
нужного момента. Михей торжествующе потряс
Костей пред грозным ликом повелителя канистр
и бутылей.

– Роман Васильич, у нас пополнение. Оформи Костянычу креплячка, ему массу набирать нужно, а по ветром снесёт.

Рома смерил съевшегося Пилигрима мрачным взглядом, взял стакан, мгновенно утонувший в его лапище, и, не глядя, нацедил в него из-под крана жидкость красного цвета. Костя хотел сказать, что предпочёл бы пиво, но Михей так яростно ткнул ему стакан в лицо, что возражения почили в бозе, так и не успев оформиться. Крепляк, вкусовые качества которого Костя не смог бы описать и под страхом смерти, понёлся в нужном направлении, и подвальные стены закачались перед глазами будущего отечественной журналистики.

– Молодой человек, я настоятельно рекомендовал бы вам закусывать.

Костя не без труда повернул голову. Круглолицый мужчина в очках с перемотанной изоляцией дужкой протягивал ему блюдо. На блюде красовался сомнительного вида бутерброд, кусок чёрного хлеба с ломтём сала. Трясущейся рукой Пилигрим поднёс сооружение ко рту и откусил половину. Стены понемногу возвращались на места.

– Закуска, вопреки распространённому мнению, не менее важна для увеселения сердца, чем вино. Тем более вы, как я вижу, не слишком опытни в деле возлияний.

– Это же Костяныч, охренеть какой тип! – взревел где-то над ухом Михей.

– Костя, – Пилигрим протянул собеседнику оппорносительно окрепшую руку.

– Эдуард. А пропо, Константин, а известно ли вам значение вашего имени?

– Постоянный, если я не ошибаюсь.

– А также «твёрдый», – закивал головой человек в очках. – Знаете, приятно встретить интеллигентного человека в этих палестинах. Кстати, один

замечательный писатель, вы, вероятно, не знакомы с его творчеством, он умер до вашего рождения, так вот, в своей повести он развивал интересную теорию имён. По этой теории Костя – это что-то вроде собачьей будки, в ней даже не выпрямишься в полный рост. Зато Константин, ооо, став Константином, вы переезжаете в большую круглую башню, похожую на маяк. Простите, если невзначай вас обидел, но...

– Эдя, харэ тебе по ушам пацану ездить, – снова включился Михей. – Костяныч, пошли Людку поздравлять. Скажешь ей что-нибудь, ты ж умеешь. – Михей подтолкнул Пилигрима к составному столу, из-за которого уже поднималась Людка, кокетливо улыбаясь сверх всякой меры накрашенным по случаю празднества ртом.

Последовавшие события не слишком хорошо отпечатались в Костиной памяти. Он помнил, что поздравлял именинницу, отвечал на вопросы, даже вёл с Эдуардом проникновенную беседу о чём-то возвышенном, однако все детали терялись в красном мареве. Лишь увидев на экране мобильного цифры 15 и 48, Пилигрим нашёл в себе силы вырваться из засасывавшей его трясины, благо Михей к тому времени был уже не в состоянии продемонстрировать свою хватку. Провожаемый напутствиями Людкиной свиты, Костя кое-как выбрался на улицу. Он немного постоял у входа, опираясь на перила, глотая ледяной воздух, а потом нетвёрдыми шагами двинулся к остановке. Под навесом переминались с ноги на ногу озябшие кандидаты в пассажиры.

– Не подскажете, давно не было троллейбуса? – тщательно подбирая слова, адресовал Костя кругленькой старушке, не достававшей ему до груди.

– Минут двадцать уже стоим, – прокурлыккала она, подозрительно глядя на Пилигрима и потягивая носом воздух. Костя отошёл в сторону и вы-

тащил из кармана телефон. На часах было 16.02. Троллейбус появился, когда паломник уже мысленно готовил себя к жизни без газа, электричества и воды, вспоминая всё, что читал о быте пещерных людей. Жуткого серого цвета гроб на колёсах нехотпя затормозил, и измученный Пилигрим устремился в его недра вместе с потоком сограждан.

Все сидячие места в салоне были заняты с ног до головы закутанными мужчинами и женщинами. Они напряжённо всматривались в проплывавший за покрытыми изморозью окнами пейзаж, представляя, как вскоре будут вылезать из относительно тёплого троллейбусного нутра, попадая напрямиком в лапы зимы. Несколько человек тряслись в проходе, вцепившись в вибрирующие поручни. Костя потоптался у закрывшихся за ним дверей и проследовал на свою любимую позицию в самом хвосте. Замотанная в шерстяной платок женщина-кондуктор приблизилась к нему, знакомо потянула носом и потребовала оплатить проезд. Пилигрим протянул ей последние деньги. Кондуктор, изобразив на лице нечто вроде «Что за молодёжь пошла», удалилась, не посчитав необходимым выдать пассажиру билет. Костя подумал о том, какое амбре должен был источать стараниями Михея, и повернулся к окну. Глядя на серо-белый город, на улицы, по которым он ходил сотни и сотни раз, Пилигрим вспоминал Веру. В памяти всплыли слова Фила о морщинах, и он улыбнулся, грустно и устало, как странник на неизвестно куда ведущем пути. Внезапно троллейбус резко затормозил, хорошенько тряхнув народом в салоне. Народ дружно ответил восклицаниями, изрядно сдобренными ненормативной лексикой. Грубо оторванный от созерцания своей внутренней бездны Костя осоловело хлопал глазами. Заскрипела дверь кабины, и массам явился водитель. С видимой неохотой он покинул салон, обогнул троллей-

бус и стал совершать некие, ничего не говорящие дилетанту манипуляции в районе проллейбусного зада. Пассажиры предсказуемо зашумели, выдвигая предположения по поводу произошедшего. На ум Косте вновь пришли пещерные жители, в крошечной ночи сгрудившиеся у костра. Прошло около пяти минут. Наконец, водитель оторвался от железного зада, обогнул проллейбус и, хлопая ладонями по бокам, ввалился внутрь.

– Всё, расходимся. По такому льду дальше не поедет, без вариантов. Можете ждать следующий, но вряд ли, весь город стоит.

Массы загудели. Не дожидаясь, пока народный гнев выплеснется на просторы многосрадальной родины, Пилигрим сжал лямки рюкзака и рванулся прочь. Он бежал по обочине дороги, где не было льда, увязая в снегу, чувствуя, как выстуживал всё внутри попадавший в лёгкие воздух, бежал так, словно это был последний марафон в его жизни. На бегу он умудрился выудить из кармана мобильник. До закрытия отделения оставалось сорок пять минут, и Костя ускорился, уповая на то, что банковские труженики не закончат работу раньше в честь приближающихся выходных и погодных условий. В глаза Пилигриму бросилась женская фигура впереди. Фигура вдруг изогнулась, махнула руками и повалилась на лёд. Содержимое сумки радостно раскатилось во все стороны. Ни о чём не думая, Костя затормозил и подкатился к упавшей. Та уцепилась за протянутую руку и, скребя подошвами по льду, тяжело поднялась на ноги.

– Спасибо огромное, так скользко, думала, убуюсь, – на Костю смотрела симпатичная светловолосая девушка его лет.

– Вы аккуратнее ходите... Давайте я вам помогу собрать, – Пилигрим стал сгребать какие-то пузырьки и флаконы, ссыпая их в сумку.

– Спасибо ещё раз, транспорт не ходит, приходится пешком добираться.

– Я бы вас проводил, но, видите, бегу. Вопрос жизни и смерти. Не падайте больше.

Провожаемый взглядом девушки, Пилигрим сорвался с места. До банка оставалось совсем немного, и он сокращал расстояние с мыслями о светловолосой незнакомке. Борясь с сугробами, Костя осознавал правоту Филя. Ещё никогда за последний месяц он не был так далёк от Веры. Вдали показалась зелёная вывеска банка. Пилигрим удвоил усилия, болидом рассёк оставшиеся метры и влетел в теплому помещения.

Единственная женщина в зале, стоявшая у окошка кассы, повернула голову на стук входной двери, мазнула взглядом по Косте и вернулась к диалогу с кассиром. Табло больших часов над дверью показывало 17:34. Костя выпустил из лёгких воздух, отдавая должное добросовестности местных клерков, и направился к свободной кассе.

– Мне нужно получить денежный перевод из-за границы.

– Да, конечно, – улыбнулась ему кассир по ту сторону прозрачного барьера. – Вы вовремя, мы уже собирались закрываться. Давайте документы.

Костя расстегнул молнию на куртке, снял перчатку, полез рукой к подкладке и не обнаружил там ничего. Пальцы елозили по гладкой поверхности, не находя ни паспорт, ни карман. Пилигрим распахнул куртку, посмотрел направо, налево и изо всех сил ударил себя кулаками по бёдрам.

– Что-то не так?

– Понимаете, я, кажется, оставил дома паспорт, – забормотал Костя в безумной надежде найти выход из ситуации. – Может, можно как-то без документов? Я регулярно получаю у вас деньги, это от мамы.

– Простите, – сделала сочувствующее лицо кассир, – без паспорта я ничего не могу вам выдать. Завтра и послезавтра выходные, так что приходите в понедельник. Не переживайте, с вашими деньгами ничего не случится, – снова улыбнулась она.

Не находя в себе сил даже кивнуть, Костя отошёл от кассы и бессильно опустился на стул возле терминала, позволявшего оплачивать коммунальные услуги. Он прижался к напичканному электронной боку, посылая проклятия зиме, пиву и Филу с его разговорами, из-за которых он машинально снял с вешалки не ту куртку. Терминал еле слышно гудел, внутри него шла невидимая, таинственная для непосвящённых жизнь. Через двадцать минут банк должен был закрываться. Костя знал, что не сможет добраться домой. Маршрутки бастовали, троллейбусы стояли, к тому же у него всё равно не оставалось ни денег на транспорт, ни сил, чтобы идти пешком. Пилигрим ещё немного посидел у ставшего почти родным бока, а потом медленно поднялся. Сейчас он пойдёт к Вере. Он не знал, дома ли она, не знал, что скажет, если у него хватит духу позвонить в дверь, предложит ли она ему деньги на такси, и сможет ли он их принять. Может случиться так, что ему придётся провести ночь в закутке над её квартирой, у входа на чердак. Этот закуток Костя заметил в первый же раз, когда провожал Веру домой. Он будет сидеть там, сжимаясь под курткой, проваливаясь в дрему, вырываемый из полусна хлопаньем дверей и звуками голосов. А с рассветом он отправится в обратный путь, с одной лишь надеждой, что судьба даст ему отсрочку до понедельника, усталый пилигрим, возвращающийся из паломничества домой.

ЕГО ТАМ НЕТ

– Видели? Вы всё видели? И что нам с этим теперь делать?!

Айк кричал и стучал кулаком по столу. Трое молчали как один, наклонив головы. Дребезжали рюмки и стаканы, коричневая жидкость собиралась в лужи. Глазок, вмонтированный в металлический корпус, ослеп навсегда.

– Прекрати, – поднял глаза Блор.

– Что прекратить, что? Стыдно, что всю жизнь таскал это?

Айк ткнул пальцем в маленькое солнце с восемью лучами на груди Блора. Полумрак комнаты делал золото тусклым, теряющим обычную убедительность. Блор принадлежал к адептам самой распространённой религии в многонациональном городе. Солнце символизировало тепло и свет, которые совсем юный пророк принёс не ждавшим его людям. В благодарность те сожгли его ещё до того, как у пророка начала расти борода.

– Зачем ты так? – Блор говорил медленно, будто выталкивая из себя слова. – Она же может и ошибаться.

– Конечно, может, – когда Видж волновался, его акцент становился отчётливее. Поросшие чёрными волосами руки елозили по столешнице. Там, откуда его родные приехали в город, спасаясь от резни, верили во многих богов. Чтобы умиловить их, и добрых, и злых, приносили жертвы. У своих родителей Видж был пятым ребёнком, обычное дело в его далёкой нищей стране. В больших семьях, пока одни трудились, другие должны были задабривать божеств. В маленьких страх впасть в немилость у высших сил зачастую превозмогал страх голодной смерти. – Разве у нас есть серьёзные доказательства? Как вообще можно такому верить?

– Он прав, – Глан не глядя плеснул в рюмку из бутылки с яркой наклейкой. – Ты ведь сам говорил, что проверить ничего нельзя. Ты гений, никто не спорит, но послушай, всё, что ты делал, базировалось на законах. Открой любой учебник – большинство из них изучают даже в школе. Но это... какой здесь принцип действия, как его объяснить? И топ, и другой раз могли быть простым совпадением. Да о чём здесь говорить, всё и так понятно.

Глан выпил. Его вера не запрещала своим последователям излишеств. Они считали, что после смерти человека его душа вновь становилась частью космической личности, которой когда-то была, и могла путешествовать по бесконечной вселенной. Чем меньше грехов её отягощало, тем более длинный путь ей разрешалось пройти.

Айк ещё раз стукнул по столу, покачнулся и сел. В глубине души он знал, что так будет. По крайней мере, что это возможно. Он бегал по комнате и брызгал слюной, потому что подозревал это ещё тогда, когда они только познакомились. Родители Блора и Глана могли оплатить своим сыновьям учёбу. Виджа, который полдня стоял за прилавком, а полдня горбатился над учебниками, взяли по квоте для беженцев. Айк сдал вступительные экзамены, получив максимальное количество баллов. Он действительно был гением. Четверо встретились, стали друзьями и пообещали друг другу никогда не расставаться. Никто не будет одинок в беде. Трое всегда поверят одному, какие бы невероятные вещи он ни говорил. Наивная клятва, которую давали сотни тысяч раз, но они сумели её сдержать. Им, избранным, как им хотелось думать, удалось сделать то, что удаётся немногим. После окончания учёбы троих ждали первые рабочие дни. Блор и Глан свои скромные должности воспринимали как начало долгой и блестящей карьеры. Для Виджа

это была возможность поддерживать неграмотных родителей и не желавших сидеть за книгами братьев и сестёр. Айку классическое образование дало немного, разве что восполнило некоторые пробелы в теории. Впрочем, он не слишком в этом нуждался. Ещё будучи студентом, Аик имел с десяток изобретений. Их можно было применять в промышленности, в транспортной сфере, в сельском хозяйстве. Чертежи пылились на полках. Для замшелых профессорских голов его идеи были слишком новаторскими, руководители компаний и предприятий не желали вникать в пояснения неизвестного с улицы. Потом Аик встретил Эльзу. Самопогружённый, сосредоточенный на своих расчётах, он тем не менее сумел распознать в ней человека своей жизни. И не ошибся.

Именно Эльза рассказала Айку о цветке с четырьмя листьями. Крайне редко, как результат мутаций, встречались экземпляры с тремя. Нашедший такой, согласно поверью, получал возможность осуществить три желания. Несколько дней Аик думал об этом, а потом одной ночью ему приснился сон. Он встал на рассвете и за несколько часов создал свою машину. Примитивная микросхема, корпус из металла и индикатор в виде маленькой лампочки. Вечером того же дня он пригласил к себе троих. Аик говорил долго, прерываясь и путаясь в словах. Вышло, что во сне ему открылся некий базовый принцип, что-то вроде возможности использовать созидательную энергию вселенной. Машина могла дать ответ на три вопроса, после чего прекращала функционировать. Вновь привести её в действие или создать подобную не представлялось возможным. Почему, Аик объяснить не мог, он просто это знал. Вопросы следовало формулировать так, чтобы ответить на них можно было только «да» или «нет». Эти вопросы могли касаться

любых проявлений бытия без исключения. Друзья посмеялись хорошей шутке, выпили принесённое с собой и удалились. Утром Аик отправился к каждому из них на работу. Обычно флегматичный, он рвался мимо охранников у входа, кричал, требовал и сквернословил. Это возымело действие. Поведение Айка было слишком необычным, а его друзья достаточно молоды, чтобы верить в силу клятв. Более других склонный к авантюрам Глан предложил вложить некую сумму в акции амбициозной компании-производителя пищевых добавок. Она готовилась к выходу на рынок и обещала вкладчикам невиданные прибыли. Осенним вечером четверо сели вокруг стола, в центре которого лежала металлическая коробка. «Стоит ли покупать акции компании N, чтобы разбогатеть?» – сильным от волнения голосом задал вопрос Аик. Прошло несколько секунд, потом внутри машины раздался щелчок, и индикатор загорелся зелёным.

Каждый дал, сколько мог. Видж принёс коробку с пачкой аккуратно разглаженных купюр. Жалкие остатки жалованья, которые он откладывал, чтобы лет через триста купить отдельное жильё – какой-нибудь сарай на окраине. На предложение оставить деньги себе он ответил такой яростной бранью, что все мгновенно затихли. Аик продал часы и золотую цепочку, подаренную родителями на совершеннолетие. Кое-что заняли на стороне. Через полгода компания объявила о выпуске в продажу пищевых добавок для похудения, необычайно эффективных и лишённых побочных эффектов. Ещё через три месяца её акции стоили в несколько десятков раз дороже. Четверо собрались вместе и дико напились. К радости примешивался ужас от нереальности происходившего, который они плохо пытались скрывать. Регулярно получаемые деньги делили на четыре равные части и по сове-

пу отца Блора вкладывали в несколько уважаемых банков. Появившаяся финансовая база позволила карьерам Блора и Глана развиваться значительно быстрее. Видж осуществил мечту о собственном жилье. Изобретения Айка получили широкое признание. Он женился на Эльзе. Ей одной, не считая троих, он рассказал о машине ещё до её испытания, и она поверила, не задавая вопросов.

Жизнь четверых шла. Блор женился, у него родилась дочь. Глан и Видж избегали семейных уз. Первый ценил свободу, второй заслуженное одиночество. Айк и Эльза хотели детей, но у них ничего не получалось. Врачи утверждали, что Эльза бесплодна. Иногда она плакала. Айк обнимал её и держал в объятиях до тех пор, пока жена не успокаивалась. Оставаясь наедине со своими чертежами, он порой надолго застывал, глядя в одну точку.

О войне заговорили не вдруг. Вначале в газетах появились карикатуры, затем последовали обвинения на дипломатическом уровне. Две державы нацелили друг на друга ракеты. Началась паника. Доступ к банковским счетам временно заморозили, однако границы ещё оставались открытыми. Люди потоком текли из страны. Четверо колебались. Уехать означало лишиться всего. Нужно было делать выбор и делать быстро. Они вновь собрались вокруг стола. Эльза, зажав дыхание, сидела на кровати в соседней комнате. «Будет ли война между нашей страной и республикой М?» – спросил Айк. Как и в предыдущий раз, раздался щелчок, и засветился красный огонёк. Несколько недель прошли в мучительном ожидании, а потом напряжение начало понемногу спадать. В день восстановления дипломатических отношений четверо опять написались. Время от времени кто-то из них со страхом смотрел в сторону сейфа, где Айк хранил своё изобретение.

К сорока пяти Глан успел дважды жениться и развестись. Дочь Блора окончила школу. Видж удивил всех, обзаведясь тремя наследниками. По утрам Айк рассматривал седые пряди в волосах и иногда уходил из ванной, забыв умыться и почистить зубы. Четверо встречались всё реже. У каждого была своя налаженная жизнь. У них оставалось ещё немало времени до старости. Они могли быть довольны тем, что сделали, и следом, который уже успели оставить. Но невысказанное «зачем» раз за разом повисало между ними в воздухе. Жить в неведении становилось невыносимо. И они решились. Когда Айк открывал сейф, его руки дрожали. Свет не включали, будто бы это могло как-то повлиять на ответ. По комнате плыл табачный дым. В окружении рюмок и стаканов машина смотрелась чужеродно. Пыльцы стиснулись в кулаки. «Существует ли бог?» – чётко выговаривая каждую букву, произнёс Айк. Что-то дёрнулось внутри металлического корпуса, вместо щелчка раздался хлопок. Индикатор мигнул красным и потух. Наступила тишина.

Айк много пил, почти не пьянея. В конце концов он собрал куртки троих и выбросил их за дверь. Они ушли. «Они сделают всё, чтобы заставить себя не поверить, – подумал Айк. – Будут рассуждать о случайностях и закономерностях, решат, что красный свет им померещился. Всё ведь произошло так быстро». Он подошёл к окну. На улице лил дождь. Одни люди шли под зонтами, другие бежали в поисках укрытия. «Зачем?» – пронеслось в голове Айка, и он заплакал.

– Его там нет?

Айк обернулся. Эльза стояла на пороге комнаты, с её плаща на пол текла вода. Он покачал головой. Его щёки были мокрыми от слёз. Она приблизилась к нему.

– Если ты был уверен в этом, зачем отправлять жизнь другим?

– Я надеялся...

– Послушай, – она коснулась его руки, – почему тебе не пришло в голову, что ты мог ошибаться? Если он на самом деле существует, что для него твоя машина? А даже если и нет... Ты задал неправильный вопрос. Нужно было спросить, есть ли во всём этом смысл, пусть и без него. Сейчас мы пойдём на кухню, я сделаю тебе чай, а потом ты ляжешь спать. Заставишь себя заснуть. Завтра утром мы проснёмся и будем жить дальше.

– А потом умрём и сгниём?

– А потом сгниём, – она потянула его за рукав. – Пойдём.

И они пошли.

МЕССИЯ

*And on four horses
Come special forces.*

Tiamat

В самый глухой ночной час Арсений думал о безумцах. В квартире стояла пишина, нарушаемая лишь посапыванием Леры, по обыкновению свернувшейся на боку в позе зародыша, с прижатой к животу подушкой. В такие моменты он завидовал жене, обладавшей способностью полностью отключаться от мира, проваливаться в чёрную пропасть, выныривая из неё лишь за несколько минут до того, как придёт время возвращаться к жизни. Организм Леры был умнее её сознания, экономя силы, которые преобладали сейчас, как никогда ранее. Арсений не мог сказать о себе того же, и поэтому, лёжа без сна, он думал о сумасшедших, учёных, опускавших в кипящую воду часы вместо яйца, небритых стариках в обитых войлоком камерах со спёртым воздухом, бормотавших что-то о своей славе великих полководцев или правителей. Он вспоминал громкие имена из криминальных хроник, маньяков, встреча с которыми открывала ворота в запретную боль, всё для того, чтобы убедить себя, что с мальчиком в соседней комнате всё в порядке. Арсений сравнивал не поддающееся сравнению, пока серый рассвет не стал просачиваться сквозь щель между шторами. Тогда он осторожно перелез через Леру, взял со стола планшет и опустился в кресло. Там он включил мини-компьютер, вошёл в сеть, просмотрел новые сообщения на страничке «Эры духа». «Может, он гений?» – внезапно мелькнуло в голове без всякой связи с содержанием комментариев читателей журнала. Арсений не был уве-

рен, желал ли он подобной участи для своего ребёнка. Гениальность казалось Арсению бременем, возможно, даром, способным облагодетельствовать мир, но тяжестью как для самого человека, так и для его близких. Отцу мальчика в соседней комнате хотелось, чтобы тот прожил обычную жизнь, с повседневными заботами, маленькими радостями, неизбежным горем, лучшим лекарством от которого была та самая повседневность. Арсений подумал, что оставшееся время до утра он может провести, собирая в ряды разноцветные шарики на экране планшета, а потом его сознание внезапно погасло, и он увидел сон.

На гигантских размеров чёрном кресте был распят Глеб. В одной набедренной повязке, болезненно бледный и худой, с железной короной, впившейся в голову, он обвис на толстых гвоздях, слабо постанывая, и слёзы, смешивавшиеся с кровью, текли по его щекам. Крест торчал из моря переплетённых человеческих тел, простиравшегося до самого горизонта, ежесекундно пучащегося, изгибающегося волнами, моря, у которого не могло быть дна. Голые люди, враспая друг в друга плотью, беспрерывно кричали, совокуплялись, пожирали себя и других, и все они тянули руки к фигурке на кресте. Живя в грязи, помня о смерти, они отчаянно хотели жить и молили о спасении. Внезапно тело Глеба изогнулось, человеческое море взметнуло цунами, и крест с оглушительным треском стал падать, заслоняя багровое небо.

– Вставай.

Арсений разлепил глаза. Лера стояла над ним, легонько тряся его за плечо.

– Что, уже пора?

– Пока придёшь в себя, уже пора будет выходить.

Опять полночи не спал?

– Уснул нормально, потом проснулся, часа три

ворочался, решил в кресле посидеть, думал, всё, хоть с планшетом поиграюсь, и, видишь, вырубился, – Арсений тяжело поднялся, разминая одеревеневшую шею. – Как он там?

– Говорит, спал нормально, сам посмотришь, – Лера изломала лицо скептической гримасой. – Иди приводи себя в порядок, труба зовёт.

Арсений прошёл в ванную, встал под душ. Тёплые струи ударили по телу, и стало немного легче. При дневном свете ночные страхи тускнели. Сны снами, но ведь врачи не нашли никаких отклонений. Им нужно подождать, всё наладится само собой, просто поддерживать друг друга, ни словом не касаясь того, что тревожило их всех. Покончив с упренными процедурами, Арсений вернулся в комнату, облачился в джинсы и белую футболку с изображением лотоса, подумал об офисных тружениках с их неизбежным дресс-кодом и отправился на кухню.

– Категорически всех приветствую, – изрёк он как можно более оптимистично, усаживаясь за стол.

– И вам достойно жить, – отозвалась от плиты Лера.

– Доброе утро, пап, – Глеб равномерно двигал ложкой, понемногу опустошая наполненную кашей пиалу. Глядя на сына, Арсений подумал, какой удивительно покладистый ребёнок им достался. Подавляющее большинство двенадцатилетних детей не преминули бы устроить каше бойкот, а то и потихоньку спустить её в унитаз, как это в своё время делал сам Арсений. Встретившись с опцом глазами, Глеб слегка улыбнулся. Под глазами у него темнели круги, заставляя вспомнить гримасу Леры.

– Что на повестке дня? – спросил нейтрально Арсений, решив не запускать по второму кругу вопрос, который уже задавала с утра жена. Занятия

в школе окончились неделю назад, и сейчас Глеб посещал нечто под названием «пришкольный лагерь» – радость работающих родителей, не знавших, чем на целый день занять каникулярных отпрысков.

– Всё по плану, – Глеб пожал худыми плечами. – Сегодня археологический музей, завтра страусиная ферма.

– Чувак, да такими темпами нас с мамой к твоему одиннадцатому классу ждёт нехилая головная боль, как и тебя, кстати. Прикинь, как сложно выбрать, куда поступить при таком-то диапазоне знаний.

Глеб снова улыбнулся, на этот раз чуть шире, улыбнулась и Лера, ставя на стол тарелку с ломтями поджаренного хлеба. Они завтракали, обмениваясь какими-то шутками, и Арсений вдруг почувствовал, как на него опять начинает наползать тень ночного кошмара. Одним глотком допив чай, он поднялся.

– Ребята, сорри, вынужден вас покинуть, новый номер на носу, хочу пораньше начать. Всем спасибо, всё бесчеловечно вкусно и питательно, как всегда.

Арсений списнул плечи сына, потянулся губами к Лере, увидел её взгляд. Они поцеловались. Арсений обнял жену, на секунду крепко прижал её к себе. Он подхватил в прихожей рюкзак, сунул ноги в лёгкие летние туфли и закрыл за собой дверь. Спускаясь по лестнице, он вспоминал глаза Леры. Она знала, что он выходит на полчаса раньше, чтобы пройтись пешком, попытаться немного проветрить мозги, отдавшись ритму ходьбы. «Спасибо», – прошептал Арсений и толкнул ведущую на улицу дверь.

Духота последних дней наконец-то спала. Небо обложило тучами, свежий ветер трепал листву деревьев во дворе. Беседку возле гаражей оккупировали неизменные Гарик и Розенбом, в компании спортивной сумки, из которой торчали горлышки бутылок. Две легендарные личности, ненадолго

вырвавшиеся на свободу, целыми днями смаковали продукцию местного пивзавода, рассуждая о былом. Арсений знал обоих с самого детства, в пятнадцать лет уже тайком бегал на устраиваемые ими в районном Доме культуры джем-сейшена, был свидетелем триумфов и падений неразлучной парочки. Одно время локальные звёзды рок-н-ролла вплотную приблизились к тому, чтобы разделить печальную участь множества своих более именитых коллег по цеху, однако на пути у зелёного змия стеной стали жёны. Валя с Ирой, сплочённые никак не радужной перспективой, объединили усилия и дружно взялись за дело. В результате долгих и изнурительных военных действий, мудрёных стратегических ходов и закулисных интриг им удалось до известной степени обуздать страсти благоверных. Ныне оба воспитывали подрастающее поколение, ежедневно ходили на работу и по праздникам принимали не больше заранее определённого количества, находясь под неусыпным контролем супругов. Лишь раз в году, летом, жёны вместе с потомством отправлялись в законный отпуск на принадлежащую Гарику дачу, и тогда для друзей наступала двухнедельная фиеста. Подруги жизни были хорошо осведомлены о намечающемся загуле, однако не предпринимали никаких действий, чтобы это предотвратить, понимая бессмысленность любых телодвижений в подобной ситуации. Заранее готовясь к предстоящему пиршеству, Гарик и Розенбом в течение целого года зарабатывали себе отгулы, чтобы долгими тёплыми днями, вечерами, а то и ночами предаваться воспоминаниям и потреблять. Воспоминания были неиссякаемыми, впрочем, как и пиво, источником которого являлся расположенный на соседней улице круглосуточный магазин. Продукт брожения, цистерны которого друга выдули в молодости, действовал на них диаметрально

но противоположным образом. Гарик, несмотря на приближающийся пятый десяток, оставался таким же пошлым, как и в свои пятнадцать, в то время как Розенбом с каждым годом увеличивался в размерах. Арсений взглянул на синхронно припавших к бутылкам рок-солдат, и ему безумно захотелось, плюнув на всё, присоединиться к ним, позволив себе хотя бы ненадолго отключиться от царявшей душу реальности.

– О, Сеня, здорово, чеши к нам, – на весь двор медведем радостно заревел Розенбом, заметив соседа по дому.

– Мужики, я на работу, у меня отгулов, как у вас, нет, – запропестовал Арсений, ноги которого каким-то магическим образом принесли хозяина к входу в беседку.

– Работа не волк, ты что, пословицы в школе не учил? На, кайфани с утраца, – Гарик ткнул в руки Арсению тёплую бутылку с каймой пены у горлышка.

– Нет, чуваки, не просите, не могу, – чувствуя, как от внутренней борьбы на лбу выступает испарина, Арсений отвёл в сторону искушение.

– Ну, хоть посиди, послушай, о чём умные люди говорят, на работе тебе такого не расскажут, – Гарик сделал внушительный глоток, разбрызгивая по сторонам пену. Арсений подумал, что, возможно, ради этой встречи он и выходил из дома раньше обычного, и залез в беседку.

– Короче, была тогда такая передача, что-то типа «Криминальная страна», чернуха всякая, бандиты, шлюхи, тогда такое по всем каналам крутили. Это я Розику рассказываю, как впервые услышал «Голубой огонёк», это где «моя смерть ездит в чёрной машине», – перевёл Гарик Арсению, прекрасно знавшему, о какой песне шла речь. – И, прикинь, там в одном сюжете за кадром кусок вещи крутили, вообще без всякой привязки. И тут меня как торкнуло.

Заканчивается всё, никаких субтипов, как сейчас, типа, чьи песни в передаче звучали. Иду я к маме на кухню, а мама у меня музыку в школе преподавала, – снова озвучил известному Арсению факт Гарики, – напеваю, что запомнил, спрашиваю, не знаешь, чьё это может быть? Ну, она говорит, не знаю, но вообще похоже на Боба. И я, вдумайтесь, иду в комнату, разбиваю копилку, а я тогда на приставку копил, потом чухаю в магаз музыкальный, в Центральном гастрономе тогда козырный был, и продавца спрашиваю. Повезло, тип понимающий попался, всё мне обрисовал, кассету нашёл, я домой по-быстрому, врубил и умер. Ну, и понеслось. Приставку я так и не купил, всё на кассеты ушло.

– Вообще кайф, – подхватил эстафету Розенбом. – А я в то время «Зэ скримерс» слушал, типа, крикуны, так название и писалось. Угар такой, что птицы на лету падали. Панк, рага, тяжеляк, всё в одном флаконе, и тексты улётные, кажется, стёб, а потом как врубишься, так мозги заворачиваются. У них там в одной песне была спрочка «пусть стоя аплодируют боги». И вот я дома, под диким впечатлением, пишу свой первый текст, беру подушки, книги, пару кастрюль, две ложки и начинаю хреначить по всему этому. А сам пою по бумажке, что-то там, что у богов уже давно и геморрой, и ревматизм, запоры, само собой, но когда они видят, как панки бухают, не могут удержаться, встают и хлопают полчаса.

– Мы с Розиком через год после этого свой первый панк-состав заделали. «Даст ин май брэйн» назывался, пыль в моём мозгу, а да, ты ж английский знаешь, – наконец-то осознал очевидное Гарики. – Была у нас одна вещь, без названия даже, вернее, названий куча, не могли выбрать. Про то, что у чувака на одном плече белый ангел, а на другом, соответственно, чёрный. Белый ему: «Делай перерывы»,

а чёрный так по-нашему: «Бухай регулярно». В припе-
ве так и шло. Качало – жуть. И приглашают нас как-
то на фестиваль, опен-эйр, пятьдесят километров
от города, зелёная зона, парк «Дубки». Обещают ап-
парат, барабаны, накормить, дорогу даже оплачива-
ют. Мы с утра по соточке, погрузились, через пол-
часа приезжаем, а там детский фестиваль, клоуны
всякие, качели-карусели, конкурсы. Кто-то, короче,
что-то перепутал, а валить назад поздно, органи-
заторы подходят, давайте на сцену. Выползли мы
и завалили, а что делать? Две песни отлабали, по-
том нас стащили. Скандал был, но пару пап потом
втихую подошли, благодарили, даже на пропой что-
то сунули, плюс сосисок местных в кульке.

– О, сосиски, – эйфоричный Розенбом запрыгал
на лавочке, отчего та угрожающе закричала. –
Помнишь сосиски, Сеня?

При упоминании о сосисках Арсений понял, что
пора ретироваться. Он вскочил, потряс руки обоих
рассказчиков, непрерывно выдавая что-то о новом
номере и горящих сроках, пообещал в самое бли-
жайшее время присоединиться к компании, внеся
свою алкогольную лепту, и очень быстрым шагом
покинул зал славы рок-н-ролла. Утро воспоминаний
грозило перерасти в день. Осознав, что у него ещё
оставалось достаточно времени до начала работы,
Арсений несколько сбавил темп. Всю дорогу до ре-
дакции он вспоминал один из своих первых опытов
общения с Гариком и Розенбомом. Отходивший
от какого-то ОРВИ, он воспользовался отсутстви-
ем родителей и пригласил музыкальных кумиров до-
мой. В себя после выпитой водки десятиклассник
Сеня пришёл часам к четырём дня, едва успев наве-
сти в квартире марафет до прихода отца с мате-
рью с работы. Те ничего не заметили, хотя мать
и удивилась тому, что сын съел почти все сосиски
из холодильника. Через пару дней Сеня поинтере-

совался у старших наставников, как они незаметно употребили столько мясной продукции. «Слабоват ты ещё, чувачок, – довольно изрёк тогда Розенбом. – Ты же сам нам показывал, как клёво в шахматы играешь, а потом все фигуры убрал, типа, каменный век, вместо них сосиски разломанные поставил и стал сам с собой шпилить. Сбивал и съедал сразу». «Понятно теперь, почему меня так тошнило ночью», – подумал тогда Сеня, не зная, радоваться ли ему своим подвигам или стыдиться.

Как всегда перед выходом нового номера, в редакции царило оживление. Раз в месяц журнал «Эра духа» радовал своих читателей новостями с эзотерического фронта, репортажами с различных мероприятий, призванных способствовать духовному росту и, как следствие, разрыву цепи перерождений, депалями биографий знаменитых наставников. Склонявшемуся к агностицизму Арсению, тем не менее, импонировали эти учения с их отказом от идеи персонифицированного бога, полной открытостью для всех и каждого, отсутствием претензий на обладание единственно возможной истиной. Работавшие в редакции в большинстве своём были добродушной жизнелюбивой публикой, с хорошим чувством юмора и адекватным восприятием реальности. Редкие исключения на общем фоне не раздражали, а скорее добавляли драйва. Такой, например, была штатный фотограф Леночка, питавшаяся солнечной энергией, транслировавшая/считывавшая эмоциональный фон вне зависимости от состояния и постоянно менявшая пассий, в каждом новом кавалере видя, по меньшей мере, Калки-аватару. Арсений поздоровался с охваченными бурной деятельностью коллегами, сделал себе кофе, включил компьютер и погрузился в присланную ему на вычитку статью. Её автор только что вернулся с проходившего раз в шесть лет празднества, гран-

диозного действия, для участия в котором съезжались йогины со всего мира. Читая описания практик, рассматривая фотографии полуголых людей, заполнивших всё пространство между пёстрыми шатрами у берегов могучей реки, Арсений задумался. И он, и Лера воспитывались в семьях, где религия воспринималась лишь как одна из многочисленных традиций, таких, например, как вылазки на природу с вином и жареным мясом в последний месяц весны. Он не мог понять, как с Глебом могло произойти то, что так терзало сейчас и мальчика, и его родителей. Внезапно Арсений подумал о том, чтобы после выхода номера взять отпуск, уговорить Леру сделать то же самое, сесть впроём на самолёт и хотя бы ненадолго покинуть страну, отправившись в тысячекилометровый путь. Мысль выглядела безумной, но разве не безумием было случившееся с ними? Они полетят туда, в древнюю страну, где роскошь соседствует с кричащей нищетой, где священные животные переходят автострады. Они поселятся в городе, в котором на лестницах у реки сжигают трупы, где по утрам обнажённые люди, стоя в тёплых водах, приветствуют солнце. Быть может, это излечит их, даст ответы на вопросы, позволив вернуться к привычной жизни. Арсений сделал глоток кофе, решил, что даст мысли отстояться, перед тем как делиться ею с Лерой, и вернулся к чтению.

В час дня он покинул здание редакции, пересёк улицу и зашёл в маленькое кафе, где обычно обедал. Аппетита не было. Арсений кое-как справился с овощным супом, поковырял салат и, оставив на тарелке недоеденную отбивную, ретировался. В сквере неподалёку он купил в киоске кофе в картонном стаканчике, устроился на скамейке под деревом и набрал номер Леры.

– Привет, я на обед вышел, решил узнать, как у тебя дела.

– Всё по плану, как говорит наше чадо, – голос Леры звучал на фоне шума воды и криков детей, которых она готовила к очередным соревнованиям по плаванию.

– Спасибо, что дала мне возможность пройтись с утра. Немножко разгрузил голову.

– Гарик с Розиком помогли?

– Ты что это, следишь за мной? – постарался изобразить праведное негодование Арсений.

– Конечно. А ещё я иногда имею обыкновение снимать на балконе бельё. Они так восторженно орут, что не услышать нельзя, аж завидно. Ты не думай, даром для тебя это не пройдёт, в ближайшее время придумаю, как будешь искупать.

– Всенепременно. Слушай, возможно, есть одна идея, пока, правда, в зачаточном состоянии, но я думаю, что нам делать. Мы справимся.

– Справимся, без вариантов. Всё, давай, мои там перетонут все без меня. До вечера.

– До вечера.

Арсений спрятал телефон в карман. Он никогда особо не задумывался над определением любви, не был готов примыкать ни к циникам, утверждавшим, что за этим словом стоят лишь физиология и химия, ни к доказывавшим прямо противоположное романтикам. Люди, изучившие друг друга до малейшего пигментного пятна, знавшие, в какое время каждый из них привык совершать физиологические отправления, прожившие бок о бок годы, не могли сохранять в быту восторженные чувства периода влюблённости. Был умел съедать многое, он перекраивал взгляды, сталкивал лбами, и всё же то, что было у него с Лерой, Арсений мог назвать любовью. Они познакомились обыденно и даже несколько нелепо, в квартире Севки, друга Арсения. Севка праздновал свой день рождения, его новое увлечение, опасаясь потеряться в компании незнакомых людей, пришла с подружкой. Подругу попроси-

ли помочь на кухне, где в это время мрачный Арсений резал колбасу, периодически прикладываясь к стакану с вином. За полгода до этого он расстался с однокурсницей, с которой был вместе юбилейных двадцать четыре месяца. Арсений страдал, писал диплом, а по ночам вёл в голове долгие беседы с бывшей возлюбленной, убеждая, доказывая, расправляя раны. По прошествии времени они вспоминали с Лерой их тогдашнее общение и смеялись над тем, как глупо это должно было выглядеть. Арсений старательно натягивал на себя маску мрачного отшельника, всё повидавшего и утомлённого жизнью, Лера отпускала язвительные комментарии. За столом пикировка продолжилась, потом гости разошлись. На следующий день Арсений с помощью Севки стал обладателем необходимого ему номера телефона. Дуря от непривычности ситуации, от того, что собирался сказать, он взял в руки трубку.

– Ты страшный человек, ты это знаешь? – начал с места в карьер Арсений.

– Не уверена, а почему? – ничуть не удивлённым голосом осведомилась Лера, не заинтересовавшись, кто звонит.

– Потому что ты сама не понимаешь, как хороша.

– Не понимаю, но спасибо. Так куда, в кино, в парк или у тебя есть более оригинальные сценарии?

Арсений опешил. В этом была вся Лера, с её, на чей-то взгляд, прагматизмом, порождённым достоинством и нежеланием плясать с бубном вокруг очевидного. Тогда они пошли в парк. Лера спасла Арсения от мучительных рефлексий, от неуверенности в себе и мире, и сейчас, много лет спустя, они спасали друг друга.

Арсений допил кофе и вернулся на работу. В шесть часов он выключил компьютер, попрощался с немногими остававшимися в редакции и на-

правился к остановке. Через две минуты подкапил автобус. Арсений забрался в салон и опустил тело в объятия кресла. Глядя на проплывавший за окном индустриальный пейзаж, он, помимо своей воли, снова погрузился в воспоминания.

Всё началось одним вечером в конце марта. Закрыв за собой дверь в комнату, Лера подошла к кровати, на которой уже выпянулся Арсений, и, вместо того чтобы переползти через мужа на свою половину, присела у его ног.

– Тебе не кажется, что Глеб выглядит очень утомлённым в последнее время?

– Да, я заметил, но, наверное, ничего удивительного. Весна, авитаминоз, в школе загруз, мало ли причин.

– По-моему, он стал плохо спать по ночам.

– С чего ты взяла?

– Не знаю, – Лера задумчиво посмотрела на настенный календарь, выпускаемый в редакции «Эры духа». – Похоже. Ты ничего не слышал?

– Да нет. Ты же знаешь, я иногда просыпаюсь часа в два-три, но у него всегда тихо. Опять же, ему двенадцать лет, может, влюбился.

– Ага, ты мне ещё свои школьные годы вспомни. Слушай, серьёзно, я как-то всё не обращала внимания, а вчера вдруг так явно это увидела. Ты уставший очень был, решила не трогать тебя без повода. Сегодня позвонила его классной. Та говорит, с учёбой всё нормально, ведёт себя как всегда, но спал какой-то, как она сказала, рассредоточенный, что ли, будто одновременно думает и о задании, и о чём-то своём. Она сама собиралась с нами связаться, я её опередила.

– Не знаю, что тебе сказать, лажово как-то. Давай я с ним поговорю завтра, так, знаешь, по возможности ненавязчиво. Даже если там в девочке дело, всё равно обсудить надо, он же сам первый

никогда не начнёт, будет мучиться, но молчать. А если что-то серьезнее...

– Вот обойдёмся без серьезнее. На самом деле, Сень, спасибо, сама тебя хотела попросить. Сам понимаешь, ваши мужские разговоры...

– Спи уже, феминистка, – Арсений припнулся к себе Леру и поцеловал в висок. Через две минуты она ровно задышала, провалившись в сон. Арсений ещё какое-то время прокручивал в голове полученную информацию, спрашивая себя, был ли смысл беспокоиться, а потом уснул и он.

Следующим вечером Арсений постучал в комнату сына. Глеб сидел за столом и при свете настольной лампы что-то писал в тетради.

– Дружище, есть пара вопросов, – позвал Арсений.

– Да, пап, – Глеб повернулся на стуле, и в этот момент Арсений осознал, насколько переменялся его ребёнок. Он ещё больше похудел, скулы на бледном лице заострились, под глазами залегли тени. Арсений не хотел верить тому, что видел, но во взгляде мальчика застыла тоска, растерянность пополам с безысходностью.

– Сына, – Арсений усилием воли заставил свой голос не дрожать, – нам с мамой показалось, что ты чем-то озабочен. Ты только пойми правильно, я тебя не пытаю, просто у меня больше опыта, в каких-то ситуациях я, пожалуй, смогу тебе что-то подсказать. Если есть вещи, которые маме, ну, знать не обязательно, как женщине, даю слово, она их не узнает. Врать я ей не буду, просто объясню, что ничего страшного не происходит, мы сами разберёмся.

– Папа, – Глеб говорил тихо-тихо, еле слышно, – я боюсь, вы мне не поверите и отправите в сумасшедший дом.

– Сынок, как ты мог такое подумать? – Арсений вдруг понял, что стоял на пороге. За порогом ждало

нечто, грозившее искорежить всю их жизнь. – Мы же любим тебя, о чём ты говоришь? Просто расскажи, веришь, люди всегда себе надумывают непонятно что, а потом поделишься, и всё оказывается понятно.

Между отцом и сыном легла тишина, а потом мальчик заговорил.

Одной ночью на исходе зимы Глебу приснился сон. Вокруг него была абсолютная космическая чернота с тусклыми крапинками звёзд где-то неимоверно далеко. Он стоял на месте, хотя под ногами не было никакой опоры, а перед ним возвышался ангел. Мальчик знал, что это был ангел, но не мог описать его. «Он совсем не такой, как на иконах, и он горел», – прошептал Глеб, и на мгновение Арсений почувствовал укол первобытного ужаса. «Ты избран, – сказал ангел, и голос его не был голосом, – чтобы стать новым мессией, спасителем или губителем. Только от тебя теперь зависит, пойдёт ли человечество дальше своим путём или отправится в место, что лежит за гранью всех ваших представлений. Ты будешь носить в себе Апокалипсис, жить, наблюдать, изучать мир. Что-то покажется тебе прекрасным, что-то гнусным и отвратительным. Ты увидишь, как одни люди убивают других, как истязают ради денег и развлечения, как лгут, предают, втаптывают в грязь. Ты познаешь человеческое нутро, неисчислимые бездны мерзости. Тебе не придётся ничего искать самому, рано или поздно жизнь сама извернётся перед тобой всеми своими гранями. Если ты сумеешь дойти до конца и удержать в себе то, что будет проситься наружу, мир спасён, если же нет, ты знаешь, что случится, хотя и не можешь это представить».

Глеб рассказал, что после этих слов он упал на колени. Это не было сном, когда над тобой довлеет чужая воля, заставляя повиноваться её приказам, нет, мальчик был свободен в своих поступках.

Он дрожал, внезапно ощутив космический холод, из его глаз лились слёзы. Ангел продолжал говорить, и тогда Глеб начал кричать. Он кричал, пока в горле его не взбух меховой бурдюк, и ангел изрекал слова, которые не были словами, не заботясь о том, слышат его или нет. – Почему я, почему?! – взмолился Глеб, с трудом выталкивая звуки из покалеченного горла. – Ответы есть, но ты их не поймёшь, – сказал ангел тогда, когда мальчик меньше всего этого ожидал, а потом он проснулся.

Глебу стоило огромных усилий, чтобы не показать дома и в школе, что происходило у него внутри. К вечеру картинка в голове немного попустилась, и мальчик в какой-то момент смог убедить себя, что это был лишь кошмар, однако ночью всё повторилось. Снова ангел говорил о конце света, снова Глеб кричал и просил объяснить, почему был избран именно он. «Ты сильный», – сказал ему ангел, и это было всё. Так продолжалось десять ночей, десять ночей в пустоте космоса. Затем всё прекратилось, так же внезапно, как и началось.

– Но ведь с тех пор тебе ни разу больше ничего не снилось, – шептал Арсений, чтобы не сорваться на крик, – прошёл почти месяц, ты должен успокоиться. Сыночек, это подсознание, оно и не такие штуки выкидывает без всяких причин.

– Папа, ты не веришь, потому что тебя там не было. Всё так и есть, – произнёс Глеб, и Арсений похолодел от тона, которым это было сказано.

Той ночью они не сомкнули глаз. Лера порывалась бежать к сыну, говорить с ним, но Арсений удержал её. Всё ограничилось чашкой молока с мёдом, которую Глеб выпил, виновато глядя в пол. Они перебрали множество версий, от переутомления до наркотиков и шизофрении. Оба сошлись на том, что им не обойтись без помощи специалиста. Уже к середине следующего дня Лера, проконсуль-

пировавшись у подруг, звонила по данному ей номеру и договаривалась о встрече.

– Даже мысли не допускай, что с тобой что-то не так, – говорила она вечером сыну, глядя его обеими руками по голове. – Папа прав, это подсознание, ты мог переутомиться, что угодно могло произойти, поэтому нужно разобраться.

– Да, мама, я понимаю, – отвечал Глеб.

Перед сном Арсений, в горячке осознания, зашёл в комнату сына и опустил перед ним на корточки.

– Послушай, дружище, неужели всё это время ты постоянно об этом думал по ночам, спал по три часа, хотя сны прекратились?

– Я писал.

– Что ты писал?

– Ангел сказал, что если я всё вынесу, я должен буду оставить потомкам послание, завет, сказал он, Новейший Завет. Он надиктовывал мне его все эти десять дней, и я запомнил каждую букву, хотя там на тысячу страниц, и никогда не смогу забыть. Папа, – лицо Глеба внезапно сморщилось, – я так не выдержу. Я ведь уже чувствовал это в себе, когда Лёша из моего класса чуть не подрался с пацаном на два года старше. Пацан его доставал, Лёшка не удержался и попытался ему двинуть, а тот на голову выше, он бы его закопал там, хорошо, учительница пришла. Этот пацан вообще всех достал, не знаю, как его ещё не выгнали, школа-то у нас хорошая. И вот я смотрел на это, хотел что-то сделать, Лёшке помочь и вдруг почувствовал, как оно во мне поднимается, как волна. Такая ненависть, перед глазами оранжевые пятна, и ты его сдерживаешь, а оно наружу хочет. Я справился, не так сложно было, но я же понимаю, что это только начало, самое простое. Как же я буду жить дальше?

Глеб уронил голову на грудь отцу и тихонько завыл. Арсений баюкал сына, шептал ему какие-то

слова и сам испытывал ненависть к тому неизвестному, что так заставляло спрдаать двенадцатилетнего ребёнка. Чуть позже Глеб оторвал заплаканное лицо от отцовской футболки. Мальчик встал, подошёл к книжной полке, пошарил за рядом книг и достал толстый блокнот в чёрном переплёте. Арсений раскрыл его наугад. Страницы были написаны бисерным старушечьим почерком сына, так непохожим на их с Лерой манеру выводить буквы. «Но вы, подобно глупым бабочкам, летящим на свет, всё так же стремитесь к тому, что зовёте удовольствиями, тщетно пытаясь обрести в них утраченную новизну. Рождаются и превращаются в прах империи, на месте долин встают горы, сменяются поколения, но нет, как не было, предела мерзости человеческой» – бросилось в глаза. Арсений встал на ноги и, пошатываясь, вышел из комнаты с блокнотом в руке.

Всё то время, пока Глеб проходил обследование, Арсения не покидала мысль о романе, прочитанном им лет в шестнадцать. В дочь известной киноактрисы, девочку возраста Глеба, вселяется нечто, именуемое себя дьяволом. Врачи бессильны поставить диагноз, одержимая говорит на незнакомых ей языках, проявляет способности к телепатии и психокинезу, однако окружающие, в том числе и священники, к которым обращается отчаявшаяся мать, упорно отказываются видеть в происходящем проявления потусторонних сил. Они ищут научные объяснения, ищут болезнь, которой на самом деле нет, есть лишь глубокий кризис веры. Арсений не мог не проводить параллелей между осаждаемой демоном Реганой и своим сыном, разве только вторгшиеся в сознание детей находились по разные стороны баррикад. «Но причём здесь вера? – спрашивал он себя, останавливаясь посреди комнаты, по которой раз за разом наматывал круги

в ожидании приговора врачей. – Неужели мы хоть на секунду можем допустить, что всё это правда?». Он знал, что ответом было «нет», знал, что им оставалось только ждать.

– Поверьте, я не вижу причин для беспокойства, – сказал им, до хруста сжимавшим пальцы, лысеющий мужчина с добрым лицом, известный специалист в своей области. – Мы провели все необходимые исследования. У Глеба нет никаких органических заболеваний, поражений мозга. Это не эпилепсия, не шизофрения, не галлюцинации. Психически Глеб здоров.

– Но что же тогда происходит с ним, ведь это ненормально? – выдохнул Арсений. От облегчения, захлестнувшего его, закружилась голова, и он усиленным воли заставил себя сосредоточиться на разговоре.

– Я думаю, дело в слишком бурной фантазии вашего сына. Глеб очень умный мальчик для своего возраста, весьма начитанный, к тому же, что мне приятно вам говорить, он замечательный сын. Во время наших с ним разговоров он всё время повторял, как переживает из-за того, что причиняет вам беспокойство. Он большая умница. Далеко не каждый ребёнок способен так серьёзно относиться ко всем этим вопросам, тестам. Но, видите ли, избыток фантазии плюс гипертрофированное чувство ответственности – коктейль тяжёлый. Интенсивная внутренняя жизнь может привести к самым разным последствиям. Человек перестаёт интересоваться окружающим миром, уходит в себя, у него развиваются неврозы. В данном случае, мне кажется, речь идёт как раз о неврозе.

– Но откуда все эти ангелы, конец света? – Лера смотрела прямо в глаза лысеющего врача, в течение всего разговора ни разу не поменяв положение тела, со спиной-палкой профессиональной плов-

чихи. – Мы оба далеки от религии, наши родители тоже.

– Трудно сказать. Мозг – штука малоизученная, он может, как говорит молодёжь, заморочиться на чём угодно. Отсылки к религии повсюду, а Апокалипсис это ведь такая раскрученная тема, согласитесь. Возьмите этот его Новейший Завет, там ведь все фразы построены по классическому образцу, так изъясняется каждый второй проповедник, в сети их, кстати, запредельное количество. Глеб мог что-то прочитать, посмотреть фильм, услышать от учителей или друзей, сейчас это не суть. Главное, что вы должны уяснить, это как вести себя в сложившейся ситуации. А вести себя нужно так, чтобы эта тема как можно меньше всплыла. Обходите её стороной, вообще не говорите об этом, дайте ему понять, что не верите ни в каких ангелов и мессий. Первое время Глеб будет возмущаться, про себя, конечно, он тащит на себе такое бремя, а самые близкие люди не хотят его понять. Он убедил себя, что несёт ответственность за мир, за вас, в конце концов, вы же не обращаете на этот подвиг никакого внимания. И вот так, постепенно, в отсутствие подпитки со стороны его фантазии станут пускнеть. Занимайесь чем-то впроём, съездите вместе на отдых, в конце концов, живите своей привычной жизнью. Успокаивающее сейчас Глебу не помешает, я выпишу рецепт, мягкий препарат, успокоит нервы, по ночам будет хорошо спать. Ещё раз повторяю, у вас замечательный мальчик, здоровый и, убеждён, талантливый. Из него может вырасти большой человек. Знаете, что он сказал мне, когда я спросил его, почему бог послал ангела, вместо того чтобы явиться самому? «На бога не может смотреть ни один человек, и я не смог бы, я же не его сын, как тот, который был до меня».

Выйдя из автобуса, Арсений зашагал по столетней давности булыжнику центральной площади. Вечерело. Он шёл навстречу влюбленным парочкам с мороженым в руках, скейтерам в бейсболках и футболках без рукавов, огибал собравшихся послушать уличных музыкантов и вспоминал, как сказал сыну о необходимости какое-то время принимать на ночь успокаивающее. «Ты боишься, что я буду продолжать писать? – спросил его тогда Глеб. – Не переживай, папа. Если мне удастся с этим справиться, у меня будет много времени, чтобы закончить». Арсений промолчал. Молчала и Лера, после разговора с врачом они похоронили тему мессианства, зарыли её так глубоко, как было возможно. Две недели Глеб пил таблетки. Он стал высыпаться, это было видно по его порозовевшим щекам, по распрямившимся плечам, и, если только желаемое не принималось за действительное, затравленность исчезла из его взгляда. Заговор молчания делал своё дело, и всё же ни Леру, ни Арсения не покидала мысль о том, что могло происходить в голове их сына. По утрам они украдкой рассматривали его, радуясь, если он выглядел отдохнувшим, с опягощённым сердцем шли на работу, унося в памяти замеченные признаки бессонницы. Арсений не знал, сколько им суждено было жить впопыхах, и собирал силы для дальнейшей борьбы с неизвестностью.

Площадь закончилась, за ней потянулись кварталы Старого города. Узкая улица, неплявшая между невысокими домами, привела его ко двору, где он бежал в детстве по потрескавшемуся асфальту, в компании друзей, поливавших друг друга из самодельных водяных пистолетов. Арсений махнул рукой Гарику и Розенбому, почётным стражам беседки, и взбежал по ступенькам. Ещё на подходах к квартире он почувствовал тот самый запах, упительный аромат куриных котлет, страстным по-

клонником которых являлся, передав эту любовь семье. Захлопнув за собой дверь, кое-как содрав с ног туфли, проигнорировав визит в ванную, Арсений возник на пороге кухни.

– Всем привет, всех рад видеть и должен сообщить многоуважаемому семейству, что безмерно вас люблю, – торжественно пробасил он дьяконским голосом.

– Привет, пап, взаимно, – улыбнулся ему Глеб, наблюдавший, как мать священнодействовала у шипящей сковородки.

– Взаимно-то взаимно, но личную гигиену никто не отменял. Быстро мыть руки, – отвернулась Лера от плиты, с недовольным лицом и смеющимися глазами.

– Не раньше, чем сделаю объявление. Правление семьи в моём лице торжественно постановило, что в ближайшее время мы заканчиваем все насущные дела, подсчитываем накопления и трясущимися от жадности руками отправляемся покупать билеты на самолёт. Нас ждут древние тайны, заклинатели пресмыкающихся и единение с природой. Долой прогнившую цивилизацию, восславим путь к просветленью!

Комплеты шипели, Лера что-то возмущённо говорила о спонтанности и пафосе, а Глеб смеялся. Арсений смотрел на сына, и сердце его сжималось от любви и страха. Перед сном, прислушиваясь к тишине в соседней комнате, Лера спросила, как он пришёл к этой мысли.

– Я не знаю, – вполголоса произнёс он, – но так будет правильно. Правильно и здорово.

– Я люблю тебя, – прошептала ему жена. Они уснули, и этой ночью ничто не тревожило сон Арсения. Его тело дёрнулось на кровати на рассвете. Вырванное из тёмного омота сознание, ещё не успев встроиться в реальность, не распознав

потревоживший сон звук, вскинуло плоть. Босой, управляемый одними рефлексами, он побежал по паркету, разбрасывая в стороны преграды, рванул дверь в комнату сына. В глаза ему бросилось распахнутое окно и белые занавеси, бившиеся на ветру на фоне светлеющего неба. Он бросился прочь из клетки квартиры, на ходу что-то крича жене, крича что-то в телефон, каким-то образом оказавшийся у него в руке, пока ступени расплывались сплошным пятном перед глазами. Глеб лежал на асфальте, лицом вверх, маленькая фигурка с завернувшейся за спину рукой. Крови почти не было, только из аккуратной раковины ушка бежала тёмная струйка. Арсений упал на колени перед сыном, ломая ногти об асфальт, с кем-то внутри, запрещающим трогать тело мальчика. Веки Глеба дрогнули. «Прости, папочка, так будет лучше всем», – прошелестело на обкусанных обескровленных губах, на которых Арсений отчётливо различал каждую трещинку. Пространство вокруг стало полниться голосами, над домами понёсся жуткий вой Леры, бившейся в руках Гарика и Розенбома. Где-то вдали раздался звук сирены. «Я верю, верю всей душой, верю, как никто никогда не верил. Если хочешь, уничтожай этот проклятый мир, но только потом, дай ему прожить жизнь, а потом уничтожай, пожалей его, награди, ведь я теперь верю», – испуганно шептал Арсений, трясясь под порывами упрямого ветра. Рёв сирены становился всё громче, и по небу плыли тучи, отражаясь в глазах распластавшегося на земле мальчика.

КОМНАТА

– Может, выйдем где-нибудь пройдемся? На улице сегодня такая благодать...

– Извини, боюсь, не выйдем.

Элли приподнялась на локте и взглянула на Гиллница. Он лежал всё в той же позе на подушке, взгляд направлен в потолок, одна рука закинута за голову, пальцы другой сжимают дымящуюся сигарету. «Не выйдем», – повторил он, затаился и, не поворачиваясь, стряхнул пепел в стоявшую на прикроватном столике пепельницу.

– Послушай, если что-то было не так, прости об этом...

– Да нет, ты неправильно поняла, – Гиллниц сплющил окурочку о дно стеклянной тарелочки, обод которой украшали изображения пляшущих пацификов. – Всё было превосходно, просто это долгая история.

Нос Элли комично сморщился, подобрав под себя ноги, она села спиной к стене, непроизвольно прикрыв при этом грудь одеялом.

– Знаешь, обычно подобное говорят в дешёвых дамских романах. Переводчик твоего уровня не должен так изъясняться. А может, ты на самом деле никакой не Роберт Гиллниц, а простой хакер? А что, в наше время всё возможно. Ты каким-то образом взломал его пароли, общаешься с людьми от его имени и, пользуясь его популярностью, склоняешь невинных девушек к разврату.

– Интересно, как невинность сочетается с тем, что ты здесь вытворяла полчаса назад? – Гиллниц улыбнулся и погладил женщину по плечу. – Если ты так сомневаешься в моей личности, то можешь встать и прогуляться до письменного стола. Паспорт лежит в левом верхнем ящике. Или, по-твоему, я его выкрал для большей достоверности?

– Никогда не думала, что переводчики твоего уровня не понимают примитивных шуток, – произ-

несла Элли с мрачным видом и ткнула Гиллница кулаком в бок. – Ладно, если хочешь, забудем об этом.

– Переводчики моего уровня никогда ничего не забывают, – Гиллниц взял со столика бутылку, наполнил два стакана и протянул один из них Элли. – Мне не сложно говорить об этом, просто мало кто понимает... Дело в том, что вот уже очень давно я не покидаю эту комнату.

– То есть?

– Я никогда не выхожу наружу, кроме тех случаев, когда мне нужно выбросить мусор. Мусоропровод, кстати, всего в восьми метрах от двери.

– Ты шутишь!

– Даже и не думал.

– Но тогда почему?

– Потому что я боюсь их.

– А, ну тогда понятно, – бровь Элли иронично поползла вверх. – Только уточни, кого конкретно: агентов правительства или инопланетян, жаждущих получить твоё драгоценное тело?

– Не ёрничай, я не шиз и не параноик, просто я боюсь стать таким, как большинство людей.

– Извини, но я совершенно ничего не понимаю.

– Ладно, давай по порядку, так будет яснее. Я, знаешь ли, очень люблю Проспера Мериме. Есть у него одна новелла, «Души чистилища», так вот, там ситуация один в один как в моей семье. Папа – высокий армейский чин, мама преподаёт в воскресной школе. Он мечтает видеть сына военным, она постоянно заговаривает о семинарии. Пока они спорили, сын подрос, отрастил хайр, стал слушать Моррисона и писать стихи. Начался конфликт поколений, и в итоге я всё же поступил на филологический. Родителей несколько примирило с действительностью то, что факультет был из престижных, да и учился я вполне пристойно. Вино, девочки и рок-н-ролл, конечно, присутствовали в больших количествах, но с оценками всегда всё было в порядке.

Жил я в другом городе, но семью навещал частенько. Нельзя сказать, что я их не любил или не люблю, они искренне желали мне добра, просто у нас разные взгляды на жизнь. На четвёртом курсе напечатали несколько моих переводов стихотворений, короче, понеслось. Из кампуса я перебрался в эту самую квартиру, вначале просто снимал, а потом и вообще выкупил. Открыл счёт в банке, завёл отношения с девушкой из приличной семьи, дело пахло свадьбой. Всё отлично, только стал я вдруг замечать в себе странные перемены. Гитара пылится в углу, к двадцати пяти уже наметился живот, общаюсь исключительно с жителями фешенебельных кварталов, а главное – переводы. Их по-прежнему заказывали, но я чувствовал, что что-то из них ушло, ощущение слияния с автором, сопереживание, жизнь, в конце концов. И вспомнилась мне тут одна фраза из книжки о всё том же Моррисоне, как меняются люди, превращаясь из хиппанов в обрюзгших сытых мешан. Я несколько дней думал об этом, даже спать не мог, а потом вдруг понял, что всё дело в атмосфере, в воздухе. Мы все испускаем какие-то духовные эманации, у мыслящих людей они одни, у буржуа совершенно иные, только в последнем случае концентрация и степень воздействия несравнимо сильнее. Эти эманации похожи на кислоту, они разъедают душу и убивают всё прекрасное в ней. Единственный способ спастись – это не появляться на открытом пространстве, где всё наполнено эманациями, отгородиться от мира стенами. Ты спросишь, почему тогда есть немало достойных людей, которые ежедневно ходят по улицам и остаются при этом самими собой? Думаю, что у них от природы имеется нечто вроде энергетического кокона, скафандра, защищающего от внешних воздействий. Я таким скафандром не обладаю. Есть же люди со слабым от рождения иммунитетом или гемофилики, вынужденные беречься от лю-

бой самой пустяковой царапины. В общем, я объяснил всё родителям, девушке и друзьям. Никто, естественно, мне не поверил, несколько раз называли сумасшедшим, но что они могли сделать? Родители, правда, пытались уговаривать, намекали на психиатрическое освидетельствование, но со временем смирились. Мама иногда звонит мне по телефону, спрашивает о здоровье. Как знать, может, в глубине души они знают, что я прав?

– То, что ты говоришь... это невозможно. Но как тогда тебе удаётся улаживать все дела, не выходя наружу?

– Это как раз совсем не сложно. Деньги за переводы поступают мне в электронном виде, почно так же я оплачиваю счета. Продукты и всё необходимое привозит служба доставки. За здоровьем и физической формой я слежу, вон там у меня спортивный уголок, велотренажёр и беговая дорожка. Зато теперь я полностью доволен своими переводами. Первое время я ещё подумывал о периодических недолгих прогулках на свежем воздухе, но сейчас работа отнимает у меня столько времени и доставляет такое удовольствие, что в этом уже нет необходимости.

– Но разве ты не нуждаешься в общении?

– Мне вполне хватает переписки с другими блогерами. Заметь, именно так мы с тобой и познакомились.

– Тогда что же здесь делаю я?

– Элли, я действительно очень не хочу, чтобы ты думала, что я тебя использовал. Поверь, на самом деле обходиться без женщин не так сложно, как кажется. Дело не в сексе. Считаю, это было временное затмение. Меня настолько впечатлило написанное тобой, что в какой-то момент я решил, что не будет ничего плохого, если мы встретимся здесь. Я и не думал о постели...

– Плевать на постель! Скажи, неужели тебе никогда не хотелось иметь семью, любимую женщину, детей?

– Мне до сих пор иногда приходит это в голову, но посуди сама, какая женщина выдержит жизнь с затворником? Впрочем, даже если такая и найдётся, где гарантии, что у нас не родится ребёнок без скафандра?

Когда входная дверь хлопнула, Гиллиц взял со стола бутылку, поднёс её к губам и, устало прикрыв глаза, сделал глубокий глоток прямо из горлышка.

ВЫБОР

Экзистенциалистам всего мира посвящается

Самым простым решением было бы закрыть кухонную дверь. Отрезать себя от ночных шумов слоем крашеного дерева, постанывая от предвкушения, рухнуть на диван, мгновенно отключиться, а потом, проснувшись, уповать на милость хранящих бытовую технику божеств. Митя Коновалов неоднократно прокручивал заманчивую идею по всему пространству головы, несколько раз, чувствуя, как мысль обрастает плотью, сжимал её, подносил к лицу, едва ли не облизывал блестящую поверхность, а потом, скрежеща зубами, разжимал пальцы, отпуская дверную ручку. Выбор существовал всегда, хотя у Мити его и не было. Над этим, безусловно, стоило задуматься, однако мозг, сотрясаемый из-за постоянных столкновений идеи с черепом, напрочь отказывался заниматься интеллектуальными упражнениями. В течение трёх недель умственная деятельность свелась к необходимому минимуму, а на первый план вышла жизнь тела. Тела, которое работало на износ.

Впиваясь пальцами в занозистые бока ящиков, под крик и матерщину товарищей по трудовому несчастью, Митя вспоминал писателей-экзистенциалистов. Подобно трудовым товарищам, те тоже не прочь были приложиться к стакану, отягощённые осознанием трагичности и бессмысленности бытия. Впрочем, в отличие от Мити, они верили в свободу выбора. Можно было спешно покинуть зачумленный город, укрыться в доме, законопатив все щели, или, рискуя жизнью, пытаться спасти тех, кто ещё мог быть спасён. Далёкий от врачей, больных и спасения, Митя знал одно: заработанных за двадцать два изнурительных дня

денег хватит на контейнер отборных заморских ягод. Трапить часть этой суммы на замену реле не представлялось возможным.

Холодильник же категорически нуждался в ремонте. Далеко не первой молодости агрегат не выдержал августовской жары и забастовал. Термометр на кухне перманентно выдавал за тридцать, с чем никак не могло согласиться температурное реле. Дойдя до точки невозврата, холодильник принимался конвульсивно содрогаться, беспрерывно выключаясь и снова включаясь с интервалом в тридцать-сорок секунд. Сползая с дивана, потирая набухшую недосыпом и стрессом голову, Митя брёл в ночной темноте на кухню и щёлкал кнопкой включения вентилятора. Лопастки начинали вращаться, перемешивая застоявшийся, несмотря на открытое окно, воздух. Спустя несколько минут реле успокаивалось, и холодильник выключался. Митя выжидал какое-то время, отрубал вентилятор, возвращался на диван и забывался недолгим беспокойным сном до следующего приступа. Потом наступало утро, ртуть в термометре подрастала ещё больше, и Митя собирал силы, чтобы порадоваться отсутствию необходимости ходить на службу.

Сумме, позволявшей ему оплачивать коммунальные услуги и сытно и правильно питаться, Коновалов был обязан матери. Давным-давно Анна Васильевна раз и навсегда решила, как сделать так, чтобы её сын смог выдержать свалившийся на него груз мира. В день окончания Университета значок творчества экзистенциалистов получил в подарок банковскую карточку. К ней прилагалось заявление Анны Васильевны о том, что родители готовы были отпустить отпрыска в самостоятельное плавание, предоставив в его распоряжение однокомнатную квартиру, доставшуюся от покой-

ных бабушки с дедушкой и ранее, за неимением лучшего применения, сдававшуюся внаём. «Работать в коллективе ты вряд ли сможешь, – озвучила мать семейства, ставя на блюде чашку с чаем, которым собравшиеся за столом отмечали прощание Мити с альма-матер. – Само собой, мы с отцом не хотим, чтобы ты чувствовал себя ущербным, живя на наши деньги (отец, мнение которого в семье Коноваловых имело вес сугубо номинальный, привычно покачивал головой). Поэтому мы решили взять тебя в штат. В конце концов, не зря же ты потратил пять лет и имеешь диплом экономиста. Нам в любом случае нужен человек на подхвате у бухгалтерии, перепроверять отчёты, к примеру. В общем, думаю, разберёшься, не дурак. Зарплата стандартная, тебе в принципе больше не полагается, нет опыта. Готовить сам ты не умеешь и учиться точно не станешь, так что еду два раза в неделю тебе будет приносить Глаша. Деньги автоматически будут вычитаться из зарплаты. Оставшегося вполне хватит на коммуналку и всякие бытовые моменты, ещё и оставаться должно, хочешь – традь, хочешь – копи. Но учти, мелкие расходы по дому на тебе. Конечно, если тебя вдруг затопят соседи – обращайся, поможем разобраться, весь серьёзный форс-мажор берём на себя. А в остальном выгребай сам, это взрослая жизнь».

Ошеломлённый Митя через слово кивал. На другом конце стола ему вторил отец, отчего всё происходившее в столовой напоминало абсурдистскую постановку. Для Коновалова-младшего, уверенного, что остаток жизни он проведёт в родном доме и умрёт под стук ножа, которым Глаша три раза в неделю резала овощи для любимого салата матери, вышеозвученное было полнейшей неожиданностью. Родившийся раньше срока, Митя с младенчества страдал всевозможными ОРЗ и ОРВИ.

Респираторные недуги преследовали его так часто, что в какой-то момент он почти перестал реагировать на вечные сопли и боли в горле, сочтя их неотъемлемой частью своего бытия. В дошкольных воспоминаниях Мити осталась череда врачебных кабинетов, процедурные и ошестинившиеся странными сочетаниями букв слова, вроде «кварц» и «электрофорез». Друзей у него не было. Мать, убеждённая, что болезни сильно ослабили сердце чада, запрещала Мите общаться со сверстниками, опасаясь вирусов и подвижных игр. Последние могли привести к приступу из серии «кардио». Свежий воздух, необходимый формирующемуся организму, означенный организм получал в полном объёме, но исключительно в сопровождении заботливой родительницы.

С обычной школой Мите так и не пришлось столкнуться. Анна Васильевна, одна из первых в городе бизнес-вуман, владелица крупной фирмы по производству и продаже оргтехники, имела немало связей среди деятелей, пахавших ниву народного образования в заведениях с приставками «рай», «гор» и «обл». В течение одиннадцати лет Митя грыз гранит науки исключительно в контексте домашнего обучения. Несмотря на интенсивную программу, ему нравилось впитывать информацию. Приходившие в дом Коноваловых учителя, как правило, молодые, хорошо одетые, с блеском в глазах, точно не стали бы работать в государственной школе с её окладами. Периодически к ним присоединялся и отец Мити, в прошлом математик, а ныне руководитель одного из отделов в фирме жены. Иногда, объясняя сыну смысл растянувшейся по странице формулы, он вдруг прерывался и, водя туда-сюда карандашом по бумаге, начинал что-то вроде: «Помнитесь, я эту штуку в седьмом классе расщёлкал, а они смеялись, не верили...». На этом месте отец

обычно осекался, возвращаясь к задаче, и от него пахло чем-то непривычно-сладким. В сознании Мити этот запах ассоциировался с теми вечерами, когда мать допоздна задерживалась по делам фирмы.

Глаша работала у Коноваловых с незапамятных времён. Руководя двумя горничными, в обязанности которых входила уборка двухэтажного дома, кухню она не собиралась делить ни с кем, выдавая на-гора десятки кулинарных шедевров. В отсутствие родителей и учителей она становилась Митиной няней, постепенно трансформировавшейся в облегчённую версию надзирательницы, следившей за тем, чем занимался в свободное время младший член семейства. Благодаря её бдительности и километровым заданиям учителей, Митя почти не познал виртуальных прелестей, включая онлайн-игры и социальные сети, не говоря уже о значительно более крамольных вещах. Крамолой Митя интересовался мало. Читая в книгах о мужчинах и женщинах, он испытывал скорее любопытство теоретика, которое вскоре удовлетворил учитель биологии, поведав о процессах, ведущих к зачатию и впоследствии деторождению. В общении, лишённом сексуального оттенка, например, дружеском, Митя видел не намного больше смысла. Редкие встречи с детьми знакомых родителей во время необходимых для посещения торжеств вызывали у него только скуку.

Так или иначе, но отрицать очевидное было невозможно. Анна Васильевна действительно произнесла дикие слова. Митя, едва окончивший с отличием экономический факультет, не успевший даже подумать о вариантах дальнейшего развития событий, не помышлявший о какой-либо самостоятельности, должен был начать совершенно иную жизнь. Апеллировать к оставшимся в детстве проблемам со здоровьем, взывать к родительским чувствам

и высшим силам не имело никакого смысла. В семье Коноваловых решения Анны Васильевны не обсуждались. Несколько адаптационных ночей на новом месте, скромной однушке на окраине, Митя провёл почти без сна. На пике изматывающих размышлений его вдруг осенило. Внутренний аналитик, протренированный годами экономических шпудий, разгадал хитрый план знатной бизнес-леди. Отлучив сына от дома, мать хотела выяснить, готов ли был её отпрыск к тяготам и неожиданностям самостоятельной жизни, мог ли он сохранять по же спокойствие, что и во время домашних занятий. Это была проверка будущего руководителя фирмы, и Митя собирался достойно выдержать испытание. По его расчётам, оно могло занять не больше года. В ту ночь Коновалов крепко спал, а на утро проснулся бодрым и готовым действовать. Через несколько дней начали приходиться задания. Поначалу требовавшие лишь механической работы, они постепенно усложнялись, что только подтверждало правильность догадки. В Митиной жизни мало что изменилось. Он так же вставал утром, завтракал и принимался за работу. После полудня он прогуливался в близлежащем парке, малолюдном и оттого привлекательном, обедал принесёнными Глашей продуктами и снова устраивался у монитора. Возможности сети Митя использовал по полной, не поддаваясь искушению онлайн-играми за отсутствием последнего. Перед ужином Коновалов совершал ещё одну вылазку в парк и, приняв пищу, вытягивался на диване. Обычно он быстро засыпал, выпустив из пальцев сборник трудов экзистенциалистов. Счета за коммунальные услуги Митя регулярно оплачивал в сети. Бюджет его личного государства, скрупулёзно выверенный, давал возможность делать небольшие накопления. Вместе с ними росла уверенность в скором и победо-

носом конце окраинных мытарств. Разговаривая с матерью по телефону, Митя живописал свой быт с гордостью холостяка, годами умудрявшегося поддерживать в жизни порядок и экономию. В отсутствии комментариев со стороны Анны Васильевны ему слышался звук фанфар. Так прошло четыре месяца, а потом в Митину жизнь вошла она.

Тем вечером на подступах к парку было непривычно людно. Пляшущие разноцветные буквы на транспаранте у входа сообщали об открытии фестиваля, посвящённого, как ни странно, лету. Услышав доносившиеся из глубины парка звуки музыки, Митя уже почти повернул назад, однако в последний момент сдержался. Отклоняться от заведённого порядка вещей, идя на поводу у собственных эмоций, было недостойно ставившего перед собой серьёзные цели. Решив воспринимать предстоящую прогулку как возможность узнать больше о досуге сограждан, Митя смело шагнул навстречу неизвестности. Обозрев с десяток аттракционов, обогнув змеившиеся возле палаток с напитками и сладостями очереди, наслушавшись шума, через полчаса он двинулся по направлению к выходу, когда внезапно услышал голос. Довольно приятный, по крайней мере, не вызывавший ассоциаций с визгом, топ распевал что-то о любви под жарким солнцем, но Митя не вслушивался в слова. Что-то в самом тембре голоса заставило его сменить курс и подойти к сцене. На деревянных подмостках несколько девушек в леопардовых платьях делали вид, что играли на музыкальных инструментах. На переднем плане солистка выписывала замысловатые фигуры микрофоном у лица, не забывая при этом двигать бёдрами в такт звукам из колонок. Бесконечно далёкий от современной поп-музыки, Митя был всё же знаком с понятием пения под фонограмму. Тем не менее, взгляд его, направленный на солистку,

меньше всего напоминал взгляд готового начать порицать критика. Леопардовые красотки исполнили ещё несколько мало отличавшихся друг от друга номеров и, рассылая во все стороны воздушные поцелуи, упорхнули со сцены. Митя какое-то время постоял на месте, потом тряхнул головой и задумчиво двинулся в выбранном ранее направлении. Дома он так же задумчиво поужинал и лёг спать, даже не взяв с собой очередной сборник экзистенциальных откровений. Всю ночь он провёл в состоянии, хорошо знакомом пытающимся придти в себя после нескольких дней употребления спиртосодержащих напитков. На стыке сна и яви ему являлись джунгли, амазонки, несшиеся между деревьев на спинах огромных леопардов, и прочие порождения глубин подсознания.

На следующий день Митя никак не мог сосредоточиться на работе. Кое-как справившись с присланными отчётами, он, вместо того чтобы приступить к ежевечернему моциону, зашёл в сеть и набрал в поисковике «Фестиваль лета». Уже через минуту его проинформировали о том, что леопардовый коллектив именовался «Клубнички». Не подумав даже поморщиться при виде названия, Коновалов продолжил изыскания. На официальном сайте «Клубничек» сообщалось, что солистку группы звали Виолетта Берри, и все желающие имели возможность посетить её страницу в популярной социальной сети. Снова забыв поморщиться, Митя, ничтоже сумняшеся, перешёл по ссылке. Выяснилось, что он не мог зайти в соцсеть, не будучи в ней зарегистрированным. За десять минут Коновалов, руководствуясь подсказками виртуального помощника, создал страницу пользователя Doctor Horse. Картинка на аватаре изображала несущуюся по полю лошадь с развевающейся гривой. Митя снова щёлкнул по ссылке и секунду спустя уже созерцал искомое.

Виолетта Берри, похоже, действительно была без ума от красных ягод. На большей части из сотен фотографий в её альбомах она была запечатлена с клубникой в том или ином виде. Митя увидел клубнику со сливками в клубе после выступления, клубничное варенье от заботливой бабушки и даже Клубникомена – типа в костюме гигантской ягоды с пачкой рекламных листовок в пятерне. Дрожащей на поверхности мышки рукой Митя прокрутил блок с личной информацией. Согласно ей, Виолетта Берри училась на третьем курсе в Институте культуры, считала себя певицей по призванию и на данный момент была готова рассматривать различного рода предложения, не состоя в официальных отношениях. Митя шумно выдохнул и немного расслабился. До поздней ночи, почти не слыша музыку, он смотрел выступления «Клубничек», висевшие на странице попеременно с сериалами и видео из фитнес-залов. Перед тем, как переместиться на диван, Коновалов навёл курсор на подпись «Добавить в друзья» и отчаянно прихлопнул левую кнопку мышки. Спал он ещё хуже, чем накануне, а проснувшись, немедленно бросился к ноутбуку. «Виолетта Берри добавила Вас в друзья», – прочитал он и почувствовал, как что-то дёрнулось у него внутри. Doctor Horse, 1986-й в списке друзей востребованной певицы, хлопнул в ладоши и сыграл торжествующую дробь по столешнице.

Несколько следующих суток Коновалов жил в раздвоившемся мире, с трудом заставляя себя заниматься документами матери. Виолетта вела весьма активную сетевую жизнь, и Митя регулярно получал отчёты об её отношениях с Вселенной, полной загадок и такой прекрасной. Периодически Митя вставал из-за стола и бродил по комнате, вспоминая, что читал у экзистенциалистов о столкновениях полов. Несколько раз он даже включал телевизор, о чём раньше не мог и помыслить.

На экране, словно генерируемые самой судьбой, мелькали рекламные ролики и репортажи из жизни знаменитостей. Влюблённые в первых носили футболки с изображениями друг друга, звёзды делали татуировки с именами бой/гёрлфрендов. Курсируя от дивана к столу, Митя думал о людях и о том, как они сходились с другими людьми. Долго так продолжаться не могло, Митя хорошо понимал это, как хорошо заметил взгляд, брошенный Глашей на его осунувшееся лицо при их последней встрече. Озарение, уже второе с момента вынужденного переезда, пришло к Коновалову, когда он в очередной раз посмотрел на дапу рождения Виолетты.

Этот легендарный сорт клубники выращивали только в одной точке земного шара. Она была олицетворением блаженства, респектабельности и успеха и продавалась в фирменных контейнерах, исключавших вероятность того, что ягоды раздавят при транспортировке. Прошерстив Сеть, Митя понял, что в их стране достать подобный контейнер не представлялось возможным. Прочитал он и о спецдоставке по всему миру, при которой заказчик волшебным образом получал товар всего сутки спустя оформления заказа. При этом стоимость доставки в три раза превышала цену килограммового контейнера. Коновалов бросил взгляд на полку с творениями экзистенциалистов, подумал, что выбора у него не было, и отправился считать давно подсчитанные накопления. До дня рождения Виолетты оставалось чуть меньше месяца. Митя, безусловно, мог преподнести ей подарок позже, но всё его естество поднимало бунт при одной этой мысли. Он не думал, что будет дальше, он даже не собирался встречаться со звездой из «Клубничек» лично. Для Мити мир покрылся густым туманом. Белёная пелена плотно залянула будущее, оставив непролуптым только здесь и сейчас.

Сбережений Коновалова-младшего едва хватало на пресловутый контейнер. У него было немногим больше трёх недель, чтобы заработать деньги на доставку. Митя перебрал в уме свои личные вещи, повертел в руках телефон и часы, вспомнил о матери и с сожалением придушил идею. Он снова сел за ноутбук и на исходе третьего часа щёлканья мышкой нашёл то, что искал.

Если бы ещё неделю назад кто-то сказал Мите Коновалову, что он будет зарабатывать деньги, используя мускульную силу, он бы даже не улыбнулся. Теперь это стало для него единственной возможностью осуществить задуманное. Некой компании срочно требовались грузчики для ночной посменной работы. У компании горели какие-то сроки, поэтому оплату адептам физического труда обещали более чем достойную. Митя быстро подсчитал, что соберёт нужную сумму за двадцать два дня, и у него ещё останется несколько суток для оформления-получения заказа и прочих необходимых приготовлений. Четырёхчасовая смена, начинавшаяся в десять вечера, также отлично вписывалась в график Коновалова. Анна Васильевна знала, что к десяти её сын обычно отправлялся спать, поэтому вряд ли могла застать его врасплох звонком во время работы. Кандидату на роль грузчика предлагалось быть физически выносливым и, внезапно, пунктуальным и ответственным. Никогда не спалкивавшийся в жизни с чрезмерными физическими нагрузками, Митя, тем не менее, надеялся, что худо-бедно соответствовал первому пункту, благодаря правильному питанию и регулярным пешим прогулкам. По второму и третьему пунктам претензий не могло быть по определению. В доказательство этому Митя вместе с паспортом выложил на офисный стол свой диплом с опличием. «И что вас привело к нам при таких-то достиже-

ниях?» – спросил менеджер по ту сторону стола, повертев в руках красного цвета прямоугольник и внимательно осмотрев Митю. «У меня сейчас нет выбора», – коротко ответил Коновалов.

Впиваясь пальцами в занозистые бока, Митя думал о том, как не вовремя дал сбой его холодильник. Бесконечные перемещения с ящиками, которые с равной вероятностью могли содержать как книги экзистенциалистов, так и инопланетные технологии, многократно повторяемый путь через длинный ангар до огромных фур у входа и назад однозначно стоили обещанных денег, хотя Митя и ожидал худшего. Тянувших бок о бок с ним трудовую лямку он даже не знал по имени. Времени и сил не оставалось и на минимальное общение, чему Коновалов был искренне рад. Домой он приходил, шатаясь, заставлял себя залезть под душ, затем кулём валился на диван и мгновенно засыпал. От прогулок, естественно, пришлось отказаться, однако на ежедневные отчёты и имитацию бодрого голоса при общении с матерью и такого же лица в присутствии Глаши энергии хватало. Её хватало до тех пор, пока однажды, выползая из ванной в половину третьего ночи, Митя не услышал, как сотрясался холодильник. Манипуляции с розеткой и вилкой ни к чему не привели. Обратившись к сети, Митя узнал, как сочетались слова «температурное реле» и «венпилятор». Немногим позже он понял, что синонимами их были «галера» и «цепь». Рыдая в душе кровавыми слезами при мысли о крутящихся киловаттах, Коновалов регулярно охлаждал несчастный агрегат, ликвидируя следы преступления незадолго до появления Глаши. Уходя, он обдувал холодильник не менее полутора часов подряд, давая спрадальцу передышку перед могущим стать последним испытанием. Оставив венпилятор включённым на всё время своего отсутствия, Митя рисковал лишиться не только мечты,

но и жилья. Возвращаясь домой, полумёртвый труженик возносил молитвы божествам бытовой техники, пока ключ плясал в одеревеневших пальцах, и был готов целовать пол в прихожей, услышав гудение на кухне. Вместо этого Митя бросался к вентилятору и с размаху нажимал кнопку. Переводя дух, мокрый от пота, он думал, что обязательно зачёркивал бы дни в настенном календаре, обладай он таковым.

В день, когда Коновалов получил последнюю часть необходимой суммы, температура на улице резко упала на восемь градусов. Переступив порог квартиры, Митя не услышал до боли знакомого гудения. Это могло означать, что холодильник наконец умер, но зелёная лампочка мирно горела, а решётка сзади была холодной. Сетевые метеорологи утверждали, что пик жары остался в прошлом. Митя погладил гладкий бок своей галеры и, минуя душ, отправился на диван. Там он проспал двенадцать часов кряду, из-за чего весь последующий день должен был сидеть за отчётами, не поднимая головы, даже пропустив обед. Оставшееся до Дня Икс время Коновалов посвящал работе и сну. Домашний адрес Виолетты он без особого труда выяснил ещё давно, пробежавшись по соцсети, убедившись в справедливости утверждения о прозрачности современного мира. Берри жила на пятом этаже высотного дома. Делая вид, что расклеивал объявления, код на замке входной двери Митя подсмотрел, когда внутрь заходила пожилая женщина. Поднявшись на пятый этаж, он недолго постоял на площадке перед заветной квартирой и спустился вниз.

Его заказ пришёл точно в срок, чем гордились и о чём писали на своём сайте ягодные кудесники из-за моря. В назначенный день Митя вышел из дома ранним утром. На улице было непривычно прохладно, лёгкий ветер шурился по тротуару тем,

что не попало в сети дворников. В руке Коновалов нёс картонный пакет с контейнером внутри. На одном из боков контейнера была прорезь, в которую Митя поместил фирменную карточку. «С Днём Рождения. Лучшее лучшей. Doctor Horse», – гласила тщательно выведенная надпись. Митя шёл и вспоминал судороги холодильника, спон диванных пружин, мысленно сравнивал ощущения от прикосновения к ящикам и контейнеру. Он представлял, как звонит в дверь и быстро сбегает по ступенькам. Дверь открывается, и женщина в халате берёт с пола пакет. «Кто там?», – басит мужской голос из глубины квартиры. «Кажется, ещё один подарок для Леночки», – отвечает женщина, щёлкая замком. «Не лень кому-то в такую рань», – удивляется невидимый мужчина. «А что такого? В прошлом году ей вообще ровно в полночь курьер посылку принёс. И не ори ты так, пусть ребёнок поспит в свой праздник, намучается ещё за целый день поздравления от поклонников принимать», – женщина ставит пакет в прихожей возле вешалки и гасит свет. Митя сделал ещё несколько шагов, остановился, покачнулся и одним движением выпряхнул контейнер в урну. Сложив пакет и спрятав его в карман, он развернулся, прошёл метров двадцать и вдруг вспомнил о накрученных вентилятором киловаттах. Митя повернул голову и увидел склонившегося над урной мужчину в заляпанном грязью плаще неопределённого цвета. Коновалов что-то пробормотал себе под нос и больше уже не останавливался до самого дома.

Новести

ОТПУСК ОТ СЕБЯ

РАССМЕШИТЬ БОГА

В верхнем правом углу бог хохотал, демонстрируя крупные белоснежные зубы. Несоразмерно большой указующий перст на переднем плане нагло лез в глаза. У бога была смуглая кожа, курчавая чёрная борода и такие же волосы на голове. Если бы не белые одеяния и нимб вокруг макушки, он походил бы на обожжённого солнцем пастуха. Внизу за столом расположился тип с помятым лицом и рубашкой и осиным гнездом вместо причёски. Отвратительного фиолетового цвета галстук съехал набок. На столе стоял громадных размеров монитор, а всё оставшееся пространство усеивали разбросанные бумаги, телефоны, чашки и канцелярские принадлежности. Среди царства хаоса особо выделялась коробочка с названием известного препарата, излечивавшего даже самое страшное похмелье. Тип обмяк в кресле, руки его свисали до пола, лицо искажал вселенский ужас. «Хочешь рассмешить его – расскажи, что не пьёшь среди недели», – гласила жирная надпись. Плакат Эмиль увидел однажды в подземном переходе по дороге на автобусную остановку и, не раздумывая, купил. В итоге ему пришлось почти полтора часа тащиться на своих двоих до дома, но покупка однозначно того стоила. В разгар домашних посиделок он обычно несколько раз за вечер акцентировал внимание гостей на шедевре творческой мысли, отпуская годами копившиеся комментарии. По утрам плакат часто вызывал раздражение.

Головная боль заставила Эмиля открыть глаза, и в них мгновенно прыгнул божий палец. Эмиль прошипел ругательство в адрес Всевышнего и тяжело повернулся на бок. Некоторое время он ворочал-

ся, мочалая покрывало. Сон не возвращался. Эмиль снова разлепил опухшие веки и посмотрел на часы на стене. Криво висящий циферблат показывал 6.38. В запасе оставалось ещё чуть больше часа, и Эмиль с ненавистью подумал о том, как проведёт это время, восстанавливая в памяти события предыдущего вечера. Из незакрытого окна на кухне тянуло упренней прохладой. Голосам птиц и шуму проезжающего транспорта вторили звуки капель, разбивавшихся о поверхность раковины. Кран протекал ещё с зимы. В комнате стоял стойкий запах спиртного. Эмиль поскрёб ногтями щёку, смахнув на покрывало застрявшие в отросшей щетине хлебные крошки. Он вспомнил, как около часа ночи они выходили с Александром в магазин, где, помимо алкоголя, прихватили два устрашающих размеров батона. «По крайней мере, сегодня можно будет не покупать хлеб», – мелькнуло у него в голове.

Александр позвонил, когда Эмиль трясся в автобусе по пути с работы. Старый товарищ, свидетель безалаберной юности, они познакомились в клубе исторической реконструкции и несколько лет радостно махали деревянными мечами на свежем воздухе. Помимо фехтования их объединяла любовь к компьютерам и алкоголю. Однажды они даже умудрились воспылать страстью к одной и той же девушке, рыжеволосой звезде клуба. Звезда предпочла третьего, высоченного красавца, и Эмиль с Александром отправились заливать горе дешёвым пойлом. «За то, чтобы никогда не вставали эти отродья между друзьями», – провозгласил тогда очередной пост Александр, и Эмиль подумал, что в итоге всё сложилось к лучшему. Достойным конкурентом в амурных делах в душе он себя не считал, хотя на словах всегда утверждал обратное. Потом их пути разошлись. Александр женился, у него родилась дочь. Несколько раз они пересека-

лись накануне праздничных дней. Александр изрядно прибавил в весе, жадно пил, жаловался на постоянный контроль со стороны супруги и пускался в воспоминания о славном боевом прошлом. Работал он в большой компьютерной компании, занимая высокооплачиваемую должность. С момента их последней встречи прошло не менее полутора лет, когда густой бас в трубке ворвался в осенние сумерки. «Дружище, очень мало времени, через пять дней самолёт, – понёсся Александр, не запрягая. – Отправляюсь в тёплые края, будем компьютеризировать туземцев, так что сегодня или никогда. Через час у тебя, готовь посуду». Эмиль убрал телефон в карман и прижался лбом к холодному стеклу окна. Предвкушение предстоящей попойки мешалось с ощущением обречённости. Александр явился с завидной пунктуальностью. Он шмякнул об пол два гигантских пакета, сжал Эмиля и несколько раз приподнял в воздух, радостно порывивая. «Да ты, чувак, изрядно поднабрал, все восемьдесят будет», – заявил он, приведя друга в вертикальное положение. «Семьдесят семь», – отдуваясь, ответил Эмиль. Сам Александр, кстати, явно стал уделять время физическим упражнениям. Он заметно похудел и посвежел лицом. После недолгого строгания снеди и раскладывания её по тарелкам они расположились в комнате. Александр рассказал, что развёлся с женой, жил не обременённым привязанностями холостяком, а недавно получил предложение работы в открывшемся за границей филиале своей компании. «Знаешь, чувак, раньше я бы даже не стал это рассматривать, – сказал он, стряхивая пепел в треснувшую пепельницу. – Куда-то ехать, обустроиваться, менять график, то, сё. Меня всё устраивало, плюс жена, дочь. А сейчас, прикинь, особо и не думал. Предложили – я только рад был, проверюсь, посмотрю, как и что у них там, в конце кон-

цов, я же специалист, столько лет пахал, заслужил, значить». Эмиль заикнулся про исчезнувший балласт в виде семьи, и тогда Александр неожиданно резко затушил окурок, посмотрев другу в глаза. «Слушай, мы много лет знакомы, политесы разводиться глупо. Я тебя не собираюсь учить, да и не имею права. Когда я развёлся, по туш же стал по горло заливать-ся, с дочкой, наверное, месяца два не виделся, какие-то бабы. Казалось, пришла свобода, сбросил ярмо, можно отпугиваться. На работу ходил, конечно, но так, одна форма, без всякого аспрала, гудел сильно. Внешне кайф, а на деле безобразия какое-то выходило. В семье у меня, конечно, всё разваливалось, слишком разные мы были, только из-за дочери и жили в последнее время. Хотелось свободы, а что с ней делать, я, как выяснилось, не знал ни черта. В общем, если бы не одно место, не сидел бы я сейчас здесь с тобой».

В какой-то момент Эмиль почувствовал, что история друга по-настоящему его захватила, слишком уж непривычно вёл себя человек, которого он видел перед собой. Александр рассказал, что однажды, в попытках убить время до конца рабочего дня, он наткнулся в сети на упоминание об одном туристическом комплексе. «Вообще, сейчас я бы назвал это санаторием, – ухмыльнулся он, – хотя тогда от такого слова меня бы точно вывернуло». Что-то, чего он сам не мог объяснить, привлекло его внимание в фотографиях и описаниях к ним. «Понимаешь, ничего там вроде особого нет, никаких этих рекламных дел, кучи слов, цветов, каких в природе не бывает. Просто смотришь и понимаешь: там должно быть хорошо. А мне на тот момент этого хорошо дико не хватало, просто я себе признаваться не хотел. Несколько дней меня не отпускало. И вот я подумал: всё равно отдых нужен, в таком темпе долго не выдержишь без передышки. А не по-

нравится – развернусь и поеду домой. Взял отпуск на две недели, пришлось, конечно, кое на какие рычаги нажать, чтобы быстро оформили, и двинул. И всё. Не знаю, как тебе объяснить, ничего там особенного нет, пара квадратных километров территории всего. Ну, номера уютные, спортплощадки, зелени очень много, музей даже есть, группы приезжают играть. Кстати, в баре алкоголь там не продают. Можно, конечно, набрать в городе, ходьбы там – только через мост перейти, но, веришь, не хочется, атмосфера не та. Думал даже, может, они газ там какой-нибудь в воздухе распыляют. И персонал такой... Вернулся я через две недели и ожил. Спортом занялся, а то пропивно было в зеркале тушу эту каждый день наблюдать, с женой при встрече перестал собачиться, дочку из садика стараюсь почаще забирать, а не только по выходным на аттракционы ходить. Пить совсем не перестал, но как-то здоровее это дело стало, больше в кайф и без продолжения. Поэтому и лететь за границу согласился. Работу-то я люблю свою, хочется совершенствоваться, что-то новое делать. Тогда почву под ногами начинаешь чувствовать, смысл появляется. Ну, ты должен понимать, ты же хороший специалист, я знаю, вместе всё-таки начинали. Так к чему я всё это? Ещё раз повторю, я тебя не собираюсь учить жить, но ты, чувак, плохо выглядишь. Потребляешь, я понимаю, но не только в этом дело. У тебя в глазах что-то не то. Бардак в квартире можно убрать, но внутри так просто не разгрёбёшь. Тебе нужен отпуск от себя, от самого себя, понимаешь? Перестать ненадолго ходить по одним и тем же улицам, в одно и то же время говорить с одними и теми же людьми. Отоспаться, посидеть на скамейке и просто посмотреть на прохожих. Вылезти из этого кокона. Убегать от себя неправильно, когда находишься

на своём месте, делаешь своё дело, а так... Серьёзно, съезди туда, хуже не будет в любом случае».

Они ещё долго сидели и один раз ходили в магазин. Разгорячившись, Эмиль обещал, что обязательно последует данному совету, и взамен получил визитку, которую тут же сунул в карман, «чтобы не потерять». Александр ушёл далеко за полночь. Эмиль закрыл за ним дверь, по инерции бормоча, что ещё наберёт друга до его отъезда, доплёлся до кровати и, не раздеваясь, рухнул на покрывало. Несколько часов тяжёлого сна совершенно его не освежили, а мысли о предстоящем рабочем дне в офисной каменоломне ворочались в голове, усиливая тупую боль. Около восьми Эмиль покинул своё ложе, между делом вспомнив, что уже больше недели спал, не стеля постельное бельё. Шлёпая босыми ногами по холодному паркету, он добрался до кухни, взгромоздился на табуретку и закрыл окно. Инспекция холодильника несколько подняла его настроение – вдвоём с Александром они не потребили и половины принесённых продуктов, так что едой Эмиль был обеспечен на несколько дней вперёд. Особого аппетита не было и слегка мутило. Эмиль соорудил себе пару бутербродов с дорогой на вид колбасой и отправился в комнату запивать их крепким кофе. Он подумал о сигарете, но, взглянув на переполненную пепельницу, решил повременить хотя бы до работы. Жуя несвежий хлеб, он натягивал одежду под бормотание телевизора. Уровень ВВП падал, но в будущее нужно было смотреть с оптимизмом, тем более что приближался большой церковный праздник, детские мультики как всегда угрожали несформированной психике, а певицы в клипах привычно стремились обнажиться до самой души. Пообещав себе прибраться в квартире вечером, Эмиль взял сумку и направился в коридор. Следовало ещё позвонить Анне, но об этом,

в лучших традициях жанра, можно было подумать позже. Когда он наклонился, чтобы завязать шнурки на кроссовках, из его кармана упал мятый прямоугольник. Эмиль вспомнил ночные обещания и потянулся к визитке с намерением выбросить её по дороге. Уже стоя у двери, он вдруг подумал об Александре, его непривычно серьёзном лице, о том, как сплющился окурок в пепельнице. Повинуясь неясному импульсу, он бросил кусочек картона на тумбочку, открыл дверь и выпихнул себя в жизнь.

ГОЛОВА ШЕФА

Поэты утверждали, что осень была временем раздумий и созерцаний. Глядя на сограждан в упрямом автобусе, Эмиль сомневался в справедливости сентенции. Что, например, могла дать вечности старушка, неодобрительно смотревшая на его запачканные кроссовки? Налившаяся юношеской свежестью девушка, подпиравшая дверь, на этом фоне выглядела несравненно привлекательнее. Впрочем, и ей непросто было бы стать музой любителя изысканной словесности, слишком уж агрессивно обтянутые джинсами бёдра вдавливались в металлическую поверхность. Ближе всего Эмилю был мальчик у окна. Лет одиннадцати, упакованный в нелепую школьную форму, он тупо наблюдал проплывающий за стеклом индустриальный пейзаж. Грузная дама рядом, по-видимому, мать, непрерывно что-то вещала, заставляя колыхаться обвисшие щёки. Речь, вне сомнения, шла об убогих результатах в школе, нежелании помогать по дому и прочих непоэтичных занудствах. Мальчик, к его чести, совершенно не реагировал на внешние раздражители. Знающий человек рассказал бы, что за грязным стеклом он видел переживший апокалипсис мир, по руинам которого бродил, собирая необходимые для выживания вещи

и щёлкая компьютерной мышью. В душе Эмиль сопереживал юному спалкеру и желал ему успеха в нелёгком пути.

Внезапно остановившийся автобус заставил Эмиля прервать внутренний монолог. Вместе с сакраментальным «Вы выходите?» он скатился по ступенькам, оказавшись на задрапированной рекламными щитами автобусной остановке. Реклама предлагала испробовать пресловутое средство против похмелья. Эмиль поморщился и закурил. Дым наполнил лёгкие, и голова заболела ещё сильнее. Здание офиса находилось через дорогу от остановки. На вывеске над входом схематичный человечек погружался в огромный компьютер. Эмиль в очередной раз подумал о зондировании желудка и спустил на проезжую часть.

В офисе, как всегда, было прохладно и стерильно, поскливо гудевший кондиционер гнал волны искусственного воздуха. Секретарша Лина, распространяя приторный запах духов, имитировала бурную деятельность на рабочем месте.

– Привет, – механически озвучил Эмиль.

– Да, привет, короче, тут миллион дел. Эта фигня виснет через пять минут, текст неровный, а ещё шеф просил тебя зайти, вообще, ему пора как-то разбираться, эта дура к нему намертво присосалась, но шефиня-то тоже не идиотка, впяет ему иск, и полетит контора на фиг, а зарплата такая на дороге не валяется. Короче, ты понял, работы валом, так что на пирожок не рассчитывай.

– Понял, – Эмиль бегом пересёк холл, ввалился в свою каморку и с размаху рухнул в кресло. Уподобившись типу на утреннем плакате, он свесил руки, почти доставая пальцами до пола. На нормальный язык спич Лины переводился приблизительно следующим образом: «Недавно установленная программа некорректно работает, дура-секретарша

не в состоянии выровнять с превеликим трудом набранный текст аж на две страницы, шефу срочно требуется достать из сети несколько модных фильмов». Просматривать их он собирался в компании присосавшейся к нему любовницы, отношения с которой особо не скрывал, за что Эмиль его по-своему уважал. Упомянутая шефиня, сиречь жена, прекрасно знала об адюльтере, вероятно, сама была не безгрешной и в любом случае не собиралась прикрывать фирму, работавшую с иностранными клиентами и приносящую определённый доход.

Носком кроссовка Эмиль нажал на кнопку запуска компьютера. Монитор приветливо замигал, демонстрируя логотип сетевой игры, в которой все сотрудники фирмы пропадали, не будучи занятыми идиотскими поручениями шефа. Через каких-то две минуты Эмиль уже созерцал свой багаж. Оружие, лекарства и прочий скарб были аккуратно разложены по соответствующим ячейкам. Если бы кто-то спросил Эмиля, почему он не соблюдал подобный порядок в своей квартире, он бы пустился в пространные рассуждения о бытии и сознании. Сорок минут прошли в попытках достичь очередного уровня, а затем лежавший на столе телефон начал истерично вибрировать. Эмиль встал и отправился ликвидировать брешь в корпоративной стене. Столь необходимая для процветания компании программа только начала подавать признаки жизни, как Лина зацвела пунцовым, выдала пулемётную очередь в трубку и объявила Эмилю, что шеф засыхает без порции новинок киноиндустрии. Мысленно прощаясь с искалеченным ядерным взрывом миром, масляный системный администратор отправился на ковёр.

«Я тебя неделю назад просил сделать мне диск с фильмами, – лысина шефа всегда багровела, вне зависимости от того, вёл ли он переговоры

с инвесторами или требовал от своего раба впрыснуть ему очередную дозу сетевых утех. – За что я тебе плачу зарплату? Приходишь в джинсах, без рубашки, про галстук я вообще молчу. Сколько раз можно говорить об имидже компании? Хорошо, ты, типа, специалист, всё делаешь, на что-то можно закрыть глаза, но я не собираюсь терпеть, когда работник не выполняет прямых указаний начальника».

Наученный опытом Эмиль совершал размеренные перемещения с ноги на ногу, ожидая конца экзекуции. Получив положенное внушение, он с наслаждением закрыл за собой дверь, подарил Лине изуверскую ухмылку и отправился выполнять полученный заказ. Несколько минут спустя, созерцая иконку загрузки искомого файла, он расслабился в кресле и начал моделировать сюжет.

Сюжетами рассказов Эмиль баловался не один год, никогда не воплощая их в текстовом виде. Он не был против славы сетевого писателя, не видя при этом смысла тратить время на графоманию, коей немало навидался в процессе компьютерных путешествий. Сегодня он представлял себя юным гением, вынужденным прозябать за скромную зарплату, постоянно насилуемым начальническими маразмами и тупостью сотрудников. В какой-то момент гений, не выдержав свалившегося на него груза бессмыслицы, являлся в кабинет шефа и с наслаждением лупил последнего тяжёлой папкой по яйцеобразной голове. Засим следовали грандиозный скандал, порицание общестственности, треск и увольнение. Освободившийся от тягостных оков вольный художник уходил в закат, рдевший обещаниями великолепного будущего. Когда необходимые фильмы заняли своё место на жёстком диске компьютера, Эмиль сбросил их на переносной носитель, который вручил Лине, в душе радуясь возможности лишней раз не всту-

пасть в контакт с властью имущими. До конца дня он решал вопросы в духе «Эта штучка не хочет выезжать» и ждал шести вечера. Когда наступило очередное запишье, он неожиданно подумал об Александре. Лицо друга, постаревшее, в ранних морщинах, явилось ему с удивительной ясностью. «Съезди туда, хуже не будет», – сказал тот. В звучащем голосе был дискомфорт, утверждение, и Эмиль внезапно поморщился. «Что-то ты, чувак, мудришь», – процедил он и щёлкнул левой кнопкой мышки.

ОЖИДАНИЕ ПРОДАВЩИЦЫ

Эмиль вышел из автобуса и тут же поднял воротник куртки. Моросило, дул гнусный холодный ветер, в сгустившихся сумерках на дороге к дому не было ни души. По бетону баскетбольной площадки капали мокрые клочья газеты – перекапи-поле каменных джунглей. Если верить зарубежным фильмам, вскоре из канализационных люков должен был повалить пар, а потом запрещат молнии, знаменующие появление пришельцев из будущего. Эмилю не хотелось сталкиваться с запрограммированными на убийства киборгами, и он ускорил шаг. Кроссовки, мгновенно впитавшие влагу, жалобно хлопали. Через несколько минут Эмиля ждало испытание магазином. Мысли о выпивке проявились ещё в начале рабочего дня, и по мере того, как время ползло вперёд, желание усиливалось. Эмиль почти физически чувствовал тепло, появляющееся в желудке после первого глотка. Перспективу провести вечер у монитора в алкогольном блаженстве изрядно портили мысли о следующем утре. Он слишком хорошо знал себя и не строил иллюзий, что всё ограничится двумя-тремя рюмками для снятия абстинентного синдрома. Эмиль настолько погрузился в рефлексии, что очнулся лишь у прилавка, куда автомати-

чески привели его ноги. Продавщица, средних лет дама с короткими выбеленными волосами, хорошо знавшая покупателя, выжидающе смотрела.

«Эээ, добрый вечер, – протянул Эмиль, растягивая гласные. – Мне эээ...».

Поймав растерянный взгляд покупателя, продавщица кивнула головой в сторону отдела спиртных напитков, и это сыграло решающую роль. «Сигареты», – выпалил Эмиль, ткнув пальцем в лежащие под стеклом пачки. Продавщица с удивлением на лице стала доставать требуемое. Эмиль расплатился и едва ли не бегом покинул магазин. В какой-то момент ему стало стыдно от осознания того, какие ассоциации он вызывал у продавщицы, но положиться полностью на это чувство он не мог, предпочтя побыстрее убраться от греха подальше. По пути до дома он сожалел о покупке. Не будучи скрягой, порой Эмиль был подвержен необъяснимым приступам мелочности, и мысль о том, что сигареты всё равно пришлось бы скоро покупать, не служила ему утешением. В который раз он подумал о том, что в юности всё было проще и легче. Никто не переживал по поводу потраченных под влиянием импульса денег, не просыпался с похмелья задолго до звонка будильника, не испытывал дискомфорт, разговаривая с девушками. Общение с последними укладывалось в несложную схему – ты увлекался, влюблялся, порой объект вожделения отвечал взаимностью, порой нет. Во втором случае разочарование можно было залить в компании друзей, при благоприятном же исходе наступала эйфория. Длилась она, как правило, недолго, после чего следовало отрезвление. Кому-то приходилось инициировать разрыв. Эмиль редко оказывался в этой роли. Он не любил брать дело в свои руки и чаще всего ждал, когда очередная подруга озвучит ему своё нежелание продолжать отношения. Эмиль был искренен в своих увлечени-

ях и не оставлял девушек без помощи и поддержки, но когда первоначальное возбуждение спадало, он пасовал, не понимая, как существовать в мире повседневности.

В квартире он разложил на батареях мокрую одежду, туда же пристроил кроссовки на газете. Пока замороженные полуфабрикаты разогревались, телевизор выдавал в эфир накопившуюся за день информацию. Террористы стреляли и взрывали, медийные персонажи обнажались на журнальных страницах, ВВП стабильно падал, но в конце пути всех ожидал заслуженный рай на небесах. Проглотив ужин, Эмиль заставил себя кое-как вымыть собравшуюся за несколько суток посуду. Он открыл окно, чтобы немного проветрить наполненное застоявшимся воздухом помещение, выпряхнул на лестничной клетке покрывало и даже прошёлся тряпкой по попадавшимся по пути поверхностям, не глядя, впрочем, что конкретно он вытирал. Прямоугольник, лежавший на тумбочке в прихожей, зацепился за ворсинки тряпки и второй раз за день предстал глазам любителя чистоты. «Заговор какой-то, сто процентов», – прокомментировал ситуацию Эмиль. Мог получиться неплохой сюжет, что-нибудь о тайных правительственных организациях или инопланетянах, внедрившихся в сознание обывателей посредством распространяемых ими визиток. Утомлённый мозг не обрадовался перспективе задействовать творческие ресурсы, и Эмиль направился к компьютеру. Развалившись в кресле, он зашёл в сеть и, наконец, рассмотрел визитку. В центре была сделанная с воздуха фотография – группы домиков, сад, спортивные площадки, всё, что описывал Александр. В углу располагался логотип комплекса – три зелёных листика на белом фоне, освещённые солнечными лучами. «Дом солнца», – гласила надпись внизу. Кроме самого назва-

ния и адреса страницы в сети, на визитке не было больше никакой информации, вроде завлекательных рекламных текстов и уверений в духе «Мы меняем жизнь», что также соответствовало словам Александра. Не было там и изображений омерзительно счастливых семей, накаченных отцов, мамаш с натянутыми улыбками до ушей и неестественно выглядящих детей. Логотип напомнил Эмилю значок радиационной опасности. Он грустно улыбнулся, подумав о том, как глубоко въедается в ткань жизни саркастическое отношение к самым естественным вещам. Скорее бессознательно Эмиль набрал указанный сетевой адрес. Страница производила весьма благоприятное впечатление, было видно, что делали её профессионалы, стремившиеся создать надлежащую атмосферу без кричащих внешних эффектов. Эмиль прочитал, что комплекс занимал территорию в два квадратных километра. Находился он на острове, который соединял с близлежащим городом мост над рекой, использовавшийся как пешеходами, так и водителями транспорта. Земля и все постройки принадлежали мэру города, в прошлом известному банкиру. Испытывавший неприязнь к представителям власти Эмиль мрачно поскрёб щёку и продолжил чтение. Гостям предлагалось посетить выставку картин, предаться медитации, разглядывая каменные скульптуры, заняться спортом или просто гулять, наслаждаясь пейзажем и чистым воздухом. Всё было изложено простым языком, без пафоса и ненужных красивостей. Закончив чтение, Эмиль перешёл к разделу фотографий. Когда, наконец, он оторвал глаза от монитора, стрелки часов подползли к одиннадцати. «Да что же это такое?!», – затряс головой Эмиль и бросился к телефону. Хриплый голос ответил ему после седьмого гудка.

– Привет, слушай, ты извини, я тут немного во времени потерялся, нашёл одну интересную штуку, засмотрелся, расскажу тебе обязательно.

– Блин, какая штука, я только уснула, – тон Анны не предвещал ничего хорошего. – Опять за своими игрушками полночи сидишь, а потом презвонить начинаешь.

– Ну ладно, я же извинился, просто действительно интересно, сам не...

– Короче, я сейчас информацию воспринимать не могу, – отрезала Анна. – Расскажешь при встрече, если захочешь. Мне тоже есть что тебе сказать.

– А, ну хорошо, – не слишком маскируя радость от возможности завершить неприятный разговор, проговорил Эмиль. – Когда увидимся?

– Давай завтра, чтобы не затягивать. В семь сможешь у меня быть?

– Без проблем.

– Тогда всё, давай, пойду снова засыпать, если получится.

– Да ну, конечно...

Несколько секунд Эмиль слушал гудки в трубке, а потом нажал на кнопку разъединения вызова. Он залез под душ, почистил зубы, ликвидировал заросли щетины на лице и даже постелил на диван бельё. Клонило в сон. Перед глазами всё ещё стояли изображения на фотографиях – яркие, живые, будто вырезанные из реальности и наклеенные на бумагу. «А может, действительно взять отпуск?», – пронеслось в голове, и Эмиль провалился в чёрную пропасть.

КОНЕЦ ФЕСТИВАЛЯ

Поднимаясь по лестнице, Эмиль думал о неизвестном художнике, изобразившем на стенах сцены

из народных сказок. Люди и животные, объединив усилия, пахали из земли гигантский овощ, лягушка помогала выбраться застрявшему в камышах волку, крестьянин угощал богача похлёбкой. Всё было ярко, с улыбкой и ненавязчиво. Эмиль много рисовал в детстве, даже посещал художественную школу. Там его научили воплощать бродившие в голове картинки, и он с удовольствием переносил их на бумагу. Похвалы друзей и восторги девушек, конечно, кое-что значили, но главным было ощущение кайфа, когда перед глазами начинал проявляться образ. В сущности, чья-либо оценка никогда не имела решающего значения. Доведённая до конца задумка, нервное переплетение линий, родившееся среди ночи, приносили настоящее удовлетворение. На просьбы пассий о портрете Эмиль привык отвечать отказом, всякий раз вспоминая несколько сотворённых собой уродцев. Разрисовавший стены художник работал, возможно, не бесплатно, но дело своё явно любил. Эмиль подмигнул синему слону, улетавшему в небо на связке воздушных шаров, и нажал на кнопку звонка.

– Заходи, – Анна отодвинулась, пропуская Эмиля внутрь, уклоняясь от дежурного поцелуя. На кухне в ярком электрическом свете искрилась до блеска начищенная посуда. Анна вошла и облокотилась на плиту. Эмиль вдруг увидел, как она уснула. Плечи уходили вниз, скулы заострились.

– И что ты хотел мне рассказать?

Эмиль вздохнул и рассказал о «Доме солнца». Увлёкшись, он даже забыл попросить пепельницу, что, впрочем, изначально не имело смысла. Анна не терпела табачного дыма в квартире. Он говорил о домиках в солнечном свете, о реке, удивляясь сам себе, распаляясь от непривычного ощущения. Он закончил, и его взгляд стал выжидающим. Анна качнулась вперёд и опустилась на стул возле Эмиля.

– Это хорошо, что ты решил куда-то поехать. Здорово. Езжай, тебе нужно отдохнуть, – Эмиля дёрнуло дежа вю, оставив неприятное послевкусие. – Но поедешь ты один. Честно, я очень устала. Нам обоим за тридцать, поздно уже играть в эти игры. Ты не предлагаешь мне жить вместе, но дело не в том, я сама не хочу так. У нас всё по плану: работа, ты приезжаешь, по пьянке зовёшь съехаться, но я не ведусь. А не ведусь потому, что мне не нравится. Ты взрослый человек, и непонятно, что с собой делаешь. Хорошо, повалялись мы вместе, позавтракали, посмотрели фильм, а дальше что, ты спрашивал? Куда мне идти с тобой? Услышь, я женщина, у меня возраст, мне нужна определённость, и я не понимаю, как ты всё это видишь.

– Ладно, – голос Эмиля, забежав по кухне, набрал силу, – мы не говорили об этом, как-то не получалось. Но зачем, зачем так сразу, можно же обсудить, продумать. Мы же не встречаемся у меня дома, потому что я не хочу. Просто я не представляю себе это. Вот мы видимся, разговариваем, смотрим кино, если кого-то что-то не устраивает, хочется побыть наедине с собой, не проблема, расходимся по квартирам. Представь, если круглые сутки сидеть друг у друга на голове, какой будет ад.

– Видишь, ты же сам всё понимаешь и даже озвучиваешь, – Анна положила руки на столешницу и упёрлась в них подбородком. В кухонном свете её лицо стало суровым и обречённым. – Ты сам понимаешь, что жить вместе мы не сможем. Так какой во всём этом смысл? – Она перешла на шёпот. – У меня тоже есть желания, может, я детей хочу, что у нас получится с тобой, если ты собираешься расходиться по квартирам?

Эмиль поперхнулся. Слова не хотели выходить, застряв в горле. Зачем? Сказанное не могло ничего изменить. Анна была права, и в электрическом све-

те эта правда сверкала всеми гранями. Вцепившись пальцами в столешницу, он поднялся. «Извини», – проговорил он и выудил из-под стола сумку. В прихожей Эмиль натянул куртку, кроссовки и привычно щёлкнул замком. «Не обижайся, – сказала за спиной Анна, – ты же знаешь, что так правильно. Спасибо тебе».

Считая ступеньки, Эмиль поймал себя на том, что не мог обижаться. Он мог чувствовать себя одиноким, не до конца понятым, мог даже запить по этому поводу, но права на обиду не имел. Спасибо Анны стоило дорогого. Год назад они сошлись по нужде, он чувствовал незаполненность, она одиночество. Встречались они только у неё. Несколько раз побывав в жилище Эмиля, Анна предпочла ограничиваться свиданиями на своей территории. Эмиль воспринял это с облегчением. Иногда по ночам он думал об Анне, осознавая всё, что не мог ей дать, всё, чего ей так хотелось. Боязнь пустоты, с детства сидевшая в груди, мешала прервать отношения, расписаться в собственном эгоизме. Тем не менее, он старался, старался, преодолевая вязкую, годами копившуюся инерцию, старался без всякой надежды. Эмиль добрёл до автобусной остановки, двадцать минут покачался в неудобном салоне, собрав волю в кулак, миновал магазин. Под ровное гудение компьютера он пил чай, обрекая себя на бессонницу, размышляя о жизни. Решение, как это часто бывало, пришло к нему спонтанно, и он не мог удержаться.

– Привет.

– Сынок, здравствуй, почему так поздно, что-то случилось?

– Нет, нет, всё в порядке, вот решил внезапно отпуск взять. Съезжу на природу, там туркомплекс есть один, недорого, речка, всякие развлечения на воздухе. Отдохну, да и город от меня недели две.

– Ой, я так рада, поезжай, конечно, а Анночка с тобой будет?

– Ещё не решили, – поморщился Эмиль.

– Ну и ладно, – голос матери приобрёл искусственные нотки. Она отличалась от отца, военного, по долгу службы и привычке вынужденного отдавать приказы и распекаать. Отец, впрочем, был вполне удовлетворён мыслью о том, что сын мог самостоятельно платить за оставшуюся от умерших бабушки с дедушкой квартиру и не предъявлял финансовых требований. Последние Эмиль даже не рассматривал, зная характер родителя, предпочитая в критических ситуациях обращаться к матери. С ней всё было сложнее и одновременно ближе. Она просто и безыскусно посвятила жизнь семье, приняв офицерскую прямому мужа, не стараясь вникнуть в сыновние блуждания по внутренним лабиринтам. Ей казалось, что семья венчала прямую человеческой жизни, эту мысль она всячески пыталась донести до Эмиля, стараясь при этом соблюдать пристойную в её глазах дистанцию. Всё могло начаться с «хорошей девочки», но если сын не проявлял интереса, в итоге питание выключалось, и пресс возвращался в исходное состояние.

– Мам, я тебе уже по факту всё расскажу, много чего решить надо, – Эмиль попрощался и положил телефон на стол. Он знал, что был плохим сыном, не в понимании большинства, но для себя. Быть хорошим, по-настоящему хорошим, означало любить. Любовь не имела ничего с религиозными разглагольствованиами, ощутить другого как себя не получалось. Тем не менее, Эмиль верил в возможность сопереживать родным, увлечённым схожими интересами людям, женщине, которую обнимал. Так чувствовали люди в книгах, а значит, подобное когда-то имело место и в реальности. По утру, созерцая тычущего в него пальцем бога, Эмиль ду-

мал об этом. Он опять долго изучал фотографии, а потом набрал номер. Несмотря на полночь на часах, Александр почти сразу ответил на вызов.

– Привет, я решил поехать. – У Эмиля не было сил желать другу счастливой дороги, и он начал с главного.

– Я рад, чувак, – как всегда бодро и поропливо озвучил Александр. – Я, знаешь, надеялся. Пришлешь потом отчёт, ты мне всё-таки должен. В общем, потом разберёмся. Не теряемся, жду новостей.

Александр исчез так же быстро, как и изъяснялся. Эмиль постелил на диван бельё, думая об Анне. Ему хотелось пить и плакать, но он держался. На следующий день он поговорил с шефом. Последний произнёс предсказуемо долгую речь, но, в конце концов, дал разрешение взять отпуск. Эмиль заказал билеты на поезд и зарезервировал номер в одном из домиков. Оставшееся время до отъезда, три дня, он отлёживался, одновременно борясь с желанием устроить прощальный фестиваль. Внутренние противоречия выматывали организм, и на пике Эмиль уснул не тронутым алкоголем сном.

ПЛАКАТНАЯ УЛЫБКА

Как подавляющему большинству представителей мужского пола, Эмилю хотелось бы видеть в качестве попутчиц одетых в шорты девушек, стройных и не обременённых комплексами. Возраст, впрочем, давно уже не позволял верить в сказки, да и купейное соседство трудно было назвать неприятным. Эмиль из вежливости откликнулся на предложение пожилой семейной пары разделить с ними трапезу в пластиковых контейнерах и не без труда отказался от коньяка в пузатой бутылке, которую вытащил из портфеля профессорского

вида мужчина с бородкой. С наступлением темноты Эмиль занял место на верхней полке. Ночью он несколько раз просыпался, разбуженный попадавшим в окно светом фонарей на платформах, и вспоминал старушек, в дневное время предлагавших путешественникам нехитрую еду и вино. Выйдя на платформу, Эмиль сощурился. Полуденное солнце, чувствуя приближение зимы, пыталось напоследок выложиться по максимуму. Деревья на бульваре за зданием вокзала радовали глаз золотом, небо ярко синело, дул слабый тёплый ветер. Казалось, слякоть и серость родного города остались в тысячах километрах за спиной. Эмиль поискал глазами автобус, который должен был ждать его на привокзальной площади. Гостям «Дома солнца» предлагалось сообщить дату и время своего прибытия в город, и тогда за ними присылали транспорт, чтобы помочь добраться до комплекса. Эмиль подумал, что, учитывая умеренную стоимость проживания в «Доме», дела у местного мэра шли неплохо. Последний и сам не замедлил появиться, подобно дьяволу из поговорки. В лёгких брюках и рубашке с расстёгнутым воротником, мэр улыбался, сфотографированный на фоне окружавших город гор. Надпись утверждала, что власти заботятся о природе родного края. На привокзальной площади было чисто, но Эмиль не привык доверять лозунгам. В который раз он подумал об иллюзиях, в которых пребывали люди. Из страха смерти они выдумали бога, а потом переложили на него заботы об их здоровье и благополучии. Они считали, что родственные узы являлись залогом любви и взаимопонимания, и очень удивлялись, когда взаимопонимания не находилось. Политика, добрые дяди и тёти, пекущиеся о своих избирателях, выглядела одной из самых жирных иллюзий. Эмиль не понимал, как можно было верить, что в существующей си-

стеме оставалось место искренности. Народный избранник обязательно должен был состоять в браке, посещать церковь по религиозным праздникам, чтить традиции и устои. Его супруга непременно занималась общественной деятельностью и возглавляла какой-нибудь благотворительный фонд. У них были дети, потому что семья занимала одно из первых мест в списке приоритетов достойного гражданина. У них всегда находилось хобби в виде игры на музыкальном инструменте или резьбы по дереву, делая президентов и депутатов ближе простому народу. Как можно было верить во всё это, если даже речи политиков писали хорошо оплачиваемые люди? Как можно было слушать религиозную околесицу, которую они несли? Эмиль не считал себя знатоком человеческих душ, но знал, что люди слабы. Много лет женатый мужчина не мог не заглядываться на улице на женщин. Это не значило, что он изменял супруге, но от желаний плоти уйти не получалось. Таким человеком сделала природа, церковники же объявили сами помыслы о грехе грехом. Порой Эмилю хотелось крикнуть в лицо попам, что их творец плохо выполнил свой план. Он создал человека таким, каким тот был, а потом потребовал от него стать другим. Политиканы, видимо, были сверхлюдьми, по крайней мере, если им верить, их не терзали искушения простых смертных. Эмиль не верил улыбке мэра.

Так или иначе, но обещанный автобус ждал в назначенном месте. Водитель, молодой человек, не похожий на привычных небритых здоровяков за рулём, попросил у Эмиля документы. Сверившись со своими записями, он пригласил нового гостя «Дома солнца» в салон. Внутри сидели ещё два человека, средних лет мужчина и женщина, по-видимому, супруги. Эмиль поздоровался, и они улыбнулись в ответ. Пройдя вглубь автобуса, Эмиль занял заднее сиденье у окна. В транспорте, если была

возможность, он старался сесть как можно дальше от остальных пассажиров. Эмиль не считал себя мизантропом, но скопления незнакомых людей не вызывали у него восторг. Некоторые из этих людей имели привычку обращаться к другим с вопросами, а иногда рассказывать о своей жизни. Наверное, им казалось, что им было что сказать миру. Эмиль такой уверенности не имел. Ему совершенно не хотелось доказывать миру, что он достойный человек, хороший специалист и потенциально ценный член какой-нибудь команды. Эмиль не хотел быть частью команды. Он отнюдь не считал, что жил правильно, зная о своих недостатках, ощущая инерцию, душевную лень, мешавшую изменить жизнь. Стремиться к идеалу означало ежедневную борьбу с собой, непонимание, даже отторжение окружающих. Быть достойным человеком значило стать менее человеком, подавить в себе многие желания и слабости. У Эмиля был один нравившийся ему сюжет. Юноша, пережив любовные разочарования, столкнувшийся с равнодушием и глупостью, задумал искоренить в себе всё человеческое. Он перестал вступать в физическую близость с женщинами, лгать, держал любое, данное другим или себе обещание. В конце концов, жизнь решила сломать наглеца, дерзнувшего пойти против своей природы, и начался неравный бой. Эмиль понимал, что точно не выдержал бы сражения. Ему приходилось встраиваться в жизнь, отфильтровывая её, приспособливаясь. Работать под началом многословного шефа, в обществе глупенькой секретарши было проще, с ними можно было оставаться собой, ходить в мятых джинсах и не делать приличествующее случаю лицо. Александр вряд ли мог позволить себе это в его компании.

Эмиль внезапно подумал о паре на сиденьях перед ним, вероятно, прибывших тем же поездом, что и он. Ему вспомнился фантастический рассказ

об отеле для самоубийц. Туда приезжали люди, решившие свести счёты с жизнью, но боявшиеся сделать это самостоятельно. В какой-то момент, постояльцам не было известно, когда это произойдёт, в их комнаты подавался ядовитый газ, и люди тихо умирали во сне. Главный герой рассказа, потерпевший финансовый крах, познакомился в отеле с женщиной, вернувшей ему смысл жизни. Влюблённый и счастливый, он договорился уехать с ней. После разговора с гостем управляющий отеля вызвал к себе женщину и поблагодарил за хорошую работу. «Именно в том и состоит гуманность моего метода. Бедняга мучился сомнениями религиозного порядка. Я его успокоил», – сказал он. Эмиль представил, что пара в автобусе на самом деле любовники, вместе они спланировали и осуществили убийство супруги мужчины. Её призрак стал являться им по ночам, и, доведённые до безумия, они отправились в «Дом солнца», аналог отеля из рассказа. Тем временем автобус проехал вдоль бульвара, повернул направо и покапал по застроенным каменными домами узким улицам. Городу было несколько сотен лет, и старина, сопротивляясь веяниям времени, не исчезала из его пор. Пять минут спустя автобус ещё раз повернул, и Эмиль забыл об отелях и женоубийцах. Тёмная вода реки тяжело перекапывалась в солнечных лучах, медленно двигаясь, как гигантский водный ящер. Мост разделяли две полосы для транспорта, по бокам оставались пешеходные зоны. Движения на мосту не было, он был пустынен, и Эмилю показалось, что так и должно быть. Из окна остров казался красно-жёлтой заплатой на тёмном фоне, он весь порос деревьями, в массы которых вкраплялись здания и площадки. Автобус остановился у ворот с изображением уже знакомых Эмилю освещённых солнцем листиков. Водитель открыл двери и предложил помочь гостям донести

их багаж. Пара и Эмиль отказались. «Простите, подвезти ближе не могу, здесь у нас исключительно пешеходное пространство, никаких выхлопов, – улыбнулся молодой человек. – Вам прямо по аллее, здесь недалеко, минуты три. Желаю хорошо отдохнуть». Автобус развернулся и вновь отправился в краткое путешествие по мосту. Пара зашагала по аллее, Эмиль двинулся за ними, сохраняя дистанцию. Дышать чистым воздухом, слушать шелест увядающей листвы, неторопливо шагать по дороге было наслаждением. Эмиль попытался вспомнить, когда в последний раз проводил несколько дней вне города, не считая несчастных попок с компанией на лоне природы. Наверное, это было ещё в детстве, когда с родителями он ездил в их загородный домик. Аллея привела гостей к площадке, застроенной деревянными двухэтажными зданиями. Вывеска на одном из них сообщала, что там располагалась приёмная «Дома солнца». Из описаний в сети Эмиль знал, что внутри происходила регистрация посетителей. В приёмной было просторно и тепло, в камине возле деревянной стойки потрескивал огонь. «Камин!», – внутренне удивился Эмиль, оценив нестандартное решение. Пока пара улаживала формальности с девушкой за стойкой, Эмиль сидел на диване, откинувшись на мягкие подушки. Несостоявшиеся любовники-убийцы получили ключи и вышли из приёмной. Проходя мимо Эмиля, женщина вновь улыбнулась ему.

– Добрый день, приветствуем вас в нашем доме.

Девушка за стойкой была одного с Эмилем роста, худой, бледнокожей, с очень тёмными глазами и такими же волосами до плеч, стянутыми в хвост. «Глория», – значилось на приколотом к белой блузке бейдже.

– Спасибо, – Эмиль протянул документы и распечатку, подтверждавшую резервирование номера. Он не любил стандартные тексты разнообразных

магазинных консультантов и офисных работников, опасаясь, что когда иссякнет заученная информация, они окажутся просто не в состоянии говорить на обычном языке.

– Надеюсь, вы хорошо добрались.

– Вполне. У вас здесь красиво, не замечаешь дорожку. – Эмиль запоздало удивился выскочившим у него словам, совершенно для него непривычной фразе. Во взгляде девушки, в её улыбке он прочитал нечто большее, чем дежурный интерес, что-то, заставившее его озвучить свои эмоции.

– Да, здесь действительно очень красиво. Надеюсь, вы останетесь довольны вашим отдыхом. Если хотите, я могу рассказать вам, что мы предоставляем нашим гостям.

– Благодарю, я читал информацию в сети, но если возникнет необходимость, обязательно к вам обращусь.

– Прекрасно, обычно в это время я дежурю здесь, в семь меня сменяют, – Глория протянула Эмилю ключ с железной биркой. – Ваш номер 19, это в четвёртом домике, я могу вас туда проводить.

– Нет, спасибо, я найду сам.

– В таком случае, приятного отдыха и ещё раз добро пожаловать.

Эмиль с сумкой на плече вышел из приёмной. В домике с табличкой с номером четыре он поднялся по лестнице на второй этаж. Винного цвета ковры лежали на деревянных полах, на стенах в рамках висели карандашные рисунки, натюрморты и пейзажи, выполненные в мягких пастельных тонах. В номере он положил сумку на пол, вымыл руки и раздвинул шторы, впустив в помещение солнечный свет сквозь большое двустворчатое окно. Несколько минут он постоял у окна, разглядывая скопления деревьев на фоне реки, а потом лёг на кровать. Его клонило в сон. Эмиль подумал, что

хороший путешественник первым делом должен ознакомиться с местностью, а потом вспомнил, что приехал отдыхать от себя. Он закрыл глаза и через минуту уже спал в мягком послеобеденном свете.

ВЕЧЕРНИЕ ЛЮДИ

Когда Эмиль проснулся, за окном уже сгустились сумерки. Оцепенение, тяжёлая апатия, спутница послеобеденного дня, навалилась на него, едва разлепившего веки. Забытое ощущение радости, прогулка по тихой аллее, речная свежесть остались где-то позади, там, куда уходит всё, ещё совсем недавно будоражившее и заставлявшее сердце биться быстрее. Поездка вдруг показалась ему бессмысленной авантюрой, последствием эйфории, неожиданно ворвавшейся в жизнь после долгого перерыва. Эмиль повернулся на бок. Некоторое время он боролся с желанием покинуть номер, пешком, через мост добраться до незнакомого города, в первом попавшемся магазине купить плоскую бутылку и жадно глотать обжигающую жидкость. Через полчаса он спустил с кровати ноги, посидел и пошёл в ванную. Там он долго бросал в лицо горсти холодной воды, пока туман в голове не начал понемногу рассеиваться. Эмиль вернулся в комнату, разобрал сумку, разложив по полкам вещи, потом снова зашёл в ванную. Из зеркала на него смотрели покрасневшие после сна глаза, он видел ранние морщины и начинающие отступать волосы. Причесавшись и непривычно тщательно почистив зубы, Эмиль задумался о том, как собирался провести вечер. Осматривать местные достопримечательности смысла в темноте, конечно же, не имело, перспектива оплёживаться в номере почти пугала. Электронные часы, встроенные в прикроватную тумбочку, показывали начало седьмого. Питание в «Доме солнца» вхо-

дило в стоимость пребывания, и Эмиль рассудил, что мог отправиться в бар, учитывая вполне подходившее для ужина время.

Ветер снаружи окреп, в воздухе чувствовалась осень. Стемнело, и на небе стали проявляться звёзды, светила влюблённых, поэтов и одиноких путешественников. Бар оказался прямоугольным деревянным зданием, с верандой, где в более тёплое время, несомненно, ставили столики. Там тоже горел в камине огонь, навевая мысли о тавернах, пущах на вертелах и шипении жира. Негромко играла музыка, что-то без слов, в неярком свете светильников на стенах две пары двигались в такт мелодии. В одной из них Эмиль узнал своих спутников из автобуса. За столиком в дальнем углу сидел пожилой полный мужчина, увлечённый ужином, в другом углу расположилась компания из нескольких человек. Они вполголоса смеялись, бросая кубики на доску для какой-то игры. За стойкой невысокого роста очень худой мужчина колдовал над кофейными чашками.

– Добрый вечер.

– Здравствуйте, – мужчина поднял глаза. На вид ему было чуть больше сорока, но коротко стриженные волосы отливали сединой.

– Я сегодня первый день здесь, пока ещё не представляю, как у вас тут всё устроено, решил начать с ужина.

– вполне разумное решение для человека с дороги, – бармен улыбнулся, и Эмиль подумал, что такая улыбка не могла не нравиться женщинам. – Присаживайтесь, Анна сейчас принесёт вам меню.

На мгновение Эмилю показалось, что он прекрасно знал местную официантку. Потом неприятное чувство прошло. Он сел в единственном незанятом углу. Мелодия закончилась, её сменила другая, в похожем ключе. Пара из автобуса вернулась

за свой столик, оставшиеся, мужчина в костюме и его спутница в вечернем платье, продолжили танцевать, мягко встраиваясь в новую музыку. Эмиль посмотрел по сторонам. Похоже, здесь не придавали значения связанным с одеждой условностям. «Что ж, ещё один плюс», – подумал Эмиль и подцепил пальцем ворот своего просторного свитера.

– Добрый вечер, меня зовут Анна.

Подошедшая девушка не имела ничего общего с носившей с ней одно имя. Осанка и широкие плечи выдавали в ней поклонницу спортивных занятий. Анна объяснила, что гостям всегда предоставлялся выбор из двух меню. Эмиль вновь приятно удивился, изучил предложенные варианты и попросил принести мясо с овощным рагу. Рыбу он отверг, не задумываясь, с детства относясь к ней с необъяснимой подозрительностью. В разделе напитков, самой собой, не значилось ничего, крепче кофе. Принеся заказ, Анна рассказала, что в баре хранилась неплохая коллекция настольных игр. Эмиль попросил время для размышления и занялся ужином. Только сейчас он осознал, насколько проголодался, проведя весь день в дороге, перебиваясь купленными ещё до отъезда запечёнными в тесте сосисками. Поев и вытерев со лба выступивший пот, он заказал кофе. Среди упомянутых игр оказалась любимая детская забава Эмиля, шашки, в которые можно было играть самому с собой, причём требовалось прилагать немалые усилия, чтобы оба игрока не остались в проигрыше. Эмиля всколыхнул приступ ностальгии, он сделал глоток и наклонился над картонной доской.

Когда он очнулся, счёт был 9:1 не в его пользу, и за столиками не оставалось свободных мест. Остатки кофе в третьей чашке стали тёплыми. Эмиль обвёл глазами зал и увидел знакомое лицо. Глория, повелительница приёмной, озиралась у стойки бара. Словно против воли, не осознавая,

что он делает, Эмиль приподнялся и сделал приглашающий жест. Глория подошла, и он ощутил запоздалое недоумение.

– Очень любезно с вашей стороны, сегодня здесь аншлаг.

– Разве обычно по-другому? – Эмиль пододвинул девушке стул.

– Когда как. Бывает, многие допоздна гуляют в городе, там много хороших заведений.

– А зимой к вам приезжают?

– Да, и не меньше, чем в другое время. У нас, знаете, своеобразное место. На первый взгляд, здесь почти нет развлечений, город тоже не богат достопримечательностями. Всё дело в том, что мы стараемся создать для наших гостей особую атмосферу, если хотите, вырвать их из привычной жизни, напомнить, что кроме суеты, спешки есть и другие вещи.

– Вырвать? Звучит как-то...

– Да, согласно, напоминает какую-нибудь секту, – Глория рассмеялась. – Не переживайте. Уверю вас, здесь вам не придётся опустошать банковский счёт и переселяться в келью. Сама я, кстати, атеистка.

Появилась Анна. В руках её не было меню. Глория улыбнулась официантке и подняла в воздух два пальца. Анна кивнула. Номер два. Эмиль понял, что речь шла о рыбе. Предоставив Глории утолять голод в пшине, он задумчиво смотрел в пол. Что-то действительно было не так, не так с ним. Речь шла, конечно же, не о секте и распылённых в воздухе газах. Ему хотелось общаться, разговаривать с этой девушкой, не красавицей, не пого типа женщин, к которым его обычно тянуло. У него не было мыслей о близости с ней, ему просто нравилось сидеть, подперев рукой голову, глядя на пятна света на паркете. Может, замысел владельцев

«Дома солнца» и состоял в том, чтобы сблизить людей, лишив их приевшихся привычных развлечений?

– Вам повезло с погодой, – голос Глории вывел Эмиля из задумчивости. – У нас в это время дожди совсем не редкость. Гости иногда спрашивают, почему мы называемся «Домом солнца». Я думаю, потому что мы хотим, чтобы люди чувствовали тепло, даже когда его нет на небе.

– Похоже, вы любите стихи, – прищурился Эмиль.

– Раньше не любила, а сейчас, по крайней мере, пытаюсь их понимать. А вы?

– С прозой мне приходится иметь дело значительно чаще.

– И что же вам нравится из прозы?

Позже Эмиль думал, что это было помутнение рассудка. Он рассказал Глории историю, сюжет, придуманный им много лет назад. В истории известный переводчик и девушка лежали в постели. Переводчик говорил о том, что долгими годами не покидал свою комнату. Он боялся разрушительных эманаций других людей, флюидов, которые проникали в душу, заставляя погружаться в тупость повседневного существования. Он хотел творить и обрёл себя на добровольное комфортное существование. Девушка, с которой он познакомился в сети, стала его первым отступлением от привычного распорядка. В конце истории девушка захлопывала за собой дверь, а переводчик закуривал, не вставая с постели. Эмиль говорил долго, презывый и вдохновенный, он не подбирал слова, не старался произвести впечатление. Наконец, он закончил. Глория молчала.

– Ну, считайте, это было в качестве примера, – Эмиль внезапно почувствовал себя воздушным шариком, из которого постепенно выпускали воздух. – Мне нравится такой вот гротеск, минималь-

ный, только для того, чтобы подчеркнуть то, как мы живём. Но никто не знает, как правильно, и от этого ещё интереснее это всё исследовать.

– Автор вы? – Глория смотрела ему прямо в глаза.

– Да.

СКАЗКИ ЦАРЯ

– Понимаешь, когда его не стало, образовалась трещина. Она пошла вначале по отношениям, потом по работе. Я стал осознавать, что всё это творчество бессмысленно. Ты страдаешь, выливаешь на бумагу свои страдания, другие читают, умиляются, даже сопереживают. Со стороны выглядит романтично, но на деле спрятать никто не хочет. К чему тогда литература, что она даёт, чему может научить? И вообще, зачем учить, кто имеет на это право? Терпеть не могу, когда мне рассказывают, как надо поступать, и сам не собираюсь. Вот и всё, работа стала вызывать у меня отвращение. Я больше не пишу. Не просто не пишу, я никому ничего не даю читать из уже опубликованного, не говорю, где печатался, не раскрываю псевдонимов. Но осталось незаполненное место... Наверное, я и приехал сюда, чтобы попытаться хоть как-то его занять.

В номере всё утихло. Циферблат часов светился в темноте синим. Они просидели в баре до самого закрытия. Эмиль не смог сказать Глории, что все сюжеты, рождались у него в голове, там и оставались. Он рассказал, что был профессиональным писателем, публиковался под несколькими псевдонимами в различных изданиях, это позволяло его семье вести более-менее комфортную жизнь. Потом их с женой годовалый ребёнок, долгожданный первенец, умер от вирусного заболевания. Врачи сказали, что жена больше не могла иметь детей.

Они начали отдаляться друг от друга, жена впала в депрессию, Эмиль стал попивать. Он всё больше и больше разочаровывался в творчестве, которое не могло спасти от боли в реальном мире. Супруги разошлись. Эмиль бросил писать, вёл затворническое существование, проедал остатки накоплений, периодически совершая изнурительные алкогольные путешествия. Ложь цеплялась за ложь, и Эмиль уже не мог остановиться. Глория внимательно слушала. «Зачем вы пересказали мне вашу историю?», – спросила она в конце. «Не знаю, – честно ответил Эмиль. – К тому времени, как я перестал писать, у меня было с десяток задумок, даже больше, и я вдруг решил поделиться одной из них с вами». В полночь бар закрывался. Глория сказала, что в «Доме солнца» было несколько комнат для персонала, в одной из них она нередко оставалась ночевать, если задерживалась и не хотела возвращаться в город. Пошатавшись, Эмиль добрался до номера 19. Там он открыл окно и долго курил. Голова кружилась. Он лёг в постель, но сон не приходил. Ощущение нереальности происходящего не покидало его, и когда раздался стук в дверь, Эмиль вздрогнул всем телом. На пороге стояла Глория. Они долго смотрели друг на друга, потом она перешагнула порог...

– Расскажи что-нибудь о себе, – сказал он, чтобы прервать молчание. Ему не хотелось слов, но лежать вдвоём на одноместной кровати и слушать тишину было невыносимо.

– Вечер откровений, перетекающий в ночь, – казалось, она немного охрипла. – Ты уверен, что тебе это нужно?

– Да, – солгал Эмиль.

– Хорошо. В конце концов, не имеет особого значения, ты всё равно не поверишь. Вот тебе ещё один сюжет. Имя Глория записано у меня в документах, но я его выдумала. В прошлой жизни я жила

в богатой семье. Мой отец был финансистом, не из тех, о ком регулярно треплются по телевизору. Всё классически, как в фильмах. Мать жила за границей, с отцом они были в разводе. Она занималась своей жизнью, мной совершенно не интересовалась, я ею тоже. С детства сплошные няни, прислуга. Отца почти не видела и, если честно, как отца не воспринимала. С четырнадцати пошли клубы, тусовки. После школы отец попытался отправить меня учиться за границу. Я выдержала полтора семестра. В смысле дисциплины там всё было очень серьёзно, а я тогда уже привыкла регулярно заливать, плюс некоторые препараты. Ну и ещё один фактор, самый главный, пожалуй, но об этом я не хочу. Вернулась сюда. Был разговор с отцом, наверное, первый серьёзный разговор в моей жизни. Я ему сказала, что поздно начинать проявлять заботу. Он даже особенно не скандалил, запихнул меня в заведение, где в принципе можно было не показываться, и всё пошло по накатанной. Потом я попала в реанимацию, без подробностей, извини. Долго отлеживалась в клинике. Ты знаешь, до этого я не хотела жить, были свои моменты, и всё-таки испугалась. Человек такая скотина, до последнего будет за жизнь цепляться. Кое-как выкарабкалась, задумалась, даже на учёбу ходить стала. Прошло немного времени, и опять накапало, как только сгладилось всё. Несколько раз крепко присосалась к бутылке. Думаю, до наркомы оставалось совсем немного, и тут у отца случился инфаркт. Представляешь, опять как в кино. Он после этого всего три часа прожил, я с ним даже поговорить не успела, хотя там и говорить-то было не с кем. И вот тогда всё перевернулось. Понятно, он постоянно работал, стрессы, любовницы чего-то хотят, но я подумала – а вдруг он на самом деле меня любил? Не знал, как об этом сказать, не умел, но переживал, и эта

моя реанимация его и довела. На похоронах я упала в обморок. Дней десять из комнаты не выходила, думала. К бутылке тянуло страшно, но обошлось. А потом я поехала к Яну. Он мэр этого города, был другом отца. Я его всего несколько раз видела, но как-то отец о нём хорошо отзывался, да и других его друзей я не знала. И Ян мне помог, как ни странно. Я ему озвучила свою идею, он выслушал, сказал, что нужно подумать. Мы ещё раз встретились, кучу всего из моих предложений Ян отверг, но в итоге всё же согласился поддержать. Я понимала, что мне нужно было как-то искупать вину, я бы просто не смогла с этим грузом жить, но не знала, что делать. Благотворительность отменяла сразу. Непонятно, куда на самом деле идут деньги, да и вообще... И тут я подумала: можно ведь устроить такое место, куда бы люди приезжали отдохнуть, за небольшие деньги, и отдохнуть по-настоящему, не так, как я раньше. В общем, Ян помог мне исчезнуть. По официальной версии я уехала за границу. Настоящих друзей у меня никогда не было, мать пыталась наладить связи, из-за наследства, само собой, но я быстро её отшила. Отец всё оставил мне, когда оглашали завещание, я плакала. Ян распоряжается моими деньгами, кажется, его это вполне устраивает. Мне пришлось хорошенько кое в каких вещах разобраться, чтобы понять, не обманывает ли он меня. В первое время я не могла ему полностью доверять, ты понимаешь. Сейчас другое дело. Видимо, они действительно дружили с отцом, редкий случай в их кругу. По поводу «Дома»... Ян занялся материальной стороной, официально владелец он. Я сутками не вылазила из сепи, продумывала, вспоминала какие-то убогие фильмы. Честно, я сначала не верила, что из этого может что-то получиться, но останавливаться себе не позволяла. Подбирала персонал,

выискивала подходящих людей, ты позже поймёшь, я думаю. Без возможностей и связей Яна это всё, конечно же, было бы нереально. Ян сделал мне новые документы, и со дня открытия я стала работать в приёмной, наблюдаю изнутри, пытаюсь жить. Есть вещи, которые не лечатся и не забываются, ты должен знать, ты же писатель. Так как тебе сюжет, годится для рассказа или, может, повести?

Эмиль сглотнул. Это было достойное завершение дня. Бывший писатель лежал в постели с бывшей звездой тусовок. Зачем ей было придумывать эту дичь? Звучала ли ирония в её последних словах? Эмиль не знал. Ему хотелось отключиться, подумать о произошедшем следующим утром. Он неловко повернулся в кровати.

– Мы ещё увидимся? Как сейчас, я имею в виду...

– Не знаю, всё очень странно. По крайней мере, ты знаешь, что я часто остаюсь здесь на ночь.

В любом случае, проснёшься ты завтра один. Смена начинается в восемь. Не хочу никаких разговоров, здесь, как ты уже понял, я для другого.

– Конечно. Но если вдруг нас опять занесёт, предлагаю следующее, – Эмиль снова ощутил, что скользил по наклонной. – Есть известная история. К одному царю каждую ночь приводили новую наложницу, а утром он приказывал её казнить...

– И одна из них смогла остаться в живых, ещё и стать женой царя, потому что рассказывала ему сказки с продолжением, останавливаясь перед рассветом на самом интересном месте.

– Именно. Так вот, я сегодня вспоминал с тобой мою историю, и мне понравилось, сам не пойму почему. У меня в запасе есть ещё не одна, так что готов поделиться. Опубликованными, прости, не буду, ещё рассекретишь меня.

– Это такая плата за ночные забавы? – Глория улыбнулась, хотя, возможно, Эмилю это показалось.

– Не совсем. Ты поже расскажешь мне что-нибудь об этом месте, о людях.

– Годится. Если ты хочешь таким образом что-либо выяснить обо мне, у тебя не получится. Хорошо, посмотрим. Сейчас мне пора. Кстати, есть подозрение, что ложе у царя было значительно шире и удобнее.

Она ушла. Эмиль ещё недолго скользил по инерции. Потом он отключился, до следующего дня избавленный от необходимости задавать себе вопросы.

РАБОТА ЧЕРЕПАХИ

Ночью погода переменилась. Сквозь щель между шторами в номер проникал серый свет. Когда Эмиль открыл глаза, на часах было начало двенадцатого. Он подумал, что опоздал к завтраку, а потом вспомнил о Глории, об их поцелуях и взаимной лжи. Он вспомнил о предложенной им игре, вырвавшихся словах, которые нельзя забрать назад. Ворочаясь, Эмиль перебирал в голове возможные варианты развития событий. Он не знал, чего хотел больше. Снова увидеть Глорию, чувствовать в темноте её тепло, бросать в воздух фразы, увязая всё глубже и глубже, или уйти. Убежать, спараясь не встречаться глазами с попадающимися по дороге людьми, добраться до вокзала, если надо, переночевать в какой-нибудь гостинице, сесть на поезд и покинуть город на берегу реки. Постараться выбросить из головы неудавшуюся поездку, при необходимости соврать что-то Александру, а потом просыпаться по ночам от глухой тоски. Изрядно взвинтив себя, в итоге Эмиль всё же решил предоставить событиям идти своим чередом.

В ванной Эмиль снова задержался у зеркала, гадая, что могло заставить Глорию быть с ним. К его удивлению, чувства голода не было. Решив отправиться осматривать окрестности, Эмиль вышел

наружу. Небо обложили тучи, но, казалось, холоднее не стало. Пройдя по застроенной домиками площадке, Эмиль попал на аллею, похожую на ту, по которой он пришёл в «Дом солнца». В конце аллеи от неё ответвлялась пропинка. Стелясь между деревьями, она привела Эмиля в сад. Посыпанную гравием дорожку обступали вечнозелёные кусты, совсем маленькие и доходившие до груди, карликовые деревца с узловатыми стволами, спранные на вид растения, лезшие листьями прямо из земли. Дорожка петляла, извивалась, уводя вглубь. Реальный мир остался в другой жизни. Первая скульптура попала Эмилю через несколько минут пути. Каменные рыбы изгибались на дне наполненной водой чаши. За следующим поворотом был слон с огромным выпуклым лбом, потом свисавшая с дерева змея. Как замороженный, Эмиль шагал от одного изваяния к другому, забыв себя, слушая, как ветер трогает ветки и листья. Внезапно перед ним открылась круглая площадка. С противоположной стороны ещё одна дорожка вводила в хитросплетения растений. На площадке стояли две скамейки, а в центре застыла огромная черепаха. Эмиль постоял над ней, потом присел на корточки, попрогал панцирь, погладил голову. Почувствовав, что ноги начали устывать, он сел на одну из скамеек. Глядя на отдохнувшую рептилию, Эмиль задумался. Черепаха всегда казалась ему бессмысленным существом, бездумным созданием, ограниченным собственным панцирем. Теперь он понимал, что это было не так. Черепаха выполняла важную работу. Она несла на себе целый мир с его слонами, китами, океанами и змеями-искусителями. Она не могла сбросить эту ношу и в душе завидовала своему каменному подобию. Люди тоже тащили на себе тяжёлый груз, тюк, набитый фальшивыми личинами, обидами, образами умерших и предавших. Этот тюк мешал Эмилю лю-

бить людей, и всё же они вызывали у него жалость. Если убраться ношу, оставался только человек. Он был слаб, уязвим, брошен в мир без своего согласия и ведома, он нуждался в защите и поддержке. Лишённый понимания человек пытался найти его там, где мог, Эмиль хорошо знал об этом. Он вспомнил, с какой обречённостью шёл в магазин или принимал приглашения поварищей. Зная, чем всё закончится, предчувствуя головную боль, слабость, недосып, он пил, чтобы ненадолго забыться. Эмиль вспоминал об Анне, с которой был, чтобы не оставаться одному, о которой не думал, забывая, что она тоже нуждалась в понимании. Люди были разными, кто-то наслаждался жизнью и на выпянутых руках нёс себя через неё, но смерть уравнивала всех, и это тоже был повод для жалости.

Когда голод дал о себе знать, и Эмиль вернулся в реальность, стрелки на циферблате показывали, что прошло два с половиной часа. Решив продолжить исследования после обеда, Эмиль пошёл в бар, съел принесённое Анной и вернулся в сад. Дойдя до площадки, он пересёк её и снова углубился в царство растений. Пройдя обезьяну, дракона, существующих и выдуманных животных, он добрался до выхода. Сад обрывался у берега реки. На открытом пространстве ветер становился сильнее, под серым небом он гнал по воде волны. У самой кромки воды Эмиль заметил пару из автобуса. Женщина что-то говорила своему спутнику, протянув руку к горизонту. Охваченный порывом Эмиль пошёл ближе.

– Правда, здесь прекрасный сад? Мы подолгу в нём гуляем, и это никогда не надоедает, – ветер трепал светлые волосы женщины, острый нос делал её похожей на не желающего взрослеть ребёнка.

– Вы бывали здесь раньше?

– Это наш четвёртый раз. Ник, – она трону-

ла мужчину за плечо, – очень любит это место. Он почти не говорит, травма голосовых связок, но после «Дома солнца» ему всегда становится лучше. – Мужчина развёл руками, словно принося извинения, и улыбнулся. – Посидели у черепахи?

– Как вы догадались?

– Это не трудно, так делают почти все. Какая-то магия, накапывают мысли, и тянет задержаться. Бармен, кстати, рассказывал, что изначально скамеек там не было, их поставили позже.

– Сюда возвращаются многие?

– Думаю, да, я лично знаю семерых. Не подумайте, мы не начинаем потом дружить семьями, организовывать клубы. Иногда пишем друг другу в сети. Здесь вообще не принято навязывать другим знакомство, звать в компанию. Кто-то, конечно, сближается, но вообще это место располагает к одиночеству. Кстати, забыла представиться, Лана.

– Эмиль, – он пожал протянутую руку, потом обменялся рукопожатием с Ником.

– После сада мы с Ником любим погулять у реки. Это как возвращение в мир, только не резкое, а постепенное. Попробуйте.

– Спасибо, займусь этим прямо сейчас.

– Увидите, вам понравится. Одна из прелестей «Дома» в том, что здесь не нужно никуда спешить. Можно просто отдохнуть, а если в голову приходит идея, то осуществить её получается сразу же.

– Да, это редко удаётся в жизни. Ещё увидимся, я здесь на две недели.

– Мы уедем чуть раньше. Конечно, увидимся.

Эмиль бродил у реки до сумерек. На какое-то время все мысли ушли. Покой окутывал его под плеск волн и шум ветра. Когда он вернулся в бар, там было пустынно. Эмиль раз за разом смотрел в сторону двери. Он хотел и боялся увидеть Глорию. Придя в номер, он лёг в постель. Ноги ныли после дол-

гой прогулки, приятная усталость наполняла тело. Мысли, в которых была Глория, начали мешаться в голове. Эмиль подумал, что совсем не похож на ждущего красавицу любовника, и больше он ничего уже не помнил.

НОЧНОЙ СВЕТ

– Наш бармен твой коллега.

Глория пришла около полуночи, разбудив его. Они бросились на кровать. Полчаса спустя он начал рассказывать ей историю про листовки. Больше всего мальчик любил слушать музыку. Ничего заумного, простые и не всегда хорошо записанные песни о жизни парней из гетто. У мальчика не было проигрывателя, у него вообще почти не было вещей, которыми он мог себя развлекать. Его отец воспитывал сына один. Школьный учитель, патологический педант и скупец, он установил в доме казарменную дисциплину. Однажды мальчик решил купить плеер, чтобы слушать его, пока отец находился на работе. Четырнадцатилетнего подростка никто не взял бы на работу, но однажды ему повезло. Старший брат одноклассника поручился за мальчика, и последний за небольшую плату стал раздавать на улице рекламные листовки. Деньги он прятал в старой книге детских сказок, стоявшей в самой глубине шкафа. Там же лежали несколько фотографий умершей матери. Однажды их класс вместо уроков отправился в исторический музей. Экскурсия закончилась рано, и детей отпустили домой. Мальчик вернулся в свою квартиру и обнаружил, что отец нашёл его тайник. Он долго сидел за столом, представляя, что произойдёт вечером, а потом взял карандаш и кипу листовок, которые ещё не успел раздать. Потом мальчик отправился в школу, где учился, и где работал его отец.

По пожарной лестнице он залез на крышу, и когда раздался звонок с последнего урока, стал бегать по ней, разбрасывая листовки. Они падали в школьный двор, падали на головы игравшим там детям и выходившим из здания учителям. На каждой было жирно выведено красным: «Папа, я тебя ненавижу».

– Коллега? В каком смысле?

Как и предыдущим вечером, Глория никак не прокомментировала его историю, чему Эмиль в душе был рад.

– Стю, его зовут Стю, он тоже писатель. И, кажется, очень хороший. В «Доме» я стала много читать, раньше не до того было. У нас, кстати, есть своя библиотека, она в здании галереи, ты должен сходить посмотреть. Помнишь, я говорила, что очень тщательно подходила к набору персонала. Это должны были быть не просто бармены или официанты, я хотела увидеть в них людей. Много помогал Ян, но Стю я нашла сама. В сети мне попала его анкета. Он искал работу. Там была такая странная графа «хобби», сейчас это модно. Даже с уборщицами проводят собеседование и выясняют, чем они любят заниматься в свободное время. Стю написал «литература». Я заинтересовалась. Подключила людей, они помогли найти о нём в сети информацию. Оказалось, он сам писал. Я почитала, обалдела и сразу бросилась ему звонить. Не писать, заметить, а звонить. Услышала его голос и положила трубку. Никакая из меня тогда ещё конспираторша была. В общем, с ним связались люди Яна, предложили очень хорошие условия, он сразу согласился. Между прочим, он тоже один ребёнка воспитывает, только у него дочка. С матерью там какая-то мутная история, она вроде жива, но я не стала выяснять, ни к чему. Дочку мы устроили в городе в интернат, дети там питаются и ночуют. Стю с ней

видится после смен. Энди, второй бармен, тоже хороший парень, но немного попроще.

– Похоже, ты неравнодушна к творческим личностям.

– Не лучшая шутка. Я тебе принесла его книгу, сходишь завтра к черепахе, считаешь.

– Откуда ты знаешь про черепаху?

– Это было предсказуемо, – Глория встала и щёлкнула выключателем. Мягкий свет ночника заполнил номер. Не стесняясь наготы, она наклонилась над своей сумочкой, достала из неё книгу и протянула Эмилю. На обложке стояло имя автора и название «Не дай мне упасть». Вырезанный из бумаги человечек на картинке повис на парящем в темноте огромном белом кубе. Другой человечек, тоже из бумаги, летел, будто подхваченный ветром. Он тянул руки к своему собрату, борясь с воздушным потоком.

– Впечатляет.

– Это ты ещё не читал, – Глория погасила свет. – Хотя, возможно, я пристрастна. Это я помогла ему опубликоваться. Сам он, насколько мне известно, даже не собирался предлагать свои рассказы для печати. Ему пришло письмо, мол, кому-то из издателей они случайно попались на глаза в сети, и он решил продвинуть молодого автора, ну и попробовать подзаработать. Стю даже не поинтересовался размером гонорара. Вот тебе и творческая личность, и это при том, что растит дочь. Ему прислали пятьдесят копий, он их всем здесь подарил, несколько экземпляров лежат в библиотеке. Остальное я распределила по магазинам. Продаётся плохо, рекламы никакой, но всё-таки что-то расходуется.

– Не дай мне упасть, – задумчиво проговорил Эмиль. – Хорошее название.

– Всё как в жизни. Мы все однажды упадём, но если тебя кто-то держит, возможно, уходить будет не так страшно.

Когда она ушла, Эмиль ещё долго лежал с открытыми глазами в темноте и одиночестве.

НЕСУЩАЯ СТЕНА

Утро снова выдалось пасмурным. Вначале Эмиль думал продолжить исследования острова, но рассказ Глории не давал ему покоя. Рассудив, что у него оставалось достаточно времени, чтобы побывать везде, он позавтракал и отправился по знакомому маршруту. Дойдя до черепахи, он сел на скамейку, выбрав ту же, что и день назад, и достал из сумки книгу.

«По ночам Дон стал просыпаться от преска на чердаке. Он лежал и думал о том, что поддерживающие крышу стропила перестали выдерживать тяжесть, и кровля вот-вот рухнет, пробивая потолок, погребая его под собой. В конце концов, Дон одевался и лез на чердак. Он открывал тяжёлую железную дверь и долго бродил с фонарём, ощупывая деревянные балки. На чердаке царил идеальный порядок, но мыслей о крысах, с писком прокладывающих себе путь в чердачной пыли, избежать не удавалось. Вернувшись в квартиру, с колопящимся в груди сердцем, Дон ложился в ещё неостывшую постель. Тепло не помогало уснуть. Первый трамвай оглашал своим дребезжанием улицу, стакан на столе дребезжал в такт, и Дон представлял, как вибрирует, угрожая рухнуть, несущая стена дома».

Эмиль оторвал взгляд от страницы, вспомнил о своих утренних похмельных бдениях и продолжил чтение. Когда-то Дон был примерным семьянином, обладал стабильным заработком, хорошим

аппетитом и сном. Однажды, возвращаясь домой с работы, он засмотрелся на заходящее в багровом небе солнце и задумался о смерти. С тех пор на его жизнь легла тень. Всё, что он делал, казалось Дону бессмысленным, потому что рано или поздно он должен был исчезнуть. Не помогли ни визит к психиатру, ни разговор со священником. Дон всё больше уходил в себя. Жена оставила его, забрав детей, и тогда Дон начал побег от небытия. Свою квартиру он превратил в безупречно оплаженный автомат, ему казалось, что смерть могла прийти к нему через капающий кран или неисправную розетку. С ним перестали общаться друзья, коллеги на работе перешёптывались. Потом Дон пропал. Его обнаружили на чердаке, скончавшегося от сердечного приступа, сжимавшего в руке стакан. Перед смертью Дон прижимал его к балке, вслушиваясь в одному ему различимый треск.

Глория оказалась права. Бармен Стю был хорошим писателем, значительно лучшим многих из тех, чьи книги рекламировали в витринах магазинов. Одну за другой Эмиль глотал его короткие истории. Почти в каждой присутствовала доля гротеска, совсем немного, ровно столько, чтобы подчеркнуть идею. Бармен писал о простых вещах – жизни, смерти, скуке разделённой любви и буйстве неразделённой. В его рассказах не было географических названий, упоминаний торговых марок, имён исторических деятелей. Города назывались просто городами, а реки реками. Эмилю не приходило в голову сравнивать истории бармена со своими собственными сюжетами, они лежали в параллельных вселенных.

На этот раз очарование вымысла оказалось сильнее голода. Эмиль встал со скамейки только тогда, когда дочитал последнюю страницу. Спрятав книгу, он отправился в бар. К обеду он опоздал, но офици-

антка, не Анна, невысокая блондинка по имени Сюзан, всё же принесла ему поднос с едой. Поев, Эмиль подошёл к стойке. Стю задумчиво протирал стаканы, глядя в окно, за которым начинал стучаться туман.

– По всем признакам завтра должен пойти дождь, – негромко произнёс бармен.

– Вы думаете?

– Я работаю здесь уже три года. Осенью так всегда: вначале опускается туман, потом идёт дождь. Льёт здесь, правда, недолго, обычно ограничивается одним днём.

– Глория из приёмной посоветовала мне прочитать вашу книгу.

– Да, она всем её рекламирует, – Стю улыбнулся, его седые волосы серебрились в неярком электрическом свете. – И как вам?

– Честно говоря, я в восторге. Проглотил на одном дыхании.

– Правда? Приятно. Там, в сущности, не так много, я ведь пишу для себя, балуюсь. Когда обслуживаешь людей, мыслей особо нет, но потом люди уходят. Ты остаёшься в одиночестве и, чтобы себя занять, начинаешь что-то придумывать. Иногда эти выдумки увлекают, и приходится их записывать. Жалко, если пропадут, хочется поделиться с кем-то.

– А как вам удалось опубликоваться? – Эмиль подумал о Глории и своей несостоявшейся славе сетевого литератора.

– О, это интересная история. Я выкладывал рассказы в сети, о них вообще немногие знали, в основном друзья. И вдруг мне приходит письмо от издателя, это было, когда я уже работал здесь. Он предложил издать мою книгу, заплатил деньги и прислал пятьдесят экземпляров. Остальной частью тиража он имел право распоряжаться по сво-

ему усмотрению, не знаю даже, как он с этими книгами поступил.

– И вы согласились?

– Не раздумывая. До сих пор не понимаю, кого вообще могло это заинтересовать.

– Разве вы не считаете, что хорошо пишете?

– Дело не в этом. Я вообще не воспринимаю себя в качестве писателя, просто делаю то, что нравится, отвлекает. Мне просто всегда казалось, что чтобы стать популярным, нужно о себе заявлять, себя рекламировать. А я не хочу ничего никому доказывать, понимаете?

– Кажется, да, – сказал Эмиль, вспоминая шефа и секретаршу Лину. – Это как доказывать, что можешь стать достойной частью команды, поднять уровень продаж. Меня это тоже всегда раздражало.

– Вот видите. Я даже друзьям стараюсь не навязываться. Хочется, конечно, поделиться, очень хочется, особенно на первых порах, когда только закончил. Вкладываешься, эмоции текут, думаешь, не зря же всё это должно быть. А потом представляешь, как переводишь всё время разговор на своё, возьми, прочитай, а у человека ведь своя жизнь. Может, ему плохо в это время, или радость какая-то случилась, ему совсем не до тебя.

– Я заметил, у вас действие будто в каком-то параллельном мире происходит, очень похожем на наш, но другом.

– Знаете, Глория тоже мне это говорила и ещё несколько людей. Это как-то само собой получается. Не то чтобы мне не нравилась наша жизнь, просто иногда хочется чего-то другого, абстрагироваться от привычного. Хотя идеи как раз из быта и рождаются. Помню, шёл я однажды зимой по улице, очень холодно было, снег. Мне навстречу шла женщина, лет шестидесяти, хорошо одетая, ухоженная. И вдруг она останавливается, достаёт что-то

из сумки и подносит к губам. Я сразу подумал о фляге с коньяком, и пошла мысль. Оказалось, это была пудреница, но дело не в этом. Представляете, история такой себе благообразной дамы, состоявшейся, с внуками, которая иногда на время выпадает из жизни. Почему она это делает? Интересно, не правда ли?

– Ещё бы. А что же по поводу сверхзадачи, идейного содержания, что вы хотите донести до жаждущего истины читателя? – Эмиль комически поморщился.

– Истина... – бармен опустил глаза, вода тряпкой по стойке. – Я понимаю вашу иронию. Об истине я ничего не знаю. Есть, наверное, люди, которые её видят, но не я. Всё ведь индивидуально. Есть мнение, что смысл жизни ищут молодые нации. Старым это не нужно, они давно поняли, что смысл в одном: вырастить детей и проводить родителей. Первым я занимаюсь сейчас, второе уже в прошлом. Мне нравится работать в «Доме солнца», воспитывать дочь, а на досуге я наблюдаю за жизнью. Не знаю, тот ли это ответ, который вы хотели услышать.

Они замолчали. Туман за окном плыл седыми космами. Эмилю хотелось курить, но он оставался у стойки, полируя пальцами деревянную поверхность.

– Вы здесь уже три года, – неожиданно сказал он. – Глория появилась позже вас?

– Мы оба старожилы, работаем с самого открытия. У нас таких три четверти штата. Кто-то уходил, но большинство держится за это место. Мы его полюбили.

«Оно не даёт вам упасть», – прошептал Эмиль, выходя из бара. Впервые с момента приезда он покинул «Дом солнца». Идя по мосту, он курил, и дым уплывал, становясь частью тумана. В городе Эмиль долго гулял по узким улочкам, останавливал-

ся у старинных каменных зданий, наблюдал за течением реки на набережной. «Я ведь едва не поверил в её сказку, – раз за разом приходило ему в голову. – Я спрашивал бармена о ней, а, значит, готов был поверить». Несущая стена реальности вибрировала, дерево трещало. Вечером он пообедал в городском кафе и, минуя бар, вернулся в свой номер. Щёлкая замком двери, он желал не открывать его до утра, не отзывать на ночной стук. Но у него не вышло.

ИДЕАЛЬНАЯ ЛОЖЬ

Юный компьютерный гений, переживший грандиозный скандал, порицание общественности, пресск и увольнение, наслаждался заслуженным покоем. Закат рдел обещаниями будущего. На заднем плане эксплуататор-шеф, потирая синяк на лысине, исходил ядом. Глория тихо смеялась, а Эмиль вспоминал рассказы бармена, ощущая всю ничтожность своей лжи.

– И что с ним будет потом?

– Не знаю. Скорее всего, в тот же вечер закатит грандиозную попойку с друзьями, станет бегать по квартире, размахивая компьютерным железом. Подозреваю, больших денег он в будущем не зарабатывает, но собой останется.

– Возможно, в этом и вся суть. Ему, кстати, пошло бы твоё имя. Тебе оно нравится?

– Никогда об этом не думал. Всегда воспринимал его как-то отстранённо. Нейтрально, наверное. Хотя вообще Эмиль – это глава отряда повстанцев где-нибудь в сельве. Они борются с правительством, нападают на оружейные склады, собирают людей, чтобы идти на столицу.

– А Глория его боевая подруга, рука об руку до конца.

– Глория или смерть.

– Вот-вот. В конце солдаты загоняют их на край обрыва, и они прыгают в пропасть. Банально, но это тот самый случай. Хорошо, а что ты скажешь по поводу имени Конрад?

– Конрад... – Эмиль помычал. – Ну, Конрад – это старик, помесь учёного и философа. У него в комнате куча книг, всякие колбы, реторты. В городе чума, жгут трупы...

– Ты уверен, что трупы зачумленных можно сжигать?

– По-моему, да, не важно сейчас. Так вот, кругом огонь, дома заколочены, на улицах люди в чёрном, а он сидит и пишет трактат. Трактат, конечно, никто никогда не увидит, но он продолжает, потому что так легче ждать смерть. Как вариант, он мечтает оставить потомкам своё открытие, надеется, что его записи потом обнаружат.

– А комната находится в башне. Маленькой башне, откуда видны все эти пожары и трупы.

– Можно и в башне. А к чему вопрос?

– Нет, на самом деле Конрад пожарный. У него усы, широкие плечи, он весь блестит. Когда он проходит по городу, женщины укладываются в штабеля, а перед этим закрывают глаза, слишком сверкают его шлем и аксельбанты.

– Какие аксельбанты? Это вообще не отсюда. И ты не ответила на мой вопрос.

– К тому, что ты почти угадал. Только на самом деле Конрад художник.

– Само собой, а у тебя, похоже, сегодня был тяжёлый день.

– Сейчас поймёшь. У нас здесь есть маленький музей, выставка картин. Это здание с башенкой, совсем небольшой, но её хорошо видно из окна моей квартиры в городе. Если я ночую там, то по утрам всегда смотрю на эту башню, такой себе ритуал. Меня это успокаивает, если хочешь. Картины на-

писал один талантливый человек по имени Конрад. Он погиб в автокатастрофе, совсем молодой, не было даже тридцати. Мне рассказал о нём Ян, просто так, даже не в связи с «Домом». Я посмотрела фотографии в сети и попросила связаться с его матерью. Она замечательная женщина, и у неё ничего не осталось, кроме памяти о сыне. Ян предложил ей устроить здесь постоянную выставку картин Конрада. Я знала, что она согласится. Построили здание в два этажа. Башню придумала я, мне показалось, что ему бы это понравилось. Ада, мать, живёт там же, для неё сделали комнату. Летом там замечательно. Стоишь в башне, смотришь на реку, на город, мимо пролетают птицы...

– А ты умеешь рассказывать, завтра обязательно схожу посмотреть.

– Мы здесь все по-своему рассказчики. Ты читала книгу Стю?

– Ты была права. Полный восторг.

– Даже с точки зрения профессионального писателя?

– Даже с неё.

– Спрашивал у него обо мне?

– С чего ты решила, что я с ним разговаривал?

– Я предположила. Когда тебя что-то впечатляет, то обычно хочется выплеснуть эмоции, а тут у тебя была возможность пообщаться с автором.

– Да. Я говорил с ним, узнал много интересного. В чём-то мы похожи. Потом долго гулял в городе, думал о прочитанном.

– Так ты спрашивал обо мне?

– Спрашивал. Он сказал, что вы оба работаете с самого начала.

– Так и есть. Я же говорила, что тебе ничего не удастся узнать.

– Не сказать, чтобы я пытался.

– Что же ты тогда делал? Ладно, это совершен-

но естественно, на твоём месте я бы тоже не поверила. Ты никогда не пробовал писать детективы? Идеальное преступление, ложь, которую нельзя раскрыть, там это, кажется, любят.

БАШНЯ ХУДОЖНИКА

«Она замечательно всё продумала, – бормотал Эмиль, идя под дождём, – идеальная ложь. Никакого заговора молчания, просто никто ничего не знает, кроме мэра. Интересно, скольким людям до меня она всё это рассказывала? Кто из них ей верил? Зачем?».

С неба лило. Не выносивший зонтики Эмиль шагал по мокрому гравию с поднятым капюшонном куртки. Впрочем, зонтика у него не было даже дома. Шум дождя напоминал об одиночестве, стена воды словно бы навсегда отрезала остров от окружающего мира. Эмиль представлял, как в домиках с номерами люди смотрели из окон на город, думая, стоило ли жалеть о том, что там осталось. Здание галереи находилось на возвышении у реки. Двухэтажное строение венчала башня, вытянутая, с двумя окнами и шпилем. Эмиль позвонил в звонок у массивной двери. Послышался шум шагов, дверь отворилась, и на пороге появилась женщина.

– Заходите скорее, промокнете.

– По-моему, больше уже некуда, – улыбнулся мокрыми губами Эмиль, входя внутрь. Женщина была одета в джинсы и серый свитер, прямые светлые волосы забраны в хвост, и только морщины на лице говорили о том, что ей, вероятно, уже перевалило за шестьдесят. Закрыв дверь, она взяла Эмиля за рукав.

– Вы, похоже, не любитель зонтиков. Впрочем, большинство приезжают сюда, думая, что у нас здесь заколдованное королевство, где никогда

не идут дожди. Снимайте куртку и проходите в гостиную направо. Я сделаю вам чай, согреетесь, а потом будете всё осматривать.

– Женщина исчезла, и Эмиль остался один в комнате со старинной мебелью, настенными светильниками и толстым коричневым ковром. Оглядевшись по сторонам, он пододвинул к себе одно из двух кресел и расположился за накрытым кружевной скатертью столом. Вошла женщина и поставила на стол поднос. Перед Эмилем возникла исходившая паром чашка, блюда с необычного вида печеньем. Эмиль осторожно отпил горячую жидкость с травяным привкусом и довольно звякнул краем чашки о блюде.

– Я понимаю, вы не ожидали посетителей в такую погоду.

– Честно говоря, нет, хотя я всегда рада гостям. Меня зовут Ада.

– Эмиль.

– И что же вас, Эмиль, выпатило из номера в дождь? Вы ведь живёте в «Доме солнца»?

– Да, я приехал совсем недавно. Мог бы, конечно, сегодня никуда не выходить, поиграл бы сам с собой в шашки, например, времени у меня ещё достаточно. Но не удержался. Глория из приёмной очень хвалила картины вашего сына. Да и дождь я люблю, хотя больше за ним наблюдать, чем мокнуть.

– Глория весьма приятная девушка, она часто сюда заходит. Иногда мы тоже с ней сидим за чаем. Знаете, у меня здесь есть всё для комфортной жизни: спальня, кухонька, вот эта гостиная. В библиотеке я беру книги. А в левом крыле выставка, она продолжается на втором этаже. Глория рассказывала вам про башню? Обязательно поднимитесь туда. Я, кстати, тоже люблю дождь. Когда он идёт, мысли становятся яснее, и не так печально, будто кто-то печалится вместе с тобой.

– Вам не одиноко здесь?

– Совсем нет. Главное, что сюда приходят люди посмотреть на картины Конрада. Знаете, я ведь всегда была атеисткой. Сомневаюсь, что он сейчас смотрит откуда-то на эту башню и радуется. Но для меня это действительно важно. Он так много вкладывал, когда работал, так переживал. Было бы очень обидно, если бы никто этого не увидел. Конечно, Конрад продавал свои работы, у кого-то они есть, но здесь я могу наблюдать, как люди на них реагируют. Если хотите, я включу музыку. Она негромкая, создаёт атмосферу, её специально подбирали.

– Конечно, с удовольствием.

Когда Эмиль допил чай, Ада проводила его в галерею. Он медленно шёл по ковровой дорожке, рассматривая висевшие на стенах картины. Звучала музыка, размеренная, меланхоличная. В неё можно было не вслушиваться, она сама проникала в сознание, будя в нём зыбкие образы. Эмиль ничего не понимал в изобразительном искусстве, технике, стилях, нарисованный им круг больше походил на квадрат. Главным для него был сюжет, всё та же история, переданная на холсте. Большинство историй Конрада казались незапёклыми – кусочек лилового предгрозового неба между волнующимися ветвями деревьев, бегущая на закате по степи лошадь, девушка-подросток, пристально изучающая своё отражение в воде пруда. И всё же Эмиль оставался, замирал перед картинами, погружаясь в мысли, уплывая в несуществующие миры. Глядя на карандашный рисунок крестьянина с косой, одиноко бредущего по полю под дождём, Эмиль вспомнил, как впервые ехал в поезде один. Родители посадили его в купе, заставили повторить за ними множество наставлений, в сотый раз озвучили, что следующим утром на перроне его будут ждать бабушка с дедушкой, и, наконец, ушли. Вначале было

жарко, солнце било в окно, а потом небо постепенно обложили тучи. Пошёл дождь. Эмиль смотрел на бесконечные поля за стеклом, на мокрую зелень деревьев и думал, что мог бы ехать так вечно.

На второй этаж вела узкая винтовая лестница. В самом конце выставки Эмиль увидел ещё две двери. За одной находилась библиотека. Книги на стеллажах располагались в алфавитном порядке, в воздухе стоял сладковатый запах бумаги. Эмиль гладил корешки, листал страницы, читал названия, знакомые и впервые увиденные. Здесь был и сборник бармена Стью, и Эмиль улыбнулся книге, как старой знакомой. За второй дверью начиналась ещё одна лестница. Она привела Эмиля в башню. В маленькой комнатке стоял стол. На нём лежал альбом в зелёной обложке без надписей, несколько карандашей и ручек застыли в прозрачной колбе. Эмиль подошёл к картине на стене. Замок на клочке суши со всех сторон окружала вода. На самом верху мужчина у ограждений смотрел вдаль. Капли дождя барабанили в окно башни, и Эмиль прижался к стеклу лбом. Он представлял, как силуэты птиц прорезают дождевую пелену на фоне бесконечно далёкого города, и у него сжало горло. Он догадался о назначении альбома, ещё не открыв его. С минуту он смотрел на чистую страницу, а потом размашисто вывел: «Спасибо, Ада. Надеюсь, он всё же посмотрит». Эмиль знал, что потом ему, возможно, будет стыдно за свой порыв, но это будет потом. Он спустился вниз, поблагодарил хозяйку галереи, отказался от предложенного зонтика, попрощался и вышел за дверь. Дождь немного утих. Эмиль выкурил сигарету, прикрывая её рукой от капель, и отправился в номер. Там он лёг на кровать и стал перечитывать рассказы бармена. Потом он уснул прямо посреди предложения. Пальцы разжались, и книга мягко легла ему на грудь.

ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

«При росте в метр пятьдесят восемь мать Кристины весила несчастных сорок пять килограмм, обладала бантикообразным ртом, носом-пуговкой и выбеленными кучеряшками. В любовниках у неё, напротив, ходили исключительно крупногабаритные особи – брюхатые владельцы отвислых задов и щёк. Надолго любовники не задерживались, исчезая из квартиры где-то полгода спустя своего там появления. После каждой такой передислокации оскорблённая женщина воздевала руки к потолку и, округлив рот буквой «о», выдавала пафосный спич на тему «За что?». На поиски следующего самца, достойного занять место на раскладном диване, у неё обычно уходило не более месяца».

Эти спрочки Эмиль выучил наизусть. Однажды ему в голову пришла история школьной выпускницы Кристины, настолько яркая, что он даже сел её записывать. Дальше первого абзаца дело не продвинулось, и всё же Эмиль по-прежнему считал свой сюжет стоящим. Кристина обладала лишним весом, не отличалась хорошими манерами и больше всего на свете любила читать. Её страдавшая непроходимой глупостью мать собиралась при помощи одного из своих любовников запихнуть дочь в театральное училище, чтобы та сделала карьеру, играя роли провинциальных простушек. Кристина же мечтала уйти из семьи и работать продавщицей в винной лавке единственного друга, пожилого жизнерадостного горца. По дороге на экзамен Кристина заходила в лавку, выпивала там первый в жизни стакан вина и долго бродила по улицам. Появившись перед приёмной комиссией, она неожиданно для самой себя читала на память одно из своих любимых стихотворений и в ответ на отеческую похвалу председателя посылала его в задницу. Эмиль сочувство-

вал этой девушке, ненавидевшей собственное тело, не хотевшей жить навязанной ей кем-то жизнью. Порой, думая о Кристине, он желал ей осуществить её мечту и при случае отправить по знакомому адресу родительницу.

– Позавчера был отец-тиран, сегодня дура-мать, – сказала Глория. – Психоналитики точно не останутся без работы.

– Честно говоря, я об этом даже не задумывался. Сомневаюсь, что они бы много накопили, изучая моё прошлое. Отец – военный, конечно, пытался приучать к дисциплине, но, надо отдать ему должное, понял, что я не тот человек, и перестал ломать. Мама заботливая, всю жизнь посвятила семье, очень переживала из-за развода. Когда-то она казалась мне очень простой, знаешь, из серии «я счастлива, если счастлив муж». Потом я понял, как это непросто. Подстраиваться, округлять углы, и всё это годами, не каждый так сможет.

Мешая правду и вымысел, Эмиль рассказывал Глории о своём прошлом. Он говорил о женщинах, с которыми сходил и расходился, о давних конфликтах с отцом, о том, как однажды застал плачущую мать на кухне и понял, что это было из-за него. Он говорил об Анне, которую называл своей женой, потому что не знал, как выпутаться из облепившей его паутины лжи. Он говорил и думал, что не хотел быть один и не хотел жить семьёй, не понимал, как у людей получалось не возненавидеть друг друга за годы совместной жизни. Он говорил, словно подсудимый, пытающийся в последнем слове рассказать судьям о том, что никто так и не смог понять в ходе процесса. Он закончил. Глория села рядом с ним в кровати, поджав под себя ноги.

– Помнишь, я рассказывала тебе, что попала в реанимацию? Был один человек, есть, скорее всего, это всё из-за него. Мы познакомились в ночном

клубе. Мне было шестнадцать, ему двадцать пять. До этого я уже плотно гуляла. Ничего серьёзного, сверстники, мужики постарше. Я ни о чём не задумывалась, мне казалось, жизнь нужна для того, чтобы ловить кайф. Впрочем, об этом я тоже не задумывалась. Он всё перевернул. Дело не во внешности, мускулах, они у него были, кстати, не в сексе даже. Он оказался сильнее. С другими всё казалось проще некуда, ночь, другая, разбежались. Кто-то влюблялся, забрасывал сообщениями, я их даже не читала. А он изучал. Жизнь, людей, меня, исследовал, анализировал, а потом распатывал. Представь, как учёный рассматривает под микроскопом бабочку, что-то записывает, а потом кидает на землю, растирает ногой и говорит: «Это уже было, скучно». Он мог долго целоваться со мной, а потом отстраниться, посмотреть в глаза и спросить: «А зачем ты закрываешь глаза? Ни у кого ответить не получилось, может, ты объяснишь?». А я шла за ним, как под гипнозом. Понимала в глубине души, что это плохо кончится, но шла. Когда отец отправил меня за границу, я даже не закатывала истерику, просто знала, что скоро вернусь. Не ходила на занятия, пила и писала ему в сети. Он даже заключил со мной пари, говорил, что быстрее, чем через год, мне не вырваться. Я выиграла, на радостях обдолбалась. Он, к слову, ничего сильнее алкоголя не употреблял, берётся. Потом он меня бросил. Просто позвонил и сказал, что всё кончено, что уезжает куда-то по делам, он занимал какой-то пост в строительной компании. Я прилетела к нему домой, ломилась в дверь, разбила в кровь руки, царапалась. Он не открыл. Следующим вечером меня уже откачивали. Когда я оклемалась, то узнала, что он действительно уехал. Надолго. Возможно, навсегда. Уехал продолжать свои исследования. Когда я немного пришла в себя, страх

смерти отступил, по стала с ним спорить, в голове, конечно же. Доказывала, обвиняла, произносила все слова, которые мы никогда не проговариваем в нужный момент. А если бы и проговаривали, что это могло бы изменить? Внутренний ад. Миллионы людей проходили через такое до тебя, но разве от этого становится легче? Я чувствовала себя униженной, голой, без кожи. И знаешь, я по сей день задаю себе вопрос: «Почему люди закрывают глаза, когда целуются?».

Они долго молчали. «Ты хорошая», – в какой-то момент прошептал Эмиль и погладил Глорию по плечу. Он не знал, что сказать. Движение было неловким, словно кто-то пытался подступиться с тряпкой к драгоценной вазе.

– Ты многого обо мне не знаешь, вернее, не представляешь. Ты тоже хороший, раз так. Хороший человек, но мог бы быть лучше. Это из одной песни, я позже тебе расскажу. Всё дело в эйфории. Мы придумали много слов, любовь, страсть, вдохновение, но по сути это всё та же эйфория. Иногда без неё нельзя, но чаще она разрушает. Ты внушаешь кому-то надежды, ломаешь, а когда презвеешь, ничего исправить уже нельзя. В первое время после смерти отца мне казалось, что я смогу перед собой оправдаться, искупить вину, перестать ею дышать. Это прошло. Иллюзии прошли. Нам нужны иллюзии и костыли. Жизнь без них тяжело, зато такого человека нелегко сломать, он уже готов к худшему. Свою эйфорию я пережила. Ты, кажется, тоже.

Эмилю казалось, что молчание длилось несколько часов. Он надеялся, что Глория не уйдёт, и долго лежал с этой мыслью. Потом он стал погружаться в сон, и на самом краю Глория потрясла его за плечо.

– Успеешь выспаться без меня. Набирайся сил, завтра вечером у нас концерт. Приезжает одна

классная группа, они здесь часто играют. Обрати внимание на вокалистку, она запредельная, глаз не оторвать. Отдыхай.

После того как закрылась дверь, Эмиль пытался задержаться на краю, но очень быстро сдался и разжал пальцы.

РАЗРУШИВШИЙ ВСЁ

С утра светило солнце. О вчерашнем дожде напоминали только лужи и мокрая земля. Позавтракав, Эмиль отправился в город. Там он сел на автобус и поехал куда-то на окраину, где долго бродил, вдыхая сигаретный дым, иногда останавливаясь передохнуть на попадавшихся на пути скамейках. Разгребая ботинком гору опавших листьев, он осознал, что с момента приезда ему никто не звонил. Эмиль поразмыслил и не удивился. У него мелькнула мысль набрать номер матери, и он уже потянулся к телефону, но рука замерла в воздухе. Эмиль не представлял, что будет говорить. Отдельваться общими фразами не хотелось, рассказывать о происходящем он не был готов.

Когда Эмиль вернулся в бар, там уже почти не оставалось свободных мест. У дальней стены возле окна трое музыкантов возились с инструментами. На полу стояла ударная установка, громоздились колонки. Один из музыкантов откинул с лица светлые волосы, и Эмиль увидел, что это была девушка. В начале девятого появилась Глория. Поймав взгляд Эмиля, она коротко кивнула ему и направилась к стойке. Они обменялись несколькими словами со Стью, тот ненадолго скрылся за дверью подсобного помещения и вышел, держа в руках высокий трёхногий табурет. Глория села, глядя на импровизированную сцену, время от времени опечая на приветствия проходивших мимо гостей.

Когда музыканты появились перед аплодирующим залом, Эмиль вспомнил слова Глории. От невысокой девушки с бас-гитарой у микрофона действительно невозможно было оторвать глаз. Всю левую щеку её затягивала плёнка ожога, притягивая взгляд, заставляя задумываться, как она жила, как реагировала на поворачивающих головы прохожих. Барабанщик дал счёт, и они понеслись. Гитарист посылал в зал волны густого, окрашенного в тёмные цвета звука, бас пульсировал, извиваясь и ломаясь на фоне мощного бита. Потом басистка запела, и Эмиль замер, перестав поворачиваться в сторону Глории, перестав смотреть на чётко вырисовывавшийся в электрическом свете профиль. Голос, сильный, низкий, почти мужской, парил над музыкой, донося каждое слово. Голос пел ему о всё оправдывающем внутреннем адвокате и о «давай останемся друзьями», словах, перечёркивающих то, что было. Он пел о старшем брате, ненавистном цензоре и эталоне, и о хорошем человеке, который мог бы быть лучше. Где-то в середине концерта к микрофону шагнул гитарист. Музыка изменилась, стала мягче, барабанщик акцентировал слабую долю, заставляя вспомнить далёкие острова, где под раскалённым солнцем люди пели песни отчаяния и надежды. Эмиль слушал историю юноши, смотрящего на руки женщины, в которую юноша был безнадежно влюблён. На безымянном пальце сверкала узкая золотая полоса. Эмиль вдруг понял, что когда всё закончится, он сядет за стол и напишет рассказ, первый в своей жизни. Он сделает это, иначе всё не имеет смысла. Он слушал и видел юношу, разминавшего пальцами глину во дворе мастерской. Солёный ветер с моря перебирал листья оливкового дерева. К стволу прислонилась молодая женщина в длинном свободном платье. Она с улыбкой смотрела на работу юноши, временами поправ-

ляя ученика. Кольцо на пальце сияло в солнечных лучах. Женщина вспоминала, как предыдущим вечером рассказывала мужу о юноше за бокалом вина. Она знала, что он был влюблён в неё. Госпожа смотрела на слугу, метавшегося между водоворотом и чудовищем с шестью пастями, жалела его и наслаждалась своей властью. «Этот мальчик однажды разрушит всё», – сказал ей муж, внезапно посуровев лицом. Женщина беспечно улыбнулась в ответ. Пройдёт время. Одним днём она увидит своё лицо из алебастра, итог бесконечных ночных бдений, и с ужасом осознает, что слуга стал господином.

Группа сыграла последнюю песню. Добавить было нечего. Зрители аплодировали, слышались крики, кто-то в восторге свистел. Эмиль не стал дожидаться выхода «на бис», переполненный до краёв и одновременно выжатый. Стараясь не смотреть в сторону Глории, он покинул бар, жадно запрягиваясь по пути к домику номер четыре. «Когда всё закончится», – басовыми нотами пульсировало у него в голове. «Когда всё закончится...».

ТОЙ НОЧЬЮ

Той ночью они говорили обо всём. Об ожоге на лице басистки и разбивающихся на карнизе каплях дождя, о ковырянии в носу, когда тебя никто не видит, о запахе книг и страхе. «Я не хочу уйти непонятой, – сказала Глория. – Потом мне будет всё равно, но я не хочу». Эмиль промолчал. Он думал о грузе вины, который она несла на плечах, о том, что она заслужила понимание. «Заслуживаю ли я?», – спрашивал он себя. Вопрос оставался без ответа. Той ночью она ушла от него перед самым рассветом.

УХОД ОСЕНИ

Дни бежали, оставляя Эмилю ощущение нереальности происходящего. Он много гулял по «Дому солнца», совершал вылазки в город, рассказывал Глории истории. «Кто у тебя был до меня?», – спросил он одной ночью. «Ты же на самом деле не хочешь знать», – ответила она, и Эмиль сжал кулаки, охваченный приступом ревности. Во время своих прогулок по дорожкам и улицам он вспоминал. Он думал об эйфории, воссоздавая в памяти лица женщин, с которыми был, думал о родителях. Эмиль не звонил им неделями, а потом, подгоняемый чувством вины, хватался за трубку, пытаясь заполнить пустоту. Стоя на берегу реки, он набрал номер матери.

– Привет, мама, прости, что давно не звонил.

– Здравствуй, сынок. Мы волновались.

– Мама, здесь много всего, по телефону не объяснишь. Я вернусь и всё обязательно расскажу, уже скоро.

– Мы ждём тебя.

Нажав на кнопку разъединения, Эмиль попытался представить, что ждёт его за этим «скоро», и увидел клубящийся над болотом туман. Их одиннадцатой ночью Глория рассказала ему о празднике. «Это будет послезавтра, – сказала она. – Вообще-то это день города, но все называют его прощанием с осенью. Как-то так сложилось. До зимы ещё есть время, но мы уже прощаемся. Так проще наслаждаться тем, что остаётся, словно получаешь от природы подарок. Ты должен пойти, там всегда собираются все наши. Погуляешь по ярмарке, купишь игрушечную мельницу и будешь крутить её на досуге». «Конечно, приду», – сказал Эмиль. В день ярмарки он проснулся поздно, слишком поздно даже для самого позднего завтрака. «Дом» был пуст, двери бара закрыты. Эмиля охватило ощущение, что он про-

пускает нечто важное. Он начал движение, шагал сначала медленно, а потом перешёл на бег. Эмиль пробежал через мост, нарушая тишину стуком ботинок по бетону, привычно свернул направо. Городского парка он достиг за пять минут. Его встречали люди, много людей, они переговаривались, смеялись, и воздушные шары взлетали над ними, как разноцветные ракеты. Замедлив бег, Эмиль оказался в толпе. Откуда-то ему махали Ник и Лана, Ада, смеясь, пожимала руку кого-то в костюме человека-мороженого. Он видел официантку Анну, которую обнимал за талию ещё более широкоплечий кавалер, видел бармена. За руку Стю уцепилась девочка с пугими косичками. «Интересно, он сам их заплетает?», – промелькнуло и сторело в сознании.

Внезапно собравшихся всколыхнуло. Один за другим люди потянулись в сторону остатков старой крепости. Подхваченный потоком, Эмиль двинулся с ними. Между двумя пустожерлыми пушками соорудили сцену. На её заднике маленький мальчик с увесистым рюкзаком за спиной махал солнцу. С неба падали жёлтые листья. По толпе прошёл гул. По деревянным ступенькам на сцену поднимался мэр. Несмотря на прохладу, он был одет почти так же, как и на плакате. Мэр остановился у микрофона, обвёл глазами людей, что-то сказал, и внезапно Эмиль увидел Глорию. Она стояла в стороне, опершись о ствол дерева, напоминая госпожу из пока ненаписанного рассказа. Мэр сказал ещё что-то, и в этот момент Эмиль увидел, как он кивнул Глории, совсем незаметно, не сделав и крошечной паузы между словами. Эмиль поймал взглядом ответный кивок хозяйки приёмной, такой же короткий, наполненный таким же смыслом. Сражающаяся с собой сомнамбула, Эмиль попытался попятиться, и тогда Глория, повернув голову, заставила его застыть неподвижно. Они долго смотрели друг

на друга. Эмиль вспомнил, что сигареты остались в номере, и понял тех, кто был готов отдать жизнь за затяжку. Потом Глория пронулась с места. Ему казалось, она шла медленно-медленно, словно увязая в не желающей пускать её дальше земле. Эмиль увидел её улыбку, ещё раз пожалел об оставленных сигаретах и приготовился ждать.

И традиционное спасибо. Андрею и Саше за голову шефа. Группе «Нижний свет» за порицание общественности. Dem SI за рисунки. Группе «Чиж и К» за нехитрую снедь и вино. Андре Моруа за рассказ «Отель «Танатос»». Дарье за убийц-любовников, блистательного пожарного и поддержку. Спивену Кингу за число 19. Группе «Tiamat» за бумажных человечков. Группе «Anathema» за предгрозовое небо. Группе «...и друг мой грузовик» за всё, включая хорошего человека. Группе «Police» за госпожу и слугу. Андрею за готовность пропагандировать. Маме и папе за то, что они есть. Гарику Сукачёву за Дом солнца. Спасибо.

ТРИ ДНЯ И ТРИ НОЧИ

ПРОЛОГ. ГЛАЗ

Меня зовут Шмерц, мне двадцать с гаком лет, за спиной моей диплом о высшем образовании, тысячи несыгранных нот и сотни литров выпитого алкоголя, впереди же расстилается сплошная неизвестность. Это напоминает книжки-раскраски с героями комиксов и мультфильмов, которые я очень любил, когда был ещё ребенком (при полном отсутствии способностей, подобным образом я, видимо, пытался реализовать свою тягу к изобразительному искусству). Так вот, несмотря на топ восторженный энтузиазм, с каковым я, как правило, начинал размалевывать различных Микки-Маусов и ниндзя-черепашек, мне редко удавалось довести дело до конца. Где-то картинке к десятой первоначальный запал обычно пропадал, и очередная книжка переключивалась в стопку аналогичных произведений масс-культуры, где благополучно забывалась. Намедни, зачем-то роясь в тумбочке, доверху набитой всяческим пыльным хламом, я неожиданно наткнулся на эти свои детские художества и некоторое время перелистывал аккуратно раскрашенные цветными фломастерами листы. Ближе к середине они внезапно обрывались, и следом шли сплошные белые страницы, с намеченными на них контурами персонажей. Контраст этот был настолько силен, что мне сразу же пришло в голову парадоксальное сравнение моей жизни с такой вот книжкой: до определённого момента мир для меня был полон острых эмоциональных ощущений, ярких красок и новизны, а затем совершенно неожиданно все это куда-то исчезло. Остались только спранные и насквозь фальшивые оболочки предметов, людей и чувств. Ещё я подумал тогда, что пресловутая пропажа

энтузиазма в процессе работы, ставшая на сегодняшний день одной из главных моих проблем, была знакома мне уже в детстве. Что ж, возможно, что и в эту пору я не чувствовал себя столь уж счастливым, хотя зачастую склонен утверждать обратное.

Всему тому, что я имею на данный момент, я обязан только себе, и именно поэтому рука моя ещё крепче впивается во влажное стекло пивной бутылки, а желваки ещё сильнее, чем обычно, ходят под кожей. Бесцельный скиталец в повитых алкогольным туманом пространствах, раскинувшихся где-то между днем и ночью, я вдруг слышу под своей ногой хруст чего-то маленького и, по видимости, очень хрупкого. Взгляд почти автоматически скользит вниз и натывается на полураздавленный пластмассовый глазик, скорее всего оторвавшийся от какой-нибудь игрушки. Пытаясь понять, откуда столь нехарактерный предмет мог появиться на полу моей квартиры, я напрягаю память и даже морщу от усердия лоб, являя собой преподобнейшую картину для спортивного наблюдателя: пожалуй, это сойдёт за нечто вроде роденовского мыслителя начала двадцать первого века. Наконец, до меня доходит, что после пятой бутылки пива КПД моего мозга явно находится не на уровне, необходимом для осуществления столь сложного мыслительного процесса, и я уже заносу ногу для следующего шага. В этот самый момент я вспоминаю о том, что какое-то время назад у нас гостили друзья моей матери вместе со своими маленькими детьми. Пресловутый же кусок пластмассы на полу – белый овал с нарисованным внутри синим зрачком в обрамлении чёрных ресниц (и где это они, интересно, видели такие глаза?) – несомненное следствие импровизированного футбола, который двое симпатичных близняшек (как бишь их там звали?) устроили в коридоре. Роль мяча

в их игре, помнится, выполняла небольшая плюшевая собачка. В обычное время это четвероногое служило яблоком раздора между братом и сестрой: каждому хотелось обладать собакой единолично, однако такая монополия была невозможна как в силу приблизительно одинаковой расстановки сил с обеих сторон, так и по причине весьма скромного материального положения их родителей. Наблюдая такие сцены, на собственном опыте понимаешь, насколько парадоксальной является детская психика. Предмет, за который брат был готов повыдирать сестре все волосы, а сестра в кровь расцарапать брату лицо, час спустя может оказаться на пыльном полу под ногами двух разгоряченных азартом спортсменов.

Все эти мысли проносятся у меня в голове с поразительной быстротой, создается даже ощущение, что я не успел сделать и одного шага, как они уже подобно метеориту прочертили мою голову слева направо, упали на огромную плечущую кучу своих предшественниц и теперь тихо умирают там, превращаясь в обугленные головешки. И, в самом деле, я всего лишь на каких-то полметра удалился от собачьего глазика, укоризненно поблескивающего в лучах вечернего солнца, падающих на паркет через большое окно в дальнем конце кухни. У меня вдруг перехватывает горло, и я начинаю медленно сползать по коридорной стенке вниз. Слезы уже вовсю текут из моих глаз, когда я достигаю пола, а рука тянется к треснувшей пластмассе, сжимает её, и в этот момент я начинаю рыдать в полный голос. Лицо перекашивается в жалкой гримасе, влага теряется в длинных прядях волос, налипших на мокрые щеки, и чувство упоения собственными страданиями мешается в душе со злобой на себя за них же. Я плачу навзрыд, плачу, неуклюже сцепив руки на груди, словно маленький ребёнок, обижен-

ный старшим товарищем, которого он боготворил. Наверное, я просто разучился это делать, что совершенно неудивительно, ведь последний раз у меня были слёзы классе эдак в четвёртом. В тот день, до предела взвинченный долгим отсутствием матери, я кое-как натянул на себя одежду и выскочил без шапки прямо на облитую льдом вечернюю декабрьскую улицу. И сейчас я прекрасно помню, как в свете фонарей бежал по гололеду неизвестно куда, просто чтобы не находиться одному в пустой квартире, где тишина комнат нащёптывала мне в уши жуткие вещи. Сначала я даже не чувствовал холода и, лишь остановившись перевести дух, ощутил, как мороз иглами впивается в задубевшие пальцы рук. Тогда я начал плакать от боли, страха и отчаяния и долго ещё не мог остановиться. Редкие прохожие с удивлением смотрели на десятилетнего ребёнка с непокрытой головой, утирающего сопли и слёзы со сморщенного лица, но никто из них не подошёл ко мне, чтобы узнать, в чём дело. Потом, не в силах больше терпеть холод, я как-то вернулся домой, а через некоторое время появилась и мать.

Я рос жутко закомплексованным и стеснительным, к тому же меня постоянно терзал страх за близких. Ужасно неуютно чувствуя себя в компании взрослых, я тем не менее всегда сопровождал маму, когда она отправлялась в гости. Остаться дома и подвергаться мукам неизвестности было для меня во сто крат горше пыткой, чем пристальное внимание маминых друзей и коллег. В тех же редких случаях, когда моё присутствие в той или иной компании было невозможным, я становился поистине невменяемым ещё задолго до назначенного срока возвращения. Что и говорить, если я боялся отпустить маму даже в булочную, находившуюся в каких-то полквартила от нашего дома. Наверное, в то время я исчерпал свой

лимип слёз на многие годы вперёд. С тех пор как моё внутреннее состояние относительно стабилизировалось и я перестал дрожать из-за долгого отсутствия кого-то из своей родни, не могу припомнить случая, когда бы мне доводилось по-настоящему плакать. Но сегодня плотину прорвало, и вот уже несколько минут я не могу прекратить рыдать. Странная смесь горечи и облегчения переполняет меня. Сидя на полу, я неотрывно смотрю сквозь застилающую взгляд пелену на глазик в моей ладони, но вижу почему-то совсем иные картины. Мне вспоминается тот самый день, когда я вернулся домой в крайней степени раздражённости и застал брата с сестрой (имена которых всё так же остаются невыясненными) за их игрой с плюшевой собачкой. Ни слова ни говоря, я прошёл через коридор к себе в комнату и с силой захлопнул за собой дверь, оставив враз потерявших всякий интерес к игре малышам в полном недоумении. Потом в мою комнату несколько раз заходила мама и просила дать маленькому Коле (Пете, Жене, Саше) поиграть в какую-нибудь компьютерную игру. Я огрызался и обвинял всех и вся в том, что в моём собственном доме мне не дают возможности спокойно поспать, да ещё и претендуют на компьютер, сломать который для ребёнка – раз плюнуть. Мама молчала, я кричал, сам себя при этом ненавидя, компьютер на столе щерился заставкой с лицом Йохана Эдлунда, окутанного густым сигаретным дымом. Когда же, некоторое время спустя, я случайно услышал, как моя родительница объясняет Коле-Пете-Жене, что компьютер трогать нельзя, и взамен предлагает какую-то из моих старых игрушек, мне захотелось выпить залпом стакан водки и в кровь разбить себе кулаками лицо.

Сегодня на вопрос: «Чего ты больше всего боишься на свете?» я бы, не колеблясь, ответил: «Себя».

Я сам выбрал эту поску, эти бессонные ночи и дни, полные постоянного напряжения, ослабить которое может разве что алкоголь. Я сам своими собственными руками разрушил то, о чём мечтал, и жалею об этом, но всё же не настолько, чтобы хоть что-то изменить. Мне жутко думать, что я не могу жить иначе, что для меня нет иного пути, что я такой, каким мне суждено быть навсегда. Но выхода нет, и ещё долго я сижу на полу в узком проходе, соединяющем прихожую с кухней, уперев ноги в противоположную стенку, размазывая влагу по лицу. Когда же я, наконец, поднимаюсь и, швырнув на комод согретый теплом ладони глазик, беру курс на свою комнату, за окном моего дома стоит непроницаемая, крошечная тьма...

Той душной летней ночью мне, разметавшемуся на нерастеленной кровати, привиделся странный сон из тех, которые совершенно не фиксируются впоследствии сознанием, а лишь оставляют поутру ощущение какой-то смутной потери, которую невозможно сформулировать словами. Нечто похожее, как мне кажется, испытывал герой майринковской «Королевы Брегена» с его видением унылого и мрачного болота. В этом сне я стремительно падал, приближаясь к какой-то белой пористой поверхности, чем-то напоминающей парафин. Не знаю, способен ли человеческий язык передать то, что я чувствовал при этом. Наверное, ближе всего к описанию подобного состояния ощущение, рождающееся, когда проводишь пальцами с только что остриженными ногтями по ворсистой обивке дивана, однако и такая аналогия является весьма и весьма приблизительной. Это было похоже на некий внутренний зуд, а самое ужасное заключалось в том, что я всё никак не мог упасть окончательно. Создавалось впечатление, что парафиновая твердь всё время отдалялась от меня со скоростью, при-

близительно равной скорости моего падения. При этом я был абсолютно уверен в том, что расстояние до белой поверхности с каждой секундой сокращалось, однако, вопреки всем законам физики, я продолжал свой гротескный полёт в волокнистой атмосфере. Тут мне в голову пришла мысль, что так может продолжаться бесконечно, и от неё я внутренне содрогнулся. «Ад – это повторение», – вспомнил я фразу, вычитанную, кажется, у Кинга, и ощутил безумное желание заорать во весь голос. И вот в тот самый момент навалившегося на меня безудержного страха перед неизбежным я услышал голос.

Как и положено по всем канонам, он шёл оповсюду, но при этом в нём напрочь отсутствовали пресловутые грозные и обличительные интонации, свойственные третьесортным голливудским ужасникам. Напротив, голос этот звучал абсолютно нейтрально. Я отнюдь не хочу сказать, что в нём было что-то механическое, то, что в сайенс-фикшн используют как штамп, чтобы показать некую чужеродную и бесконечно далёкую от человека субстанцию. Нет, голос в моём сне был именно бесцветным, лишённым не только интонационной окраски, но даже тембра, и невозможно было сказать, кому он принадлежит – мужчине или женщине. Объяснение это никуда не годится, оно и близко не передаёт сути услышанного мной, однако я сомневаюсь в том, чтобы кто-нибудь другой смог бы выразиться точнее, ведь описать то, чему нет аналогов в реальной жизни, невозможно. Впрочем, так, наверное, мог бы звучать глас Божий.

При первом же звуке, наполнившем собой окружающее пространство, со мною произошли резкие метаморфозы. Падение прекратилось, и я, вновь опрокидывая один из основных постулатов старушки физики, завис приблизительно в нескольких метрах

от парафиновой равнины. Не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, я чувствовал себя словно бы завёрнутым какими-то гигантскими инопланетными пауками в плотный кокон. Все попытки что-либо изменить оставались бесплодными, ведь тело моё просто-напросто перестало слушаться команд, подаваемых мозгом. Невероятным напряжением всех сил организма я ещё раз попытался сдвинуться с места, и тут до меня начал доходить смысл того, что говорил голос. Впечатление от услышанного было настолько сильным, что я мгновенно позабыл о своих трепыханиях и полностью сконцентрировался на смысле слов, рождавшихся неизвестно где, сразу же взрывавшемся в моей голове мириадами блестящих осколков.

«Цена счастья проста. (Ещё один парадокс. Несмотря на то что прислушиваться к произносимому голосом я стал явно не с начала, у меня совершенно не возникло ощущения чего-то пропущенного.) Ты получишь то, о чём мечтаешь, если хотя бы раз за следующие три дня и три ночи послушаешься своего сердца. Сделай то, что должен сделать, и освободишься. Помни, цена счастья проста».

Дальнейшие события разворачивались с невероятной скоростью. Осколки последнего слова ещё не успели впиться изнутри в кости моего черепа, как до меня дошёл смысл сказанного, отчего всё тело от желудка до горла словно бы пронзило раскалённым прутком. Миллисекунду спустя я сорвался вниз, одновременно обретая способность двигаться. Только на этот раз белая твердь никуда не отдалялась. Я инстинктивно вытянул вперёд руки в тщетной надежде хоть как-то смягчить удар, зажмурил глаза... и одним рывком вырвался из цепких объятий сна. Ещё какое-то время моё покрытое испариной сознание удерживало в себе только что явившуюся мне картину, а затем меня

снова взяло забытье, и на этот раз сон мой был глубок и никакие видения не тревожили его мерного хода. Проснувшись утром, я чувствовал себя вполне отдохнувшим и совершенно не помнил увиденного за ночь, только странное чувство чего-то очень важного, но забытого, некоторое время не давало мне покоя. Лежа в кровати, я несколько минут апеллировал к своей памяти, пытаюсь восстановить то самое, так необходимое мне, однако все мои усилия оставались впусте. Наконец, я окончательно плюнул на свои безуспешные потуги и поплёлся в ванную, предварительно врубив на кассетнике что-то из ранней Капатонии, – идеальное средство для очистки мозгов от ненужных мыслей. Отвернув кран горячей воды, я внезапно подумал о том, что рано или поздно вспомню о приснившемся в эту ночь. Почему-то от осознания этого факта по спине моей пробежала неприятная дрожь.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. ОБЛАКА

Чувствую, это лето меня точно доконает. Парит невероятно, солнце просто исходит жаром, и если постоянно не заливаться пивом, то уже через несколько минут глотка становится сухой и шершавой. Солнечные очки, конечно же, до известной степени спасают от бьющего сверху света, но даже в них я периодически останавливаюсь посреди улицы, чтобы как следует прочихаться, – это даёт о себе знать моя многократно клятая аллергия. Дождя не было уже недели четыре, и очень хочется верить, что сегодняшняя дикая духота является предвестником хорошей вечерней грозы с громом, молнией, а может быть, даже и с градом. Да и облака, разрозненными хлопьями ваты плывущие по небу, внушают некоторую надежду. Впрочем, практика показывает, что на всё на это

нельзя слишком уж рассчитывать, хотя дождь сейчас не помешал бы никому. Осапаневшему от жары городу он бы принёс прохладу и пусть временное, но всё же облегчение, мне же – какое-то подобие душевного комфорта. Для поклонников всяческих там Оффспрингов целый месяц сплошного солнца это, конечно же, рай на земле, ну а мне явно не хватает немного негатива в природе. Я хочу, чтобы с неба беспрерывно лило, хочу приспособиться под какой-нибудь аркой, слушать Radiohead и наблюдать, как пугие водяные струи станут хлестать по земле, распугивая горожан и курортников. На худой конец можно будет просто посидеть на своём крытом балконе с Ремарком в одной руке и сигаретой в другой. Кстати, по вечерам после дождя небо над моей крышей приобретает загадочный красноватый оттенок, на фоне которого полуразрушенный дом напротив вместе с парой высоченных деревьев выглядят почище, чем обложка любого «дымowego» альбома. В последнее время моя склонность к созерцанию находится на весьма низком уровне, но очарование этого вида столь велико, что иногда я могу часами стоять, упёршись руками в балконную решетку, и смотреть вдаль, позволяя мыслям печь в самых прихотливых направлениях.

Но всё это мечты, а в реальности я толкаю двери компьютерного магазина «World Tech», пряча бутылку пива в задний карман джинсов, дабы не смущать умы администрации и клиентов. Подобная техника у меня наработана годами практики, и за несколько секунд поллитровка уютно пристраивается в районе моей левой ягодицы, прикрытая сверху помятой футболкой с угрожающей надписью «Samael». Вхожу внутрь. Магазин (а точнее говоря, некая помесь выставки достижений современных компьютерных технологий и офиса) встречает меня блеском стёкол многочисленных стеллажей,

гудением системных блоков и упоительной прохладой, порождённой великим изобретением людского гения – кондиционером. Человек по имени Норм, из-за которого, собственно, я и оказался в таком непривычном для себя месте, сидит прямо напротив входа перед каким-то навороченным монитором и упоённо клацает клавиатурой. Размеренной походкой подхожу к Нормовскому столу, бесцеремонно плюхаюсь в небольшое кресло и с ходу выдаю цитату из Ницше по поводу смотрящих в бездну, отдавая дань своей излюбленной традиции эпатировать окружающий люд с порога.

Впрочем, на Норма моё ёрничество всегда действовало слабавато, вот и сейчас он невозмутимо переводит взгляд с экрана на меня, еле заметно улыбается и протягивает для пожатия руку. От столь явных проявлений иммунитета к своей харизме я прихожу в неистовство и начинаю откровенно юродствовать, изошряясь на все лады. Спич мой поражает масштабностью и синкретизмом: здесь и эпические истории о кровавых схватках с «христианскими отродьями», и исполненное неизбывного прагизма повествование на тему «Объятия зелёного змия», и величественная ода упренному кровохарканью. Я уже вплотную подбираюсь к недавно разработанной концепции вселенского эгоизма, как вдруг замечаю, что Норм совершенно спокойно продолжает заниматься своей компьютерной белибердой, не проявляя даже видимости заинтересованности моим словоблудием. Да, при таком раскладе руки опустились бы у кого угодно. Я всё же делаю последнюю отчаянную попытку хоть как-то впечатлить публику, но и извлечённое из кармана на глазах у всего магазина пиво не производит ровным счётом никакого эффекта. Засим я окончательно увядаю и, отхлебнув изрядный глоток «Таллера», совершенно потерянными голосом прошу

принести мне пять болванок по двадцать пять центов за штуку. Норм отправляется в соседний зал за заказом, я смотрю ему вслед и вспоминаю, как мы с ним на кухне заедали водку пельменями и слушали «Детей декабря» на старом отечественном проигрывателе. То было безумное время, когда наша хайрато-джинсовая компания могла целыми днями бродить по улицам, дуя «Red Bull» и приводя в недоумение прохожих своим идиотским смехом – таким, какой можно вызвать у человека только в шестнадцать лет. Тогда нам не нужно было искать повод для радости, она и так перла из нас во все стороны. Самое же главное заключалось в том, что почти каждый день мы открывали для себя что-то новое в окружающем мире и кайфовали от этого в святой и простодушной уверенности, что так будет продолжаться вечно. Рок-н-рольно-алкогольно-либидозным радостям молодых посвящено огромное множество книг, но мне всё-таки кажется, что мы стоили того, чтобы о нас была написана ещё одна. И дело здесь вовсе не в моём непомерном тщеславии, просто наш круг действительно был необыкновенным. До сих пор по городу можно услышать бесконечно далёкие от реальности легенды из жизни моих друзей, которые так очаровательно сочетали в себе застенчивость с бесшабашностью. Норм, кстати, увековечен в одной из них как изобретатель убойного коктейля по типу гриновского «Боже мой», куда входили водка, пиво и кока-кола. Потягивая эту незабываемую смесь, мы продружили вплоть до самого окончания школы, а потом мой верный соратник встретил Норму, которая из всего окружения своего ненаглядного больше всего не любила меня, женился на ней и, съехав с родительской квартиры, окончательно пропал из поля нашего зрения. Не работай он сейчас в двух кварталах от моего дома, мы бы по-прежнему общались

исключительно через посредничество общих знакомых. Правда, задумываясь над этой ситуацией, я неоднократно ловил себя на мысли, что Норм мне уже далеко не так интересен, как то было во время оно. И неважно, почему это случилось: по причине ли моего снобизма либо из-за семейной жизни, способной исковеркать кого угодно, – суть тут всё равно одна и та же. Ну а вся клоунада, которой я упоённо предавался пару минут назад, была всего лишь следствием подсознательного раздражения, испытываемого мною в последнее время при виде этого человека. Я вряд ли был бы способен жить так, как Норм, изо дня в день двигаясь по стандартному вектору «дом – работа – дом», лелея беременную жену и наслаждаясь рассуждениями на тему предстоящего ремонта в своей квартире. От подобного варианта бытия моя «творческая натура» тут же встала бы на дыбы, требуя в качестве компенсации как минимум двести грамм, ну а вот Норм счастлив, видно это невооружённым взглядом, и можно держать пари, что в его внутреннем мире царят спокойствие и благодать (не то что у некоторых). Хотя что уж там: выбор за меня никто не делал, я знал, на что иду, кроме того, даже в подобной ситуации можно найти свои плюсы. По крайней мере Норм и ему подобные однозначно лишены удовольствия закрыть лицо волосами и предаться на глазах у окружающего люда возвышенным страданиям под звуки чего-нибудь из НМ.

Проходит несколько минут, по истечении которых появляются болванки с Нормом придачу. Я сую ему причитающееся с меня, в большинстве своём сильно измятое и в некоторых местах даже слегка надорванное, а затем между нами возникает заминка. Затевать долгоиграющий разговор мне совершенно не хочется, да и Норму, похоже, не терпится поскорее вернуться к своим обязанностям,

однако прерывать общение сразу же после акта купли-продажи было бы не слишком вежливым. Выхожу из положения, начиная перечислять коллективы, в потенциале должны занять место на только что приобретённых болванках. В итоге мы ещё немного времени довольно вяло обсуждаем пути развития современного музыкального шоу-бизнеса. Потом следуют дежурные рукопожатия, обмен стандартными формулами прощания, и, наконец, я отчаливаю, напоследок изобразив руками помпезный жест, призванный, вероятно, символизировать всё величие и мощь мирового зла. Дверь за моей спиной недоумённо скрипит, и я думаю, что нормовские сотрудники за ней испытывают сейчас приблизительно те же эмоции. Дикие люди, дети гор, ну что ещё здесь можно сказать?

После ворлдтековского кондиционера жара на улице кажется ещё невыносимее, что мгновенно порождает желание дальнейшего пива, какое и приобретается в соседнем ларьке. До запланированной на вечер поездки остаётся ещё больше шести часов, и передо мной автоматически возникает проблема их рационального использования. Конечно, с точки зрения логики мне стоило бы сейчас отправиться домой, чтобы отоспаться, хотя бы частично сбросив с себя многодневную усталость, усугублённую к тому же двумя литрами «Таллера». К сожалению (а летом это проявляется особенно), логика не слишком-то любит вступать со мной в альянс, и поэтому я начинаю движение в сторону, прямо противоположную местонахождению моего дома. Там, на городской площади есть уютные скамейки в тени деревьев, и ларьки с недорогим пивом, и даже (да простят мне дамы и пуристане) относительно пристойные общественные туалеты. Ну а самое привлекательное в этом месте заключается в том, что где-то рядом живёт Лайт,

и у любого сидящего в тени какого-нибудь платана, коих так много в районе нашей любимой площади, есть реальный шанс повстречаться с этим чудом природы. Мне, правда, ещё ни разу не выпадало такого счастья, однако почему-то именно сегодня я уверен, что обязательно с ней столкнусь (в чём есть изрядная вина выпитого за день пива). Может быть, даже она будет одна, и нам представится потрясающая возможность забыть на какое-то время о необходимости корректировать своё поведение, подстраиваясь под окружающих. Мы поговорим о литературе и о музыке, о себе и о других, периодически я стану ёрничать, а она смеяться – так может продолжаться до бесконечности. Но вот вопрос: хочу ли я чего-то большего, чем эти долгие разговоры с лёгким намёком на флирт? Ответить однозначно сложно, и всё же я скорее склоняюсь к отрицательному варианту. Одиночество, конечно, штука несладкая, да и мысли о будущем без семьи и близких в последнее время всё чаще и чаще бродят в моей голове. И тем не менее, несмотря на все эти душевные порывы, мне проще всего жить так, как это происходит на сегодняшний день. Практика показывает, что интеллектуальные беседы рано или поздно превращаются в рутину, и хорошо, если это будет просто топкое болото, в котором увязает так быстро, что не успеваешь даже крикнуть. В худшем же случае начинаются скандалы, при одной мысли о которых меня всего передёргивает. По-моему, с течением времени я потерял веру в существование на земле этого самого «своего человека», который так всем нам необходим...

Я готов уже продолжать дальше свои рассуждения, но неожиданно обрываюсь прямо на середине мысли, вдруг осознав, какую чушь несу. Идиот, причём в кубе! Это же надо такое придумать: «одиночество», «будущее без семьи»... Интересно, что бы

сказала на это Пьюрити, которая ждёт тебя сегодня с разогретым ужином, а может, даже и бутылкой «Шардоне»? В конце концов, как всем хорошо известно, поиски добра от добра ещё никого ни до чего хорошего не доводили. Но в таком случае если всё то, что я говорю себе, действительно правда, отчего мне тогда не становится легче? Впрочем, вопрос этот риторичен. Я прекрасно всё понимаю и знаю, что в личных отношениях нет ничего хуже таких вот встреч по инерции, которая имеет очень неприятную тенденцию затягивать человека. Кстати, интересно, что бы мне далось легче: признание Лайт или расставание с Пьюрити? Но и в том, и в другом случае упаси меня все тёмные боги предпринимать что-либо по пьяни: мало того, что наутро будет безумно стыдно перед самим собой, так ещё и можно навсегда потерять расположение к тебе человека. Всё, даю себе зарок – любые серьезные действия совершать исключительно в трезвом виде, и так в последнее время замыленное восприятие реальности стало для меня почти нормой. Чёрт дери, как всё же жаль, что наушники сдохли! Хорошая порция чего-нибудь, типа Moonspell, пришла бы мне сейчас очень даже кстати...

Тем временем я продолжаю преодолевать те пять кварталов, что отделяют меня от площади. В отсутствие плеера мне не на чем сконцентрировать своё внимание, поэтому в процессе ходьбы я предаюсь ленивому созерцанию происходящего вокруг. Здесь нужно заметить, что, несмотря на общую обыденность, на глаза мне время от времени попадаются достаточно занятные вещи. Вот, например, парочка, samozабвенно целующаяся на перекрёстке. Он клещами притянул к себе свою пассию, глубоко запустив пятерню в её каштановые волосы, но ей, похоже, это даже нравится. А его сумка, неким совершенно изуверским образом

вписнувшаяся между бедрами голубков, вызывая чёткие ассоциации с картинами Дали, совершенно не мешает им предаваться радостям жизни. Чуть поодаль какой-то маргинал, приподнявшись на руках над краем мусорного контейнера, самоотверженно ныряет вниз, по всей видимости, в надежде раздобыть что-нибудь себе на обед. И слившаяся в поцелуе пара, и опустившийся труп в мусорнике со стороны кажутся полностью поглощенными своими занятиями. В их поведении можно проследить даже некоторую аналогию, если, конечно, не принимать во внимание специфику деятельности в первом и втором случаях. Налицо классический пример дуализма, который, как мне кажется, характеризует практически любой аспект нашей жизни. Если разобратся, то всё человечество, да что там человечество, я сам, постоянно мятущийся между мечтами и реальностью, напоминаю такое странное создание, потерявшееся где-то посреди дороги от альфаперера к влюбленным. Выбирать в такой ситуации каждый волен сам, но всё же рискну предположить, что зачастую желание плотно набить брюхо, пусть даже и отбросами, превалирует над высокими материями. Ничего не поделаешь, *telle est notre vie*.

Следующая мини-сцена на моём пути также не лишена интереса. Взгляните: прямо посреди улицы валяется дохлая кошка. Морда перекошена предсмертным оскалом, один глаз почти полностью выдавлен из глазницы, над начинающим разлагаться трупом восторженно гудят мухи. А теперь обратите внимание на прохожих, которым эта кошка так незстетично попадает на пути. В большинстве случаев реакция их совершенно однозначная. Все они просто-напросто огибают дохлое животное, смотря при этом куда угодно, только не под ноги. Может даже сложиться впечатление, что кошка нахо-

дится в каком-то ином измерении и видеть её могу только я, остальные же описывают перед трупом кривые, лишь повинувшись какому-то шестому чувству. Всё это очень сильно похоже на одну из сцен «Тёмной башни», когда компания главных героев из Срединного мира попадает в Нью-Йорк семидесятых.

Роланд и его спутники остаются невидимыми для обитателей нашей реальности, однако прохожие интуитивно ощущают их присутствие на своём пути и обходят препятствие, сами не отдавая себе в этом отчёта. Здесь происходит примерно то же самое. Две умопомрачительно одетые блондинки, место которых в лимузинах их богатых содержателей, а уж никак не на раскалённой и грязной улице, цокая многосантиметровыми шпильками, движутся прямо на лежащее поперёк дороги животное. В последний момент они вдруг расходятся в разные стороны и одновременно проплывают мимо распластавшегося на асфальте предмета, причём синхронности движений этих дам может позавидовать любая пара олимпийских чемпионов по художественной гимнастике. Я смотрю на всё происходящее со стороны и откровенно умиляюсь как координации девушек в пространстве, так и очередному подтверждению своей теории уже упомянутого дуализма или, если угодно, вселенской концепции единства противоположностей. Возвышенное и земное, цветение и разложение, прямо Виктор Гюго какой-то!

Между тем я уже достигаю пункта назначения и, преодолев небольшую аллею, с двух сторон обсаженную неидентифицированными мною зелёными насаждениями, попадаю в самый эпицентр человеческой активности. Здесь с шумом бьёт фонтан, гадают дети, а активисты очередного молодежного движения предлагают всем встречным значки, деньги от продажи которых пойдут на благое дело реабили-

литации наркоманов и алкоголиков моего несчастного поколения. Хотелось бы знать, отношусь ли я к последним, а если да, то где можно зарегистрировать себя в данном статусе и, соответственно, получить шанс на возвращение в мир норматива. Хотя, в принципе, путь возможен ещё один альтернативный и, на мой взгляд, более гуманный вариант, иначе говоря, выдача некоторой суммы особо страдающим с похмелья с целью поправки их самочувствия... Ну да ладно, мы не станем претендовать на эти крайне сомнительные перспективы, особенно если учесть, что в одном мне сегодня всё-таки повезло. По крайней мере этим вечером я буду лишён счастья юпиться на самом углу скамейки в обществе доброго полудесятка своих сограждан и пускать сигаретный дым вниз, дабы не оскорбить их обоняния запахом дешёвого табака. Собственно, на самом деле удивляться здесь нечему, ведь нынешняя жара способна загнать в помещения даже ярых завсегдапаев этого места. Что ж, восславим Провидение, столь любезно предоставившее нам возможность насладиться всеми благами жизни в течение предстоящих нескольких часов.

Итак, я начинаю вальяжно обозревать пустующие скамейки, выбирая наиболее подходящую. Не знаю уж почему, но внимание моё привлекает горбатый и к тому же давно не крашенный урод, к которому я неспешно дефилирую. Усевшись, мой зад ещё долго ёрзает на расшатанных досках сиденья, пока тело не приобретает наиболее комфортную позу. Засим на свет божий из рюкзака появляется пачка сигарет, зажигалка и «Воронья дорога» Бэнкса, призванная хотя бы частично компенсировать оставшийся дома плеер. Закуриваю, рассеянно пробегаю пару строчек, лениво поднимаю взгляд вверх... и, поражённый, застываю, будто обращённый в камень открывшимся мне. Нет, конечно же,

я не увидел там ни лика Творца, ни таинственных знаков, за которыми спрятаны все тайны Вселенной, – надо мною всего лишь покрытое причудливой формы хлопьями облаков голубое летнее небо. Но именно облака, на которые мы постоянно смотрим, не замечая их истинной красоты, сейчас накрепко приковали моё внимание. Они уже больше не похожи на vapу, а скорее напоминают ладьи каких-то неуклюжих великанов, спешительно несущих своих странных хозяев по морской глади. Последний образ выглядит настолько реальным, что я тут же начинаю гадать, куда держат путь небесные корабли и что ждёт странников в конце пути. Быть может, они возвращаются к родным берегам из далёкого путешествия, и дозорный на носу уже оглашает воздух радостными криками при виде показавшейся на горизонте земли. А может, им суждена тяжесть великого горя, когда ладьи войдут в гавань и ошеломлённые великаны узреют перед собой руины разграбленного и дотла сожжённого города. И долго ещё их неповоротливые тела будут растерянно бродить среди развалин, и над мёртвой пустыней, вчера лишь бывшей цветущей и плодородной равниной, встанет несмолкающий безутешный плач.

Сигарета дотлевет между пальцами, забытый Бэнкс окончательно потерял всякую надежду вновь привлечь внимание хозяина, а я всё никак не могу выйти из своего полупрансового состояния. Только теперь великаны-мореходы в моей голове уступили место гораздо более актуальным вещам. Глядя на небо, я неожиданно сам для себя осознаю всю абсурдность происходившего со мною последние несколько лет. Постоянно задаваясь вопросом, отчего мы всё время не даём себе жить по-настоящему, несмотря на столь короткий срок нашего пребывания на Земле, я продолжал двигаться вперёд так же,

как и все остальные, не делая ни малейшей попытки вырваться из-под каждодневного гнёта моральных и социальных ограничений. Но сейчас, замерев перед грандиозностью разворачивающейся в небесах картины, я чётко понимаю, что дальше так продолжаться не может. Всепоглощающее ощущение эйфории охватывает моё естество, я порывисто вскакиваю со скамейки и быстрым шагом направляюсь к ближайшему телефону, на ходу вытаскивая из бокового кармана рюкзака записную книжку. Через пару минут я позвоню Брайту, давнему другу Лайт, узнаю её домашний номер, наберу его, попрошу к трубке ту, которую так давно хотел увидеть, и назначу ей встречу. Где-то уже ближе к вечеру мы встретимся в условленном месте и спанем бродить по городу, не особо заботясь о направлении. Пожалуй, по дороге можно будет ненадолго завернуть в какой-нибудь кабак, где я пропущу пару кружек пива – не больше, ведь в последнем просто не возникнет необходимости. Не знаю, чем закончится наше общение, да дело здесь и не в этом, важно лишь то, что я наконец-то смогу отпустить свои чувства на волю и полной грудью вдохнуть воздух свободы, свободы от самого себя.

До телефона остаётся уже совсем немного, когда на пути моём возникает непредвиденная преграда в виде компании примерно из десятка человек. Предводительствует ею некто Сьюприм, с которым мы когда-то несколько раз пересекались в одной полуподвальной забегаловке, служившей пристанищем для различной псевдотворческой молодежи. Остальные члены сборища мне в большинстве своём также знакомы, хоть и не настолько хорошо, чтобы пить с ними на брудершафт. Тем не менее сегодня Сьюприм по случаю своего дня рождения настроен весьма радикально, и уже через десять секунд после приветствия я слы-

шу приглашение пройти в близлежащий бар, чтобы всем вместе слиться в экстазе празднования знаменательного события. Пытаюсь на ходу придумать некие правдоподобные обстоятельства, требующие моего присутствия в совершенно ином месте, но в результате это приводит лишь к усилению напора со стороны уже изрядно подогретых сьюпримовцев. Звучат заманчивые обещания масштабной пьянки и бесплатного коньяка. Последнее изрядно колеблет мою решимость, да и к тому же плещущееся в желудке пиво после непродолжительного тайм-аута снова начинает активно требовать добавки. В конце концов я прихожу к компромиссному варианту. В моём нынешнем состоянии назначать свидание Лайт было бы не совсем разумным, да и необходимость звонить Пьюрити и отменять ещё несколько дней назад оговоренную встречу тоже не вызывает у меня энтузиазма. Совершенно очевидно, что лучшим выходом из данной ситуации будет встать завтрашним утром после долгого и крепкого сна, привести себя в порядок, а уже потом браться за воплощение в жизнь новоиспеченной концепции. Пока же можно смело присоединяться к любителям изысканных алкогольных напитков, благо времени впереди у меня предостаточно...

Отправляемся в бар. Поначалу я несколько неуютно чувствую себя среди развалившихся на высоких стульях друзей именинника, так как уровень концентрации спиртного в их крови чуть ли не на порядок выше, чем мой. К тому же Сьюприм, при всей своей неглупости, всегда казался мне человеком с гнильцой, которая особенно подчёркивается постоянно бегающими туда-сюда маленькими глазками под узким лбом с налипшей на него прядью чем-то смазанных волос. Да и его манера бесконечно восхвалять свои великие свершения в различных областях науки и творчества (весьма вероятно,

по большей части мнимые) вызывает у меня если не откровенное раздражение, то уж, во всяком случае, иронию. Но вот появляется долгожданный коньяк и баланс между мною и остальными собравшимися начинает быстро приходить в норму. Уже после четвёртой рюмки я нахожу с ближайшими соседями по столу общие темы для разговора, несмотря на то, что ничего интеллектуальнее Раммштайна они за свою жизнь явно не слушали, ну а какой-нибудь час спустя у нас с Сьюпримом затевается совершенно умопомрачительная беседа на тему сослагательного наклонения в мировой истории. В конечном итоге мы оба приходим к выводу, что опереди СССР Америку в середине сорок пятого с появлением ядерного оружия, мир сейчас был бы полностью коммунистическим. На Ямайке открылся бы второй Артек, отличающийся от прототипа разве что некоторым растаманским уклоном, ну а фильм «Звёздные войны» повествовал бы об ожесточенной борьбе землян с мерзкими капиталистами-инопланетянами, предводительствуемыми олигархом Дартом Вейдером. По окончании нашего диалога, за время которого мы, к слову, успели употребить ещё грамм с двести, благодарные слушатели препровождают меня к автобусной остановке, причём по ходу дела я своим непревзойдённым баритоном исполняю несколько знаменитых народных песен, повергая в экстаз всех попадающихся навстречу прохожих. Уже погруженный внутрь автобуса, я на несколько минут отключаюсь, а придя в себя и продрав глаза, обнаруживаю, что за окном начинают зажигаться фонари, означающие, что предсмертная агония ещё одного дня подходит к концу. Я вдруг вспоминаю о своих недавних посиделках в парке и поднимаю взгляд выше, но, как ни стараюсь, не могу ничего разглядеть на небе, всего за несколько часов ставшем низким

и мутным. На мгновение я представляю себе Лайт, которая танцует неведомый мне танец, скользя над грядками облаков, затем этот образ меркнет. Прикрываю глаза, упираюсь коленями в спинку кресла напротив и пытаюсь мысленно сосредоточиться на предстоящей ночи, что должен провести с женщиной, которую не люблю...

НОЧЬ ПЕРВАЯ. КОНЬЯК

«...и тогда переполняемый страстью Люцифер явился к трону Господнему, преклонил перед Создателем колени и сказал: “Разреши мне спуститься на землю в человеческом облике и жить там, как живут они, и умереть, когда истечёт мой срок. Я прошу тебя об этом, ибо люблю её, и нет мне горше муки, чем смотреть вниз, зная, что мы разделены навеки своей природой”. Предвечный внимательно выслушал прекраснейшего из ангелов, а когда Люцифер умолк, то повёл он недовольно седыми бровями и рек: “Не ждал я от тебя столь неразумных речей, и оправдать их можно лишь тем, что ты явился ко мне, не ведая, о чём просишь. Ты хочешь обрести плоть человека, но не знаешь, какие страдания придётся переносить твоему телу от голода, болезней и увечий. Ты алчешь человеческого сердца, но и представить не можешь, как терзают его утрата, неразделённая любовь или неутолённое желание. Так неужто ты, единственный из всех ангелов, кто может сидеть рядом с моим троном, хочешь променять вечную милость Всевышнего на краткий миг блаженства в земной юдоли скорби? Одумайся и не пятнай себя больше грехом безрассудства, недостойным любимого слуги Божьего!”.

Грозны были последние слова Господа, но не колебали они решимости Люцифера. “Готов я, –

молвил он, – снести и боль телесную, и муки духовные во имя того самого чувства, которое ты заповедал людям ставить превыше всех остальных. И не могу я боле слушать райские гимны, когда чертогов, где мы пируем в блеске славы твоей, достигают вопли сотен тысяч страждущих и обездоленных”.

Воспылал тогда великим гневом Вседержитель, содрогнулись своды дворца его от звуков гласа Господнего, и преисполнились ужасом сердца ангелов небесных. Воскликнул тогда Повелитель Миров: “Как смеешь ты, безумец, упрекать МЕНЯ в том, что не люблю я созданий своих?! В глазах Творца вы все равны: и непорочные служители моего престола, и зачатые во грехе люди. Но никогда не бывать союзу между ними. Таков порядок, на котором стоит мироздание, и никому не дано его изменить. Ты же своими речами пытаешься подорвать основы бытия и посеять смуту и хаос. Неужто ты затеваешь бунт, метя на моё место?”.

При этих словах Бог вперил взгляд своих бездонных глаз в отступника, словно намереваясь пронзить его насквозь. Ни одно существо на всем свете не способно было бы выдержать этот пылающий взор, но Несущий Свет был сильнее их всех сознанием собственной правоты. Ожесточился тогда лик Люцифера, поднялся он с колен и, выпрямившись во весь рост перед троном, бросил в лицо тирану: “Ты не любишь никого, кроме самого себя, и нет у тебя иного желания, чем удержать в руках свою жалкую власть!”. Сказав это, Люцифер повернулся и покинул чертог, куда ему уже никогда не суждено было вернуться вновь. Так нарушился мир на небесах, и грянула битва, равной которой не будет до скончания времён. Мятежные ангелы во главе с Люцифером выступили против Божьих легионов, и вся Вселенная содрогнулась, когда в сражении

сошлись две великих армии. Долго длилась война, но слишком неравны были силы, и настал тот час, когда поверженному Падшему Ангелу и его сторонникам пришлось сполна вкусить всю горечь поражения. Коварный Всевышний не забыл последней просьбы Люцифера, и, глумясь над побеждёнными, низверг всех мятежников с небес, но не на землю, а в огненные недра Ада. Но и этим не удовлетворил Бог своей неуёмной жажды мести, и потому закрыл он для чистой души Люциферовой возлюбленной врата Рая, осудив её на вечные скитания в мире людей. И запретил он всем верующим называть Светоносного иначе, кроме как Дьяволом и Сатаной, превратив борца за истину в отца всякой лжи и греха. С той поры ничто уж не колеблет небесный престол, но хозяин его и по сей день не может забыть о том, кто заключён в глубинах Ада, и боится Господь, чтобы не вырвался на свободу бунтующий Дух. Люцифер же пребывает в окружении своих соратников, разделивших судьбу предводителя, и неизбывная печаль объёмлет его. Неведомо никому, что скорбит он по своей любви, с которой ему никогда не соединиться, и о тех, ради кого он пошёл на мятеж и кто в уплату заклеил его имя позором».

(Я умолкаю, и воцаряется тишина, прерываемая только тиканьем часов на полке над кроватью. Мерзко. Ну почему, почему я такой кретин, зачем я несу перед ней всю эту чушь, давая надежду, заставляя верить в существование каких-то чувств с моей стороны? Какого чёрта я вообще приехал сюда, в место, находящееся в полутора часах езды от моего города? Нажраться случайно обнаруженного в баре коньяка? Почитать стихи? Получить свою положенную порцию секса? Бред, ведь то же самое я мог бы сделать, никуда не двигаясь, с той лишь разницей, что там меня бы окружали люди, ко-

порым я ничего не должен. Тогда что же я всё-таки делаю здесь? Привычка? Возможно. Нежелание тащиться домой в пьяном виде и, как следствие, пугать живущих у нас в квартире родственников матери? Как знать. Боязнь признаться себе и ей, что отношения наши зашли в тупик? А вот это вернее всего, и от такого расклада на душе у меня становится ещё более пошно. Ну что мне стоило послать сегодня подальше столь неосторожно встреченного именинника с его расстрелятой компанией и дозвониться Лайт? И сколько ещё раз я буду опускать руки перед этим вечным «А если...»? Тишина, одна тишина мне ответом, и рядом нет никого, кроме тебя, кто смог бы её нарушить... **ТАК НЕ МОЛЧИ ЖЕ, СКАЖИ ХОТЬ ЧТО НИБУДЬ, НЕУЖЕЛИ ВСЕ ЭТО ВРЕМЯ Я РАСПИНАЛСЯ ЗДЕСЬ ЗРЯ?!!)**

– Шмерц, это... это потрясающе... Настолько необычно, аж дрожь пробирает... Ты сам это придумал или где-то вычитал?

(Бог мой, конечно же сам, другого такого придурка, способного придумать подобную ересь, вряд ли ещё где найдёшь. Ну а если уж до конца разобраться, то во всем виноват даже не я, а коньяк. Только он обладает потрясающей способностью полностью завладевать сознанием, а достигнув своей цели, начинает откалывать феерические номера, на которые человек в обычном своём состоянии просто не способен. Мне же он отвёл весьма скромную роль, выражающуюся в одной короткой фразе: «Стой, парень, в сторонке и смотри, что я тут вытворяю.»)

– Да как тебе сказать, Пьюр, не совсем. Где-то, когда-то слышал похожую легенду, потом отсебятины добавил, вот и получилось такое себе рагу... Ну ладно, спать пора, солнце скоро взойдёт. Завтра опять на работу не встану...

(Как и всё, произнесённое до этого момента,

история с работой – чистойшей воды вымысел, но если уж нести пургу, то оставаться верным себе до конца.)

– Спокойной ночи, Шмерц. Я люблю тебя.

(О, нет, только не это!!!)

– Спи, Пьюр, спи спокойно.

Молчание. В полной прострации я лежу и глажу Пьюрити по длинным чёрным волосам до тех пор, пока дыхание её не становится глубоким и мерным. Интересно, что она подумала, когда я проигнорировал обращённую ко мне последнюю фразу? А может, моя пассивность вообще не обратила на это внимания по причине усталости? Ну уж нет, такие вещи замечаются всегда, особенно если учесть, что ещё несколько недель назад я имел склонность отвечать на подобные реплики. Впрочем, возможно это и к лучшему. Если всё так пойдет и дальше, то она сама проявит инициативу к разрыву и мне не придется корячиться в поисках объяснений. Только вот как мне дотерпеть до этого момента?

Утомлённая Пьюрити тихо посапывает, погружённая в блаженное состояние сна. Очень аккуратно, чтобы не разбудить её, я встаю с кровати и иду в кухню. Там, не включая света, нашариваю в баре недопитую бутылку коньяка, наполняю светло-коричневой жидкостью фужер до краев и опрокидываю себе в рот. Следом тут же отправляется посыпанный сахаром кусок лимона – всё как в лучших домах Европы. Наутро мне придется расплачиваться за эти излишества мучительной головной болью, но сие сейчас меня совершенно не беспокоит. Может говорить, что угодно, но на данный момент я хочу только одного – компенсировать всю омерзительность пережитой ночи несколькими минутами алкогольной эйфории перед сном. Что ж, искомый эффект не заставляет себя долго ждать. Коньяк так резко вдруг бьёт в голову, что от неожиданно-

сти меня бросает на подоконник, за который я едва успеваю ухватиться руками, чтобы не высадить окно. За ним, кстати, начинается рассвет. Хмурое небо всё обложено тучами, листья деревьев колыхаются под порывами ветра, и это немного успокаивает меня. Во всяком случае, когда через энное количество времени я соберусь домой, мне не будет портишь дорогу до отвращения надоевшее солнце.

Бдение у окна длится недолго, и вскоре моё погружённое в сон тело возвращается в кровать, где мирно почивает ни о чём не подозревающая Пьюрити. Я ложусь рядом, бросаю на неё взгляд и спрашиваю себя, что эта молодая, симпатичная женщина с двумя высшими образованиями и престижной работой могла во мне найти? Допустим, всё произошло от одиночества, потом, как следствие, возникла привязанность, и в один прекрасный момент она поняла, что уже не может обойтись без наших встреч. Но куда же, позвольте спросить, делись вся её неприсутность, загадочность, в конце концов шарм? Ну, не хочу, не хочу я видеть рядом с собой ласкового котёнка, который станет смотреть мне в рот и восхищаться любым моим жестом. И я знаю, что с каждым днём, проведенным с ней, буду всё чаще и чаще вспоминать о первых, полных эйфории неделях совместной жизни, когда мы, как нам тогда казалось, противостояли всему окружающему миру. Всё это понятно, но в таком случае выходит, что я начинаю противоречить сам себе. Ещё вчера, помнится, я мечтал о стабильности, сегодня же мне необходим фейерверк. Где здесь логика? А нет её и в помине, нет и не будет, есть лишь одна непреложная данность, и заключается она в том, что рано или поздно эгоизм и инертность окончательно меня погубят.

Последняя сентенция наводит на мысль, что я слишком уж стройно рассуждаю для человека, вы-

пившего такое количество алкоголя за последние сутки. Пытаясь найти правдоподобное объяснение этому парадоксу, я до невероятной степени напрягаю мозг и... без всякого перехода проваливаюсь в чёрную бездну, милосердно избавляющую меня от необходимости дальнейших размышлений.

ДЕНЬ ВТОРОЙ. КАЛЕЙДОСКОП

«Всеволод Николаевич Победин ненавидел запах камфорного масла. В его сознании он стойко ассоциировался с их комнатой в коммуналке окнами во двор, парализованной бабкой, вопящей и мечущейся на постели, в то время как измученная мать пытается наложить это самое масло на старухины пролежни, и чувством дикой, нерассуждающей ненависти, поднимавшейся в груди семнадцатилетнего Севы. В такие моменты, когда крики парализованной выдергивали его из постели в четыре утра, под веками, казалось, скрипел песок, а через несколько часов начинался очередной рабочий день в любимом вузе, Победин был способен на всё. Даже на то, чтобы схватить бабку за редкие волосы и раз за разом впечатывать в стенку, наслаждаясь беспомощными стонами. Самое же страшное заключалось в том, что, отоспавшись и придя в себя, Сева не чувствовал абсолютно никакой вины за такие помыслы. Как-то раз он вернулся домой в омерзительном настроении и застал мать, которая, вся покраснев от натуги, пыталась поднять с пола перепачканную дерьмом старуху, умудрившуюся свалиться с кровати. Тогда юный филолог бросился вперёд, рывком водворил на место упавшее тело, а затем двинул кулаком по лицу, больше, правда, похожему на печёное яблоко. Хорошо, что в последнюю секунду он сдержал удар, однако и без этого последствия были крайне неприятными. Мать отшвырну-

ла его в спороу с такой силой, что Сева впечатался в стенку и из носа у него побежала кровь, а затем, вцепившись тонкими руками в свитер сына, начала осыпать его страшной бранью. Никто из многочисленных сотрудников Веры Алексеевны Побединой не мог бы и предположить, что тихая, незаметная чертёжница может обладать таким запасом нецензурной лексики. Сева позволял себя тряссти достаточно долго, но, когда вместе с капельками слюны мать выплюнула ему в лицо «Пошёл вон, скотина!», он стряхнул изъеденные стиральным порошком пальцы и кинулся к двери, на ходу оглашая коммуналный коридор истошным воем... Потом была бессонница, корвалол, долгие дни одиночества вдвоём, гнетущее молчание, прерываемое лишь репликами, типа «Иди ешь» и «Я не голоден», скомканное примирение и вновь череда серых дней-близнецов. Нельзя сказать, что Сева зааил на мать обиду после произошедшего, ведь уже в то время ему было практически на всё плевать...».

Именно этими словами начиналась одна из моих гениальных повестей, задуманная как история университетского преподавателя, влюбившегося в первокурсницу, а затем благополучно эту любовь угробившего по причине себялюбия. Сил у меня хватило главы на две (см. книжки-раскраски), да и в том, что всё-таки было написано, свежие идеи отсутствовали напрочь. Так, например, описывая юность Севы Победина, я пользовался рассказами одного своего достаточно близкого товарища, с которым похожая ситуация произошла в реальной жизни. Единственным моим собственным вкладом в эту не слишком аппетитную сцену стала ситуация с камфорным маслом, запах которого вызывает у человека целую вереницу ассоциаций и к которому я с детства питал совершенно необъяснимое отвращение (впрочем, если разобраться, нечто похожее

было задолго до меня у господина Пруста). Вот это отвращение и явилось моим третьим сильным эмоциональным ощущением за сегодняшнее утро. Если говорить по порядку, то первое, что я почувствовал, открыв глаза, было какое-то непонятное беспокойство, сродни тому как будто бы накануне ты надрался до беспамятства, а теперь мучительно пытаешься вспомнить о событиях предыдущего вечера, опасаясь, что всё в итоге закончилось грандиозным дебошем. Ко мне это, правда, неприменимо, так как память моя усердно зафиксировала всё произошедшее за прошлые сутки. Однако, надолго заморачиваться на столь неопределённых вещах я по причине отвратительного самочувствия не мог, к тому же жажда – верный спутник всех последователей Венедикта Ерофеева – придала моим мыслям совершенно иное направление. Итак, я отправился в кухню, где меня ждал сладострастно поблескивающий хромом кран, до которого, к слову, я так и не добрался, столкнувшись на пороге с неповторимым и мгновенно узнаваемым запахом. И вот теперь я стою у стола, на лакированной поверхности которого возле небольшой бутылочки поблескивает отливающее жёлтым пятно, и гадаю, кому и зачем ранним утром могло прийти в голову пользоваться этой дрянью. Тут до меня доходит, что, пока я дрых, у Пьюрити, вероятно, опять разболелось ухо и она, проснувшись, пошла его закапать. Но почему тогда нельзя было вытереть разлитое? Впрочем, по здравом размышлении роптать мне сейчас просто-напросто грешно. В конце концов камфора вполне могла и не подействовать, Пьюрити не заснула бы снова, и тогда мне пришлось бы переживать сцену прощания со всеми присущими ей атрибутами, вроде поцелуев, расстёгиваемого халата и умоляющих остаться глаз. Я преисполняюсь сознанием собственной везучести и начинаю

резво собирать вещи, стараясь быть одновременно продуктивным и как можно более бесшумным. За четыре минуты я успеваю вернуть в рюкзак всё его раскиданное по полу содержимое, кое-как умыться, причесаться, чиркнуть записку совершенно нейтрального содержания и выскользнуть за порог, закрыв дверь на предусмотрительно сделанный пару месяцев назад ключ. Очутившись снаружи, я перевожу дух и уже неторопливо спускаюсь с восьмого этажа, игнорируя при этом лифт. Последним я вообще предпочитаю не пользоваться даже для подъёма наверх: слишком уж хищно смотрит на меня его кабина из-за раздвигающихся створок. Кроме того, хождение по лестнице благоприятствует ментальной работе, и его можно использовать для выполнения самых разных операций, таких, например, как подсчёт наличности в карманах. Результаты, которые даёт этот процесс, меня не слишком радуют, хотя, если подумать, всё могло бы быть гораздо хуже, учитывая то, что вот уже десятый день я пропиваю деньги, оставленные матерью перед отъездом в командировку. Конечно, с такими темпами к её возвращению я смогу себе позволить разве что одну-две кружки светлого, впрочем, особо беспокоиться по этому поводу я пока не собираюсь. В конце концов не за горами уже тот день, когда я, предварительно побрившись и приняв душ, отправлюсь просиживать штаны в лаборантской своего института, за что раз в месяц мне будут выдавать зарплату. Хватит её максимум недели на три, но со своим нынешним отношением к жизни я больше и не требую, потому-то, видимо, и отказался от огромного количества предложений работы на это лето. Зачем, ведь это время можно провести гораздо интереснее, к примеру, заседая с друзьями в кабаке? Кстати, задумываясь над такими вещами, обычно приходишь к выводу, что

жизнь наша устроена необычайно мудро и гармонично. Судите сами: не будь у меня необходимости через какое-то время возвращаться к столу с компьютером в крошечной комнатке на пятом этаже института, существование моё на ближайшие пару месяцев значительно бы усложнилось. Сначала я бы спустил все оставшиеся деньги, потом с неделю физически и морально спрдал, а затем потратил бы ещё огромное количество усилий на то, чтобы найти себе мало-мальски пристойную работу. Так же вокруг меня царит сплошная стабильность, дающая мне возможность как собирать камни, так и лакать литрами дешёвое пиво.

Пока же я, нагруженный четырьмя бутылками последнего, едва успеваю заскочить в свой автобус, как водитель закрывает двери, и мы прогаемся. Кстати, транспорт, идущий до моего города, здесь приходится ждать довольно долго, и потому я, не теряя времени, начинаю праздновать столь удачное отправление, открывая первый за сегодняшний день «Таллер». Жидкость эта, приобретённая в обшарпанном ларьке на автовокзале, на вид не вызывает большого доверия, да и по содержанию стоит где-то близко к *igine de l'âne*, но, как говорила небезызвестная госпожа Коробочка, за неимением гербовой пишем на простой. Между прочим, занято было бы знать, выяснял ли на практике человек, пустивший в обиход выражение «ослиная моча», каковы в действительности вкусовые качества этого напитка? Как филологу, мне стоило бы провести серьёзное научное исследование данного факта, но пока, ввиду отсутствия достаточного количества материала, подобную работу придётся отложить на неопределённый срок.

Когда пиво в бутылке подходит к концу, я прихожу к выводу, что и сегодня квартира моя вряд ли дожждётся хозяина. Решение это вызвано, конечно

же, исключительно моим альтруизмом, по причине которого я даю дальним родственникам матери, живущим у нас на период её отсутствия, возможность ещё немного понаслаждаться одиночеством. С другой стороны, таким образом, я лишая их шанса хоть немного оправдать своё присутствие в нашем доме – например, покормив меня чем-нибудь горячим. Да и вообще, в последнее время жильё своё я начинаю воспринимать исключительно как постоянный двор, где одних посетителей сразу же сменяют другие. Что ж, посмотрим, может быть завтра я действительно осчастливию наших квартирантов, заявившись без предупреждения где-то уже ближе к полуночи, ну а на сегодняшний вечер у меня запланирован визит к Систу, чему есть несколько весомых причин. Во-первых, в кармашке моего рюкзака среди прочих побрякушек валяется и ключ от его квартиры, во-вторых, сейчас Сист на работе, и мне, наконец-то, удастся подремать часик-другой в полной тишине и покое, ну а кроме того я очень рассчитываю на дружеское расположение своего старого товарища в придачу с парой литров пивка. На радостях от такого замечательного расклада я откупориваю вторую бутылку, с которой и не расстаюсь до тех пор, пока автобус мой не достигает конечного пункта, и я, поправив на пешую дорогу минут двадцать, не попадаю в роскошные четырёхкомнатные апартаменты одного из величайших компьютерщиков современности. Здесь все пропитано духом зажиточности: евроремонт, зеркальные шкафы и обилие самой разной аппаратуры создают совершенно недвусмысленное представление о достатке хозяина. Тем не менее при виде всего этого великолепия не возникает ощущения мажорства. Так по соседству с навороченным самсунговским телевизором расположилась россыпь пакетиков из-под популярных нынче солёных суха-

риков, а дверь в ванну украшена огромных размеров плакатом РНСП.

В этом весь Сист – личность поистине неординарная и противоречивая. Замдиректора достаточно известной компьютерной фирмы, он практически всё своё время отдаёт работе, и надо сказать, что подобная самоотдача возвращается к нему в виде весьма и весьма значительного материального вознаграждения. Он не часто находится дома, но в редкие часы досуга любит, чтобы его окружали комфорт и порядок. Последний, кстати, вообще составляет одну из главнейших жизненных ценностей для Систа, что выражается даже в его отношениях с противоположным полом. Пэйшенс, скромное и совершенно непритязательное создание, единственная девушка, которую я когда-либо видел рядом с этим человеком, проводит здесь исключительно вторую половину субботы и воскресенье, что, похоже, вполне устраивает обе стороны.

И всё же время от времени насквозь структурированная натура Систа начинает испытывать беспокойство и внутренний зуд – это наружу рвётся нераспроченный творческий потенциал. У нашего замдиректора в силу всех вышеперечисленных обстоятельств совершенно не остаётся времени на то, чтобы его как-то реализовывать, и поэтому с определённой периодичностью в квартире Систа собирается развесёлая компания литераторов и музыкантов. Вино, песни, стихи, подобная прихиппованная атмосфера помогает хозяину снять напряжение, ну а для нашей братии это место уже несколько лет ассоциируется с бесплатной выпивкой и возможностью вволю побуяннить, не особо опасаясь последствий. При таком образе жизни Систова обитель в течение месяца должна была бы превратиться в руины, но любовь к порядку и здесь сыграла свою роль. Отпетые дебоширы вскорости

получили отказ от дома, и постепенно круг персон графа сузился до десяти-двенадцати человек. Среди последних я нахожусь в особом положении, так как имею ключи от входной двери и право беспрепятственно попадать внутрь в любое время суток. Сегодня я непременно воспользуюсь этой привилегией, тем более что к вышеозначенному списку причин добавилась ещё одна, о чём я вспоминаю, входя в комнату. Речь идёт о наличии телефона, который мне понадобится после того, как я выплыву. Звонить сейчас Лайт было бы, безусловно, абсолютно нецелесообразно, но ближе к вечеру я твёрдо намерен осуществить это вчера ещё запланированное действие.

В комнате, где я собираюсь устроить сиесту, кроме всего прочего находится ещё и большой шкаф, забитый всевозможной глянцево-фэнтезюхой, детективами в мягкой обложке и огромным количеством опусов, посвящённых ликвидации компьютерной безграмотности населения. Мало кому известно, что за всей этой пестротой находится второй ряд книг, уже не так ярко оформленных, на обложках которых указаны цены, сегодня кажущиеся чем-то абсурдным и смехотворным. Там стоят рассказы и повести «для детей среднего и старшего школьного возраста», так хорошо идущие с похмелья вместе с холодным пивом и бутербродами с сыром и солью. Сисп как-то в порыве откровенности поведал мне, что знает содержание своей библиотеки практически наизусть и, переезжая с родительской квартиры на новое место, под влиянием ностальгии позабирал с собой все любимые книги детства. Что же до меня, то я являюсь не менее ярким поклонником подобного рода литературы. Особенно мне по душе повествования о подростках, переживающих трудный возраст и потому перманентно попадающих в разные нелицеприятные

истории. Удовольствие, испытываемое при таком чтении, сравнимо, пожалуй, лишь с ощущениями человека, нежащегося в тёплой постели, в то время как за окном воет февральская вьюга. К сожалению, мир наш не приемлет ничего идеального, вот почему, добираясь до последней страницы, я почти всегда испытывал желание иронично усмехнуться, когда автор в очередной раз радовал читателя глобальным хеппи-эндом. В жизни всё происходит далеко не так, и каждый из нас имеет тому свои собственные примеры. Однажды, когда мне было лет семь, я умудрился выиграть в заезжем парке аттракционов великолепный приз – грошовый значок в виде белого бантика с красной каймой. Несколько дней я не расставался со своим сокровищем, носился с ним повсюду, даже клал под подушку перед сном. А потом во время прогулки по бескрайнему пляжу мой трофей провалился сквозь небольшую дырочку в кармане шортов и навеки затерялся среди песчаных просторов. Страшно даже вспомнить, что было со мной, когда обнаружилась пропажа. Не сомневаюсь, что, всецело поглощенный поисками, я мог бы и заночевать на пляже, если бы меня, рыдающего и перепачканного в песке, не увели под руки родители. Ещё долго я не желал смириться с потерей, и, хотя мать с отцом неоднократно предлагали мне взамен сотню точно таких же значков, всё это не имело ни малейшего эффекта. И действительно, о каких эрзацах могла идти речь, если свой единственный и неповторимый бантик я выиграл сам?.. Не знаю, может быть, и есть где-нибудь на свете такая вещь, как детское счастье, но лично я верю в это слабо, слишком уж странен и хрупок внутренний мир любого ребёнка.

К слову, я и до сих пор сохранил способность приходиться в неадекватное состояние по совершенно пустяковым поводам. Взять хотя бы давешний

глазик или же историю с названием группы – пример кристальной воды крепинизма. В тот день мы сидели на автобусной остановке с Трикстером, курили и ждали транспорт. Я долго ныл по поводу своей отвратительной жизни, потом мне это надоело, и я умолк. Трикстер, наша местная легенда, никогда не унывающий и талантливый разгильдяй, тут же принялся развивать свою новую идею названия нашего тогдашнего музыкального проекта. Не помню уж, что он там придумал, но я, будучи в крайне взвинченном состоянии, в ответ на предложенный вариант выдал какую-то чересчур резкую характеристику. Сделано это было исключительно по инерции, и, наверное, именно поэтому меня так поразила реакция Трикстера. Я предполагал услышать шутовскую отповедь (всё-таки за долгие годы общения мы привыкли видеть за словами друг друга нечто большее), ну а вместо ожидаемого получил сильную пощечину. Трикстер, о котором я думал, что знаю его как облупленного, вдруг поднял голову и каким-то очень мягким и растерянным тоном спросил: «Тебе что, не понравилось?». Сейчас мне сложно объяснить свои чувства на тот момент, но после этой реплики я ещё долго не мог прийти в себя, испытывая сильнейшую распробанность. Впрочем, всё это объяснимо, ведь давно уже замечено, что жестокие и чёрствые люди периодически подвержены приступам сентиментальности. Так и я могу битый час рыдать над пластмассовой хреновиной, но останусь равнодушным, узнав о несчастье кого-то из близких...

И ещё много мыслей крутится у меня в голове, и из-за них я никак не в состоянии сосредоточиться на тексте книги, наугад выхваченной из глубины шкафа. С каждым глотком пива сонливость всё сильнее, и, когда дело доходит до середины последней бутылки, я, прекращая глупую борьбу с потреб-

ностями организма, облегчённо зарываю своё лицо в подушку. Почти сразу же всё внутри меня темнеет, становится расплывчатым, а затем окончательно теряет форму и расползается во все стороны. А ещё чуть позже Морфей благосклонно принимает моё сознание в свои объятия, где играет причудливый арт-рок и жизнь всегда в кайф.

Нет, нет и ещё раз нет! О каком звонке может идти речь, пока я не выясню отношения с Пьюрити? Пускай даже моё долгожданное свидание ничем не окончится, дело всё равно не в этом. Мне необходимо чётко знать, что я свободен и не связан своим сомнительным статусом. Если вопрос этот не решить сегодня, то я буду продолжать пнать, пнать до тех пор, пока ситуация не перерастёт в настоящий конфликт. Знаю, что должен идти к телефону, звонить Пьюр и назначать ей встречу, но тем не менее почему-то не делаю этого. Двухчасовой сон прогнал хмель, и сколько бы я ни презирал себя за слабость, поделаться я всё равно ничего не в состоянии. Концепция остаётся неизменной: сначала нужно принять дозу «для храбрости», а уж потом действовать по намеченной схеме. Итак, я закрываю бронированную дверь, выхожу из подъезда и беру курс на стандартное место встречи – пивбар «Два капитана», находящийся минутах в двадцати ходьбы от места моей теперешней дислокации.

Дорога в заведение, где мы с симптоматичной регулярностью устраиваем посиделки, по праву может именоваться пропой скорби, так как именно в этом районе любят собираться отбросы человеческого общества. Что приводит сюда обилие оборванных, грязных людей – близость ли рынка, наличие ли множества пунктов приёма стеклотары, – неизвестно, но за четыре пройденных квартала я несколько раз успеваю наткнуться на бомжей, пребывающих в алкогольной эйфории и огромном

количестве вшей. Не могу сказать, что подобное панно вызывает у меня сильное отвращение, но всё же сегодня я предпочёл бы быть избавленным от таких проявлений людской натуры. Ускоряю шаг, поворачиваю за угол, и туп мой взгляд падает на фигуры, стоящие под выдающимся вперёд уступом продовольственного магазина. Это два совершенно дикого вида типа, один из которых находится в полной прострации и с минуты на минуту собирается рухнуть на асфальт, в то время как другой, несколько попрезвее на вид, активно шарит по карманам бедняги, приговаривая при этом: «Документы, где твои документы, сука?». Я вижу, как цепкие пальцы ощупывают заблёванные подранные брюки, и меня неожиданно охватывает дикая ненависть к этому подонку, грабящему своего же собственного собрата. Импульс, рождающийся внутри, настолько силен, что я уже готов броситься в драку, но в последний момент презвющая струя рассудительности охлаждает мой порыв. В конце концов что я один могу сделать против здорового амбала, который в пьяном виде может свалить быка и прирежет, не задумываясь, родную мать, чтобы раздобыть денег на опохмелку? Позвать на помощь? Абсурд, кому есть дело до двух бомжей, с которых и взять-то нечего, кроме загаженных портков? Я глубоко вздыхаю и иду дальше, вновь и вновь кляня себя за трусость. Последняя сцена сделала желание выпить просто нестерпимым, и когда я, наконец, вижу перед собой до боли знакомую вывеску с изображением двух усачей в капитанских фуражках, то испытываю почти что экстаз. Открываю скрипящую дверь и вхожу внутрь, туда, где смогу на время позабыть, как из разбитого носа обкрадываемого бродяги течёт густая красная юшка.

В баре стоит непривычная тишина, нарушаемая лишь ненавязчивым гудением радио и шелестом

забираемого вентилятором воздуха. Я смотрю на настенные часы, стрелка которых указывает четверть шестого, и понимаю, что имею ещё достаточно времени, чтобы спокойно попить пива, добить до конца многострадального Бэнкса и решить наконец, как вести разговор с Пьюрити. Позже, когда в дверях один за другим начнут появляться друзья и знакомые, у меня уже не будет такой возможности. Тогда мне останется лишь погреться пуэземный алкоголь, стараясь не позабыть при этом те аргументы, которые я собираюсь привести своей перегоревшей любви в качестве оправдания того, что не могу с ней больше спать. Подхожу к стойке, приветствую знакомого бармена и, дабы лишний раз не вскакивать, заказываю сразу две кружки «Новой Баварии» – единственной достойной альтернативы отсутствующему здесь «Таллеру». К концу первой я закрываю последнюю страницу книги (финал неплох своею парадоксальностью), к середине же второй в который раз понимаю, что набившее оскомину объяснение опять придётся переносить на завтра, так как на данный момент тащиться в подвыпившем виде в другой город мне совершенно не улыбается. Покупаю ещё две кружки. Пью... Постепенно зал начинает заполняться, и перед глазами моими словно в калейдоскопе раз за разом мелькают очертания лиц и рук, которые я едва успеваю пожимать. Кто-то из пришедших, осмотревшись, тут же удаляется, не найдя нужного человека, кто-то устраивается за соседними столиками, кто-то ненадолго подсаживается ко мне. Я гляжу на этих людей сквозь густую табачную завесу и грустно улыбаюсь про себя при мысли о своём бесконечном отчуждении от царящего вокруг оживления. Ну что у меня может быть общего с тем же Бесом, обрюзгшим пятидесятилетним мужиком с глазами в сетке красных прожилок и полным отсутствием мозгов? Он здесь постоянный клиент,

и вокруг него всегда вьётся стайка молоденьких хиппушек, правда, отнюдь не потому, что Бес отличается изысканными манерами и хорошо поставленной речью. Зато всё это он компенсирует своей всегдашней готовностью налить стакан-другой очередной девочке, руки которой до локтей покрыты бисерными фенечками, ну а нехитрый интим, как правило, следующий спустя несколько часов, давным-давно уже никем не воспринимается как слишком высокая плата за разбавленное на четверть вино. Вот и сейчас Бес что-то вещает, стоя у барной стойки, в то время как одна его рука достаёт из кармана бумажник, а другая покоится на чьём-то пуго обтянутом джинсой седалище. НЕ-НАВИЖУ! При виде таких индивидуумов во мне очень часто просыпается желание сомкнуть ладони нагорлекого-нибудь из них и медленно наслаждением душиТЬ, одновременно выколачивая пустую голову о первую попавшуюся твёрдую поверхность. Но всё же стоит признать, что встречаются тут и личности поинтереснее. Таков, например, Германн со своею неизменною Сайленс, которые, как обычно, оккупировали столик в самом дальнем углу. Там они просидят целый вечер, потягивая сок или минеральную воду. Изредка Германн станет обмениваться несколькими репликами со знакомыми, Сайленс же будет хранить молчание, лишь иногда вскидывая на собеседников большие грустные глаза. Я долго считал эту пару немного неполноценными, пока кто-то не рассказал мне их историю. Отец Германна был талантливым художником и горячайшим пьяницей, способным за вечер в кабаке спустить весь свой гонорар за картину, стоимостью которой исчислялась в тысячах. Он умер от рака, не дожив до сорока, оставив жену и маленького сына практически без средств к существованию. Мать, ценой невероятных усилий, сумела дать Германну достойное образование, и последний воспользовал-

ся им настолько, что, ещё будучи студентом, уже зарабатывал неплохие деньги в качестве сотрудника переводческой конторы. Эта воистину героическая женщина дожила до того момента, когда увидела сына преподавателем на кафедре английского языка, а затем вскоре скончалась, оставив Германну бремя одиночества и тяжкий психологический комплекс. Именно поэтому он несколько раз в неделю появляется здесь и проводит время за стаканом чего-нибудь безалкогольного, вновь и вновь убеждая себя в том, что не повторит судьбы отца, которого практически не помнит и при этом люто ненавидит. Что же до Сайленс, тихони с почённым лицом фотомоделей, от которой я за несколько лет слышал не более двадцати слов, то о её трагедии не знает никто. Известно лишь, что их с Германном объединяет какое-то общее горе, и будь я проклят, если подобное чувство не сближает людей сильнее, нежели любые позитивные эмоции. Мне нравится эта пара, хотя я и редко общаюсь с ними. Даже находясь в достаточно подпитом состоянии и испытывая дефицит разговоров на тему современной музыки и литературы, я не часто отваживаюсь нарушать их уединение. В нём есть что-то загадочное, если хотите – даже чистое, и, когда на меня накатывают приступы сентиментальности, я желаю им счастья. Бывают, правда, и иные состояния, и тогда, будучи трезв и зол, я представляю себе совсем иную картину. В ней нет никакого флёра таинственности, лишь одна голая реальность, где Германн запивает и посылает подальше свою подружку, которая, за неимением альтернатив, отправляется на панель. Да простят они мне эти мысли, но чем дольше живёшь в нашем мире, тем меньше веришь сказкам детства.

Справа от меня расположилось человек семь, среди которых выделяется фигура Лоста. Сейчас он возбуждён и разговорчив, но всегдашняя «Двух

капитанов» знают, что это не более чем иллюзия. Одарённый инженер, Лост все свои силы и энтузиазм всегда отдавал науке и, может быть, даже не сразу заметил, что в один прекрасный день от него ушла жена, забрав с собой двух крошечных девочек-близняшек. Лост и по сей день работает в своём родном НИИ, по-прежнему получает восторженные похвалы со стороны начальства вместе с нищенской зарплатой, видимо, так до конца и не осознавая, на каком свете находится. Вечера же он проводит исключительно здесь, заливаясь выпивкой, и почти каждый раз после закрытия заведения его приходится выводить наружу под руки. За годы, проведённые в этом кабаке, почти каждому из нас доводилось пащить на своём горбу Лостово тело домой, попутно выслушивая повествование о его потерянной семье. Живи такой человек во Франции девятнадцатого столетия, Мопассан непременно сделал бы его героем одной из своих новелл.

Тем временем невидимая рука всё быстрее и быстрее трясёт калейдоскоп, и я уже почти теряю надежду увидеть Трикстера или ТНТ, единственных двух людей, с которыми мне бы действительно хотелось поговорить сейчас. Выплескиваю в себя оставшуюся в кружке жидкость, поднимаюсь из-за стола, и в эту секунду, словно перевязанный красной ленточкой подарок судьбы, в дверях появляется ТНТ. Она оглядывается по сторонам, замечает меня, и вот уже мы несёмся друг навстречу другу с радостными назгульскими воплями. Немногие неинициированные в местные обычаи посетители удивлённо оглядываются, большинство же, давно привыкшее к подобным проявлениям радости, остаётся совершенно невозмутимым. Я подхватываю ТНТ на руки, делаю с ней несколько кругов по залу (конечно, будь я чуть более трезвым, то вряд ли бы

отважился на это действие, учитывая свою, мягко говоря, скромную комплекцию), а затем пашу радостно визжащую барышню к ненадолго покинутому месту расположения. Со всех сторон к нам тут же начинают стекаться жаждущие общения собратья, но сегодня я настроен более чем решительно и делить ни с кем в этот вечер ТНТ не намерен. Заказываю ещё пару литров, дожидаясь, пока поток паломников не иссякает, и наконец-то мы остаемся вдвоём. Молчание. Улыбаясь, мы изучаем друг друга так, словно бы не виделись целую вечность, хотя с момента нашей последней встречи не прошло и трёх суток. Я смотрю на новую причёску своей названной сестры, на её любимую чёрную футболку в компании с запертыми джинсами и понимаю, как сильно нуждаюсь в этом странном, вечно мятущемся создании. О ней говорят, что она любит и мальчиков, и девочек, только очень немногим известно, как ей хочется по-настоящему полюбить хоть кого-нибудь, ну а сама она не уверена в том, что может испытывать подобное чувство даже к себе. С ней замечательно говорить и невероятно уютно молчать, и я знаю, что любой человек мог бы мечтать о такой сестре...

Внезапно мы почти одновременно разбиваем нашу личную пишину, и начинается та самая словесная феерия, о которой можно сказать только одно: повторить такое ещё раз невозможно. Очень скоро я не выдерживаю и рассказываю ТНТ обо всех событиях, произошедших за последние несколько дней и ночей. Сестра удивлённо взирает на меня, хмурится и, когда речь заходит о Пьюрити, задаёт всего один вопрос: «Зачем?». Я пытаюсь спастись ёрничеством, быстро прихожу в серьёзное состояние под осуждающим взглядом и отвечаю словами Трикстера: «Где-то на свете бродит та самая единственная, только мы с ней ещё не встретились».

Следует пауза, а затем звучит фраза, при всей своей ироничности выходящая слишком уж потеррянной: «Ага, значит, встретившись, вы друг друга не узнаете», – задумчиво тянет ТНТ и тут же обрушивает на меня целую серию эпитетов потрясающей критической силы. Я отшучиваюсь. Начинается весёлый бардак, в ходе которого мы потребляем ещё литра полтора, поём вместе с музыкальным автоматом, уполовинивающим и без того скудное содержание наших кошельков, и даже периодически порываемся танцевать канкан на барной стойке. Праздник души грозит затянуться надолго, и лишь благодаря настойчивости бармена мы всё-таки в конце концов покидаем «Два капитана». На улице уже давно темно, с неба льёт дождь, и, прикрывшись сверху моим рюкзаком, наша безумная парочка бежит к троллейбусной остановке. Там, укрывшись под навесом, мы ещё долго курим, слушая мелодию капель, а затем пути наши расходятся. ТНТ едет домой, где её ждёт уютная квартира и вечно раздражённая мать, я же отправляюсь назад к Систу. Лужи хлюпают у меня под ногами, и я воображаю себя усталым странником, возвращающимся домой после долгого отсутствия. Где-то там, среди скопления домов, у одинокой свечи сидит у окна Она и смотрит вдаль, пытаясь разглядеть во тьме мой силуэт. Она верит в меня, и я продолжаю движение, хотя давно уже не уверен, правильной ли дорогой иду. Дождь усиливается. Ветер крепчает. Я иду вперёд.

НОЧЬ ВТОРАЯ. ТРУСОСТЬ

Антихрист, алчущий Армагеддона; безумец, босиком бредущий бескрайним болотом; бог, безжалостно бичующий безгрешного борца; вздернутый вор; вероломец, вопящий в вареве Вельзевула; ведь-

мак, воющий волком, вороном вонзающийся в воздух; голод гордыни, гложущий героя; горящий город; добро; доброта; добродетель; добродушие; добропорядочность; добронравие; дерьмо; епископ-еретик; ёрничающий евангелист; жизнь (жестокий жанр); заражённый злом Заратустра; зияющая зависть; испражнения истины; калека-кардинал, кашляющий кровью; кастрируемая Красота; лицемерие любви; лживость ласки; мародёрствующий монстр, молящийся мамоне, маскирующийся моралью; наркотик, несущий ненависть; ненависть, несущая насилие; насилие, несущее небытие; опьянение отчаянием; остропа одиначества; ожидание освобождения; палящий полдень... покрытый пылью плащ... плачущий путник... пустота погоста... проказа...; рабство – реальность; свобода – сон; тюремщик, торгующий трупами; триумфальный тупица-тиран; трихомоноз Троицы; умалишённый Уайльд; фанатик фарса; философ-фигляр; фашиствующий Фауст; х.....; циник-ценитель целибата; честность чёрта; чистота чрева; чертоги чистилища; шизофреник Шива; щупальца щедрости; эякуляция эпатажного эстетствующего эгоиста; юность юродивого...

Я – человек, который готов сыграть для вас все эти роли, и если захотите, то даже в алфавитном порядке, только к чему, если и это не избавит меня от проклятой вселенской скуки?

Такими вот литературными экзерсисами я развлекаю нескольких персонажей, собравшихся сегодня ночью в огромной гостиной Систовой квартиры. Правда, весь этот декадентский бред следовало бы закончить иначе, что, несколько ломая общую концепцию, всё же было бы гораздо ближе к актуальной реальности. Итак, я – законченный прус, которому уже вряд ли когда-нибудь суждено излечиться от этой отвратительной болезни. Два часа назад моё

взъерошенное и насквозь промокшее тело весьма эффектно предстало пред светлы очи хозяина дома, после чего последний тут же потащил меня в ванную. Пока я переодевался в сухую одежду и развешивал на трубах отопления свои окончательно потерявшие товарный вид вещи, Сист варил на плите глинтвейн, на запах которого я отреагировал подобно зюскиндовскому Гренуйю, зачуявшему вдали нужный ему аромат. Горячее варево ещё не успело как следует остыть, а я уже поглощал его большими глотками, наслаждаясь теплом и сладостным предвкушением предстоящего опьянения. За время прогулки под дождём большая часть хмеля успела выветриться из моей головы, однако подогретое вино, лёгшее на изрядный пласт уже плескавшегося в желудке пива, в короткое время привело меня в первоначальное состояние. Тут-то господина Шмерца и подстерегала западня, об опасности существования которой его никто не успел предупредить. Я вдруг почувствовал себя невероятно убедительным и к тому же уверенным в своих силах. Мне казалось, что это был тот самый момент, когда я мог за несколько минут разрешить все свои проблемы, когда я был в состоянии подобрать именно те самые нужные слова, которые могли бы окончательно убедить Пьюрити в необходимости нашего разрыва. Охваченный порывом, не думая ни о компании в соседней комнате, ни о времени суток, я рванул к телефону, стоящему на столике в прихожей... Потом был сорокаминутный разговор, полный крика, слёз и упреков. Стоит ли упоминать, что, когда сонная и недоумевающая Пьюрити всё-таки взяла трубку после девятого гудка, я с места в карьер понёс жупку околесицу, которая, впрочем, тогда представлялась мне чем-то весьма достойным и чётко выстроенным. Ответом было полное непонимание, которое постепенно перераста-

ло в самую настоящую истерику. Временами мне даже казалось, что змеящийся по полу телефонный провод превратился в оголённый нерв, и если бы я периодически не прикладывался во время разговора к кружке с глинтвейном, то точно бы ощутил, как он брызжет во все стороны разрядами электричества. В конце концов меня попросту оборвали посреди очередного сложного логического построения, и на другом конце линии метроном-зуммер тут же начал отсчитывать мне в ухо свои неизменные четыре четверти. Несколько раз ещё я нажимал на клавишу повторного набора номера, но результат оставался одинаковым. Тогда я швырнул трубку на место, замысловато выругался, допил вино и вернулся в гостиную. Стыдно сказать, но в те минуты я не чувствовал практически ничего, кроме всеобъемлющей радости освобождения, перекрывавшей собой остальные эмоции. Я знал, что спрусил, что пошёл по пути наименьшего сопротивления, знал, что скорее всего сегодня в мире стало больше на одного человека, который меня ненавидит, и всё же ничего не мог с собой поделать. Я начал петь и пританцовывать, на ходу отбивая на собственной груди быстрый ритм босановы. Мне хотелось заразить своим состоянием всех окружающих, хотелось праздника, карнавала, и я был несказанно удивлён, осознав, что другие присутствующие явно не слишком горят желанием делить со мной эту бьющую ключом радость. Тем не менее я постарался не потерять куража, для чего подыграл на табуретке меланхолично перебирающему в углу струны гитары И. Ти., немного потискал Блэйд и изложил Прэю свои взгляды на современную женскую мораль. Затем я говорил о творчестве, в упор не замечая, что меня никто не слушает. (Помнится, в своём монологе я усиленно продвигал идею необходимости торжества минимализма в искусстве, утверждая

при этом, что лучшую обложку для музыкального альбома сделали Paradise Lost на «Gothic». Потом был покер. Упорное нежелание Сиса и Прэя расписать со мной сотню-другую партий могло бы смутить и короля упрямец, но так или иначе я всё-таки добился своего. Обычно, играя с Систом (а карты мы всегда воспринимали лишь при наличии денежных ставок), я испытывал некоторое неудобство при выигрыше, так как мой товарищ достаточно спокойно относился к потерянной сумме и его ничего не стоило приподнять до заоблачных высот. Последнее обстоятельство, впрочем, совершенно не помешало мне значительно улучшить своё материальное состояние партии где-то к тридцатой. Пока мы предавались своим сугубо мужским развлечениям, стандартная уик-эндовская Пэйшенс вместе с Блэйд удалились на кухню пить чай, И. Ти. же с маниакальной настойчивостью продолжал извлекать из гитары один и тот же рифф из трёх нот. Наконец, видимо, удовлетворившись полученным результатом, он опложил инструмент в сторону и, минут пять понаблюдав за падающими на стол картами, вдруг предложил мне отослать кое-какие мои старые рассказы в один из столичных журналов. Пребывая в состоянии полнейшего отсутствия соприкосновений с логикой внешнего мира, я мгновенно дал своё согласие, присовокупив, что даже готов взять на себя расходы на распечатку и пересылку. Мы договорились о месте встречи на следующий день и, кажется, даже обсудили размеры потенциального гонорара. Таким образом, графомания плавно свела на нет следующую раздачу, и я, окрылённый возможностью получения огромной суммы денег за свои опусы, даже великодушно забыл потребовать с партнёров проигрыш. И. Ти. начал читать стихи, вскоре я прервал его, достав из рюкзака целую кипу измаранных как минимум двумя десятками

ручек листов. И вот теперь, с трудом преодолевая сон, я пытаюсь разобрать содержание очередной страницы, усеянной моими невообразимыми каракулями. В итоге я бросаю это гиблое дело, потягиваюсь и оглашаю окружающее пространство громким зевком. Нужно подниматься и направляться в одну из комнат, где меня ждёт хорошо знакомый диван – обычное место моего упокоения в этом доме, но я по-прежнему не двигаюсь с места, чувствуя полное отсутствие сил даже для того, чтобы встать со стула. Судя по внешнему виду сидящего напротив Сиспа, он испытывает приблизительно похожие эмоции, и можно с уверенностью сказать, что в самое ближайшее время хозяин, послав подальше приличия, отправит всех по своим адресам: я двинусь спать, а вот Прэю с Блэйд придётся перебазироваться куда-нибудь в иные пространства. Что же до И. Ти., всё это время не прекращающего что-то бубнить у меня под ухом, то его, похоже, проблема смены дислокации совершенно не волнует. Иногда я начинаю завидовать этому человеку, который живёт в параллельном нашему миру и возвращается оттуда лишь затем, чтобы поддерживать свою физическую оболочку. Его голова вечно полна огромным количеством идей. В реальность из них обычно воплощается процента два, но это вряд ли имеет особое значение. Главное здесь то, что И. Ти. искренне верит в достижимость своих масштабных задумок, и это делает его счастливее многих других людей, склонных в повседневности снисходительно подсмеиваться над своими якобы морально неказистыми собратьями. Плавная и неторопливая речь И. Ти. уже почти окончательно погружает меня в сон, когда из кухни возвращается Пэйшенс, и я, понимая всю неизбежность предстоящего изгнания, наконец, покидаю насиженное место. Встаю, заплетаясь языком желаю присутствующим спо-

койной ночи и перемещаю тело за порог. По дороге к вожаденному дивану до меня доносятся обрывки кухонной дискуссии между Блэйд и Прэем, который после ухода Пэйшенс мгновенно занял место подле своей обожаемой. Ничего нового из их текстов я для себя не выношу, что, собственно, и неудивительно, ибо ситуация с этой парочкой мне ясна до мелочей. Несчастный Прэй, неглупый, но безвольный человек, пополнил собою список жертв нашей широко популярной женщины-вамп. Не знаю уж, чем их там так привлекает Блэйд, но факт остается фактом: подобную стервозу, на счету у которой не один десяток морально высосанных молодых людей, встретить можно нечасто. И это при всём при том, что ни суперэрудицией, ни особой красотой она не отличается. В ней, правда, присутствует некий трудноописуемый шарм, то, от чего обычно теряют головы как подростки в разгаре пубертатного периода, так и солидные дяди с брюшком и залысинами. По счастью, все эти шпучки на меня особого действия не оказывают, так что я спокойно добираюсь до своего логова, не обращая никакого внимания на перепалку за стенкой. Внушительный плевок в открытую форточку достойно венчает собою хаос минувших суток, и я, покряхтивая от наслаждения, принимаю горизонтальную позу. Минуту спустя комнату уже оглашает пропаянный храп, как всегда безошибочно выдающий моё вдребезги пьяное состояние. Немногим позже с улицы внутрь влетает мотылёк и, сделав пару кругов, садится на ковёр, висящий на стенке у изголовья кровати. Снаружи доносится шум дождя, и мы мирно отдыхаем, набираясь сил перед новыми свершениями...

Меня будит кто-то, перелезающий через моё тело, стремясь устроиться на свободном диванном пространстве. За окном всё так же темно,

и мне остается только гадать, сколько времени прошло с тех пор, как я уснул, и кем является таинственный ночной визитёр. Вхожу в роль великого стратега и, когда некто рядом, пошевелившись, случайно задевает меня локтём, выдаю заспанным голосом недовольную тираду. Короткое «извини», звучит в ответ тихо, но всё же не настолько, чтобы я не смог разобрать тембр... Хотел бы я знать, что это Блэйд понадобилось среди ночи у меня на диване. Мой мозг, работа которого ещё в достаточной степени модифицирована влиянием алкогольных паров, всё же достаточно быстро находит однозначное объяснение последнему факту, и я, не откладывая дело в долгий ящик, приступаю к решительным действиям. В результате вместо страстного поцелуя мне достаётся увесистый тычок в бок. «Ну как знаете», – вяло бормочу я, не способный на более активную реакцию, и переворачиваюсь на другую сторону. Так проходит несколько минут, и, когда я уже готов вновь погрузиться в блаженный мир сновидений, в спину мне вдруг легонько стучат костяшками пальцев, и я с удивлением отмечаю виноватые нотки в неуверенном «ты не спишь?», раздающемся в тишине. «Не сплю», – ответ мой явно не блещет оригинальностью, но, что поделаешь, активизировать какие-либо мыслительные процессы мне сейчас элементарно лень. «Ты извини, что я с тобой так резко, сама, наверное, виновата... Припёрлась к тебе в постель, разлеглась – считай, сама предложила...». «Так, а в чём дело-то, комнат в доме вроде бы хватает?». «Не знаю, как и сказать, мне просто очень не хотелось оставаться одной. Я в детстве темноты жутко боялась, спать без света не могла, ну потом переросла как-то, но всё равно до сих пор иногда становится страшно. И тогда, если рядом ночью никого нет, начинаешь сходить с ума и в таком состоянии можешь

натворить всё что угодно». «Ну а как же Прэй, он-то тебе чем не подходит как ночной сторож?» – здесь в голосе моём проскальзывает неприкрытая ирония. «Да поругались мы, он и ушёл домой, меня оставил. Я спать легла, а уснуть всё не могу, ворочаюсь всё время, мысли какие-то нездоровые в голову лезут. Потом вот не выдержала и сюда пришла...». Мдааа... Вот оно, значит, как, занятно, занятно... Только что-то слишком уж часто она со всеми ругается. Я ещё нахожусь в раздумьях, стоит ли акцентировать на этом внимание, как Блэйд, словно прочитав мои мысли, сама запрагивает возникший у меня вопрос. «Ты думаешь, я сперва, вначале всех посылаю, а потом мучаюсь? Может, оно и правда, но никто почему-то не может понять, что так происходит ещё и потому, что я ищу и всё никак не могу найти. Попадается всё что угодно, кроме того самого одного, и я начинаю злиться на весь свет. На них – за то, что они не такие, какими я хочу их видеть, на себя – за то, что срываю на других своё раздражение... Ругаюсь, истерики закатываю, кругом орут, что я дрянь распоследняя, а жизни-то настоящей как не было, так и нет. Скучно, твою мать...».

Да, такого я не ожидал. Нельзя, конечно, сказать, что этот монолог кардинально изменил моё видение жизни, и всё же сложно отрицать, что ей удалось меня пронуть. Сейчас мне совершенно не хочется анализировать сказанные слова, которые на поверку могут оказаться хорошо срежиссированным спектаклем, и поэтому я просто поворачиваюсь и слегка обнимаю худые плечи Блэйда. Так мы долго лежим в темноте, передаём один другому тепло своих тел, и молчим, каждый лелея своё собственное одиночество. Потом как-то совершенно неожиданно для себя я целую Блэйда в губы и на этот раз не получаю отказа. Мы любим друг дру-

га долго и самозабвенно, и есть что-то воистину мистическое в нашем стремлении, почти полностью отречьшись от себя, доставить партнёру удовольствие, ради которого человечество уже многие тысячи лет занимается этим процессом. Но, когда цель оказывается достигнутой и объятия размыкаются, я всё же думаю, что очень бы хотел, проснувшись завтрашним утром, обнаружить рядом с собой пустое место...

ДЕНЬ ТРЕТИЙ. ПОБЕГ

Несмотря на то что в городе почти полночи лил дождь, сегодня о нём напоминают только периодически попадающиеся на пути лужи, которые приходится всё время обходить, из-за чего траектория движения превращается в какую-то безумную кривую. Солнце всё так же нещадно палит с высоты, на небе нет ни облачка, и после пяти минут, проведённых на улице, хочется поскорее вернуться домой, содрать одежду и до самой ночи не вылезать из ванны, полной холодной воды. Я сижу на ступеньках здания железнодорожного вокзала, смотрю на помявшихся от жары прохожих, жду И. Ти. и ем сомнительного вида пирожок, приобретённый в палатке напротив. Так уж вышло, что утром мне не удалось позавтракать, и вовсе не потому, что я постеснялся напрячь Сиспа по поводу кормёжки. Проснувшись около одиннадцати часов, я некоторое время усиленно соображал, где нахожусь, ну а вспомнив обо всех событиях прошлой ночи, скривился почище, чем мой друг Трикстер от своей знаменитой зубной боли. Во всей этой бочке (так и хочется сказать дерьма) дёгтя была лишь одна небольшая капля меда: на кровати я находился один. По всей видимости, Блэйд успела встать задолго до моего пробуждения и умотать куда-то

по своим делам. Сей факт несколько примирил меня с действительностью, так как теперь я уже просто не представляю, как с ней общаться. Пускай мы и не давали друг другу никаких обязательств, пускай связь наша была не более чем простой попыткой на время убежать от одиночества, всё равно я чувствовал бы себя крайне неудобно, открыв глаза рядом со своей ночной любовью. Проведя в подобных размышлениях ещё с четверть часа, я в конце концов кое-как собрался и выполз из комнаты. По дороге на кухню мне попалась Пэйшенс, как-то очень странно на меня посмотревшая. Приблизительно то же самое произошло и со стороны Сиспа, варившего в топ момент кофе в огромной медной турке. Собственно, никто из них не сказал ни слова по поводу дамы, появившейся у меня в разгаре ночи, чтобы разделить со мной постель, и, в принципе, я даже не был уверен, что последнее им было известно. Вполне возможно, что мой мозг просто-напросто неправильно истолковал взгляды сладкой парочки, но так или иначе у меня совершенно пропало какое бы то ни было желание оставаться в их квартире. Поблагодарив Сиспа за ночлег и приятную атмосферу, я попрощался и отправился в сторону вокзала на условленное место встречи с И. Ти. Особого смысла, правда, в этом не присутствовало, так как ни за какой дискетой с рассказами заходить домой я совершенно не собирался, поразмыслив на трезвую голову, что выкидывать деньги на распечатку махровой чуши, которую всё равно никто не напечатает, было бы архиглупо. Да и вообще настроение у меня было премерзкое, болела голова, мучила совесть за разговор с Пьюрити, и жутко хотелось забыться и ни о чём не думать. Из-за стёкол каждого встречного ларька на меня смотрели батареи пивных бутылок, полных проверенного эликсира от тоски, но неимо-

верным усилием воли я всякий раз заставлял себя уклоняться от общения с ними. Во-первых, у меня не на шутку разыгралась печень, а во-вторых, я элементарно боялся натворить ещё каких-нибудь глупостей, придя в состояние измененного сознания. Потому-то я и дожевываю сейчас свой пирожок всухомятку. Неплохо было бы, конечно, подняться и сходить за стаканчиком кваса, бочка с которым стоит на привокзальной площади метрах в пятидесяти от меня, но лень пока ещё сильнее жажды. Я продолжаю неторопливо двигать челюстями и ждать изменений.

Появляется И. Ти. Сегодня он в красной рубашке, мешковатых серых брюках и шлепанцах на босу ногу – наряд человека, совершенно не озабоченного состоянием своего гардероба. Начинается диалог. «Привет, ну что, принёс?». «Да нет, на фиг надо, кому это сейчас нужно?». «Ну как знаешь, только зря ты так, могло бы что-нибудь и получиться». «Могло, не могло, какая разница? Я устал, отдохнуть хочу, другие пускай печатаются, у нас литераторов как собак нерезаных». «Ладно, решать-то тебе... Ну всё, пока, я побежал, у нас сборы в артмастерской». «Чеши давай»... И. Ти. удаляется, я тоже встаю со ступенек и начинаю не спеша идти вдоль железнодорожных путей, от которых меня отделяют каменный бордюр и решётка. Больше всего на свете мне сейчас не хочется оставаться наедине с самим собой, но и на общение с ближними я тоже абсолютно не настроен. Питаться боязно, спать не тянет, и остаётся только вариант долгой пешей прогулки, которая вымотает тело так, что не останется сил ни на какую мыслительную деятельность. В самом прямом смысле этого слова я двигаюсь туда, куда глядят мои глаза, практически не смотря по сторонам, сосредоточившись на бегущей под ногами дороге. Мимо между двумя здоровенны-

ми вращающимися щетками, разбрызгивающими во все стороны моющую жидкость, движется грузовой состав, я на секунду отвлекаюсь от созерцания асфальта, и тут меня посещает восхитительная идея, способная помочь мне убежать от тяжести внутри. Для этого необходимо представить, что ты – это вовсе не ты, а совсем другой человек, у которого полно своих собственных проблем и неприятностей. Сосредоточившись на них, погружаясь в мир виртуала, можно совершенно забыть о самом себе, и я тихо радуюсь этой возможности. Итак, я воображаю себя молодым учёным, с головой погружившимся в науку и не вылезавшим из пыльных книгохранилищ. Разморенный жарой, упомлѐнный долгими копаниями в пожелтевших от времени изданиях, я уснул в архиве, а очнувшись и выйдя наружу, понял, что попал в другую реальность. На первый взгляд она ничем не отличается от нашей, но есть в ней и нечто иное, которое при ближайшем рассмотрении удивляет и даже ужасает. И вот я бреду в полной растерянности по бесконечной улице, не зная, куда идти и что делать. Навстречу мне попадаются люди с хмурыми, озабоченными лицами, все они словно бы находятся под каким-то внутренним гнѐтом, и я явственно читаю в их глазах лишь им ведомую безысходность. Кто они такие, что заставляют их так настороженно оглядываться по сторонам, в чём причина их беспокойства? Я задаю себе эти вопросы десятки раз, не нахожу ни единого ответа и ускорюю шаги, чтобы как можно реже чувствовать на себе странные и недобрые взгляды окружающих. Должно быть, они чувствуют во мне чужака, отсюда и подозрительность, насквозь, кажется, пропитывающая удушливую атмосферу этого мира. Ни на секунду не задерживаясь, я быстрым шагом продвигаюсь вперед, без цели, без ориентиров, потерянный и на-

пуганный. Ко всему прочему я совершенно перестаю соображать, где нахожусь, так как ни названия улиц, ни вывески магазинов, ни внешний вид строений, попадающихся на моём пути, мне ни о чём не говорят. Вдруг в голову мою приходит образ, заимствованный, по всей видимости, из «Лангольеров» Стивена Кинга. Процесс моего перехода сюда произошёл во сне, и было бы вполне логично предположить, что если мне и удастся вернуться назад, то только находясь в том же самом состоянии. Следовательно, необходимо найти какое-то укрытие, где пережёсший сильный стресс организм пусть и не сразу, но всё же обретёт отдых, а вместе с ним, возможно, и избавление от затаившегося кошмара параллельной реальности. Сознание того, что теперь мне есть к чему стремиться, до некоторой степени ранимирует мой уже готовый погрузиться в ступор мозг, я останавливаюсь на месте и начинаю озираться по сторонам в поисках подходящего убежища.

Оказывается, что стою я посреди узкой каменистой улочки, бегущей между двумя рядами одно- и двухэтажных домишек, в большинстве своём несущих на себе следы разрушительной деятельности времени. Окна во многих из них надтреснуты, стены увивает непомерно разросшийся плющ, на земле валяются куски упавшей с крыш черепицы. Если бы не остов какого-то автомобильного веперана с выведенным на покрытом пылью капоте сакраментальным «помой меня», можно было бы решить, что я очутился где-нибудь на Востоке века эдак семнадцатого. Один лишь вид этих молчаливо созерцающих меня хибар отбивает всякое желание искать гостеприимства у их владельцев. Да и кто знает, как здесь принято расплачиваться за постой: вполне возможно, что путник, имеющий неосторожность постучать в дверь в поисках крова и пищи, сам в конечном итоге становится главным

блюдом на обычно скудном хозяйском столе. Нет, лучше уж я устроюсь в каком-то заброшенном подвале, чем стану общаться с ходячими зомби, от которых ничего хорошего ждать совершенно не приходится.

Вдали я замечаю перекрёсток дорог, на котором как будто виднеется что-то живое. Сначала я долго не могу понять, кем является чёрное создание, непрерывно двигающееся из стороны в сторону, и, лишь подойдя ближе, узнаю сторбленную фигуру нищего в дырявом балахоне. Скрюченный в припогибели, он монотонно качается влево-вправо перед выщербленной деревянной чашей для подаяния, стоящей на грязной земле. Я не могу видеть лица, скрытого под просторным капюшоном, и всё же понимаю, что передо мной ещё один изгой, обездоленный человек, чувствующий себя чужим в окружающем его мире. Может быть, у него я смогу получить если не помощь, то хотя бы совет, в котором сейчас так нуждаюсь. Я приближаюсь вплотную к не прекращающему свои маятникообразные движения нищему и швыряю на пустое дно чаши две монеты, нашаренные только что в заднем кармане джинсов.

Звон меди, ударившейся о дерево, производит эффект, которого я никак не ожидаю. Сидящий человек вдруг застывает на месте, превращаясь в истукана с поджатыми коленями и низко опущенной головой. Абсолютно не понимая, что происходит, я лихорадочно пытаюсь подобрать слова, могущие помочь начать разговор, и в этот момент фигура в чёрном начинает выпрямляться, капюшон падает со лба и...

Трудно описать тот ужас, который я испытываю при виде доселе от меня скрытого. То, что когда-то было человеческим лицом, теперь является собою лик жуткой болезни, которой нет названия.

Толстую вздувшуюся жёлто-серую массу пересекают трещины, глубоко въевшиеся в мерзкую коросту, вместо носа зияет провал, а из-под нависших надбровных дуг пристально смотрят сочащиеся гноем горящие глаза. Два куска мяса, несколько не напоминающие губы, внезапно размыкаются, открывая тёмную пещеру рта с редкими обломками зубов по краям. Отвратительное создание заходится мелкой дрожью, идущей откуда-то из глубины его тела, и я слышу дикий кудахчущий кашель-смех, от звуков которого хочется заткнуть руками уши и бежать прочь. И я бегу, унося свои ноги от проклятого места, а в спину мне впивается взгляд чудовища, заставляя всё увеличивать и увеличивать скорость... Сколько продолжается эта гротескная погоня, где есть преследуемый, но нет преследователя, я не знаю. Ни сердце, выпрыгивающее наружу, ни конвульсивно дёргающаяся селезенка не могут меня остановить, и в конце концов удаётся это лишь какому-то торчащему над самой землёй ограждению. За последнее цепляется моя нога, и я лечу плашмя вниз, навстречу удару, который изуродует мне лицо и переломает несколько костей...

Удар есть, и он действительно силен, но далеко не так, как это можно было бы предположить, учитывая все обстоятельства. Немного оклемавшись, я с удивлением осознаю, что лежу на толстом слое песка, который смягчил падение и свёл весь мой ущерб к ссадинам на теле и испачканной одежде. Я оглядываюсь по сторонам и констатирую, что меня занесло на безлюдную детскую площадку достаточно приличных размеров, с качелями, каруселями, горками и, конечно же, песочницей, где и находится сейчас моя весьма плачевного вида персона. Остаётся только дивиться, как я умудрился ещё раньше не влететь лбом прямо в одну из окружающих меня многочисленных металличе-

ских конструкций. То-то радости было бы дешишкам, когда поутру они бы обнаружили возле своей любимой карусели моё окоченевшее тело с разбрызганными во все стороны мозгами.

Впрочем, как известно, нет худа без добра. Вся мудрость последней поговорки доходит до меня, когда я повнимательнее присматриваюсь к обстановке вокруг. Чуть поодаль, в самом углу площадки, под кронами каких-то здоровенных деревьев расположилась небольшая избушка. При ближайшем рассмотрении она оказывается цельным деревянным домиком. У него четыре стенки, отверстия для окон и двери и островерхая крыша, увенчанная резной фигуркой голосящего петуха. Внутри к стенкам прибиты сиденья, где при желании могут разместиться человек с пятью. Вот оно, то самое укрытие на ночь, которое я так искал! Чтобы его найти, мне вначале пришлось пережить несколько жутких минут встречи с нищим, а потом совершить опасное для жизни падение, но теперь я знаю, что это было всего лишь испытание. Оно было пройдено успешно, и я получил возможность с полным правом пожинать плоды своей победы.

В избушке тихо, прохладно и немного пахнет сыростью. Лучи вечернего солнца косо падают внутрь через прорубленные в дереве отверстия и ложатся на шершавую поверхность причудливыми пятнами. В одном из них я замечаю какие-то надписи, вырезанные, по всей видимости, ножом, наклоняюсь пониже, чтобы их прочесть, и тут же отшатываюсь, поражённый увиденным. Стены избушки покрыты глубокими шрамами, складывающимися в кощунственные, противные человеческому слуху имена. Йог-Сотот, Ктулху, Тсаттхоггуа – боги, пришедшие на Землю с далёких звёзд задолго до появления человека, бесформенные монстры, чья сущность, помыслы и цели непостижимы нашему пониманию.

О нет, неужели я попал в западню и уютное убежище станет капканом, схватившим наивного кролика? В отчаянии я вскакиваю с места, но почти сразу же вновь опускаюсь на скамейку. Что толку пратить силы, если исход всё равно предрешен? Куда бы ты ни бежал, тебя найдут, и последнее неизбежно. Так не лучше ли прекратить бессмысленное сопротивление и по крайней мере провести в покое остаток отпущенного тебе времени?

Странно, но мысль эта действительно успокаивает меня, и я даже стараюсь как можно более комфортно устроиться на жёсткой скамейке. На ум приходит сравнение с заживо погребённым, пытающимся придать себе удобную позу в гробу, но и такая метафора несколько не вызывает во мне отчаяния. Напротив, я почти веселюсь и складываю руки на груди, стремясь создать обстановку, максимально приближённую к атмосфере, царящей обычно шестью футами ниже уровня земли. Для вящего эффекта полностью закрываю глаза. Теперь издалека я уж точно сойду за мертвеца, ну а вблизи...

– Ну ни хрена себе, а это что за урод?

Что ж, вот они и пришли за мной. Лексика их, правда, немного необычна для посланцев Богов Хаоса, но, вероятно, здесь царит совершенно отличная от нашей логика. Я медленно принимаю сидячее положение и открываю глаза навстречу своей смерти... Как интересно, а она, оказывается, большая шутница, иначе чем ещё можно объяснить то, что вместо ожидаемого воплощения Ужаса в дверном проёме я вижу трех здоровенных амбалов. Слово близнецы, в одинаковых спортивных костюмах, с одинаково пустыми глазами они возвышаются надо мной неприступными скалами и выжидательно смотрят. Вероятно, они ждут от меня мольбы о пощаде или на худой конец раскаяния в беспутно прожитой жизни, только вот последнее почему-то

упорно не идёт мне на язык. Наконец, я собираю остатки красноречия и, поднявшись на ноги, изрекаю:

– Да пребудет с нами Йог-Сотот ныне, и присно, и во веки веков. Ведите меня за собой, и пусть все кары Властителей Древности падут на мою грешную голову.

В знак повиновения я делаю шаг вперёд. На лицах проицы застывает трудноописуемая смесь непонимания и агрессии. Принимая это как должное, я шагаю ещё раз и получаю мощный удар в грудь, от которого отлетаю назад, знатно приложившись затылком к стенке. Голову наполняет яркая вспышка света, и в нём я вижу приближающегося ко мне амбала, только что так невежливо со мной обошедшегося. Нет, это не всадник на бледном коне, пришедший по мою душу, не Йог-Сотот и даже не сам Великий Кпулху. Это просто тупая гора мышц, безмозглое животное, решившее от скуки поразмять конечности, и сейчас, несмотря на весь мой хваленый интеллект, оно сделает из меня отбивную. «Ну вот и всё», – думаю я, но тут в дело неожиданно вступают рефлексy. Мозг ещё не успеваеи осознать происходящего, как тело моё уже летит наружу сквозь ближайшее окно, причём я даже успеваю схватить с ближайшего сиденья свой рюкзак. Вслед мне несётся что-то вроде «е...ый п..ор», но даже степень выразительности последней вербальной конструкции вряд ли способна меня сейчас остановить. Падая на землю, я обдираю ладони, но тут же вскакиваю и начинаю второй за сегодняшний день марафон. Уже спустя очень короткое время я понимаю, что значительно опережаю погоню, которой явно мешают внушительные габариты, но по инерции всё ещё долго не сбавляю взятого темпа. Лишь вылетев на оживлённую площадь и смешавшись с толпой, я даю себе возможность несколько передохнуть и попытаться определить,

где нахожусь. Как ни странно, но место это мне отлично знакомо. Да, собственно, что же здесь может быть странного, если я на самом деле ни на секунду не покидал своего мира, а все последние события были не более чем фантомами не в меру бурно разыгравшегося воображения. Так не начинаю ли я сходить с ума? Подумать только, принять банального попрошайку за исчадие ада, а вырезанные подростками названия метал групп за имена повелителей тьмы! По-моему, мне следует показаться психиатру, но сначала нужно будет хорошенько отдохнуть. Этот безумный день, похожий скорее на сюжет третьесортного голливудского триллера, вымотал меня окончательно. И я еду домой, трясясь с двумя бутылками пива в переполненном троллейбусе, периодически усыпая на ходу. Троллейбус тащится с черепашьей скоростью, маршрут здесь очень длинный, и в итоге где-то к середине пути мне всё же удастся застолбить себе нишу в заднем углу у окна. Сквозь замызанное стекло я наблюдаю за унылым городом, где мне суждено было родиться и придётся умереть, пью пиво и ни о чём не думаю. Потом ещё некоторое время сижу под своим балконом и растягиваю вторую бутылку в ожидании, пока в комнате наших постояльцев не погаснет свет. Когда же я открываю двери своей квартиры, то часы показывают уже почти полночь и я не испытываю других желаний, кроме как завалиться в кровать. Каким-то образом мне всё же удаётся заставить себя пройти в ванную и хоть немного продезинфицировать мылом следы сегодняшних неудачных приземлений. Заходя в спальню, я слышу, как из прихожей доносится слабый писк электрического будильника, возвещающего о наступлении новых суток. Почему-то меня посещает мысль, что последнее очень символично, но мне так и не удастся понять, что под этим имеется в виду.

НОЧЬ ТРЕТЬЯ. ЛИС

Я – лис. Да-да, именно лис, топ самый, который живёт в норе и ворует кур у крестьян, создание хитрое, потому что вечно голодное. Услышав обо мне, не нужно вспоминать Домино, гордого чёрнобурого красавца, пожалуй, самого известного моего сородича. С последним я не имею ничего общего, ну а если вам так уж хочется аналогий, то для меня ближе всего находятся усталые и затравленные персонажи рассказов болгарских писателей, к которым я время от времени возвращаюсь, когда испытываю желание ненадолго вернуться в пору своего детства. Если у вас получится – найдите их и прочитайте, тогда мне не придётся рассказывать вам о своей жизни. С зари до заката я рыщу по лесу, нос по ветру, в постоянных поисках пищи, испуганно вздрагивая от каждого шороха и унося ноги прочь, едва зачуя отвратительный запах стали, пороха и псины. Меня клянут люди, ненавидят собаки, а во всех книгах обо мне я зовусь рыжим разбойником или наглым вором. Никто почему-то не вспоминает, что жену мою ещё прошлой весной после долгой погони настигли и разорвали на куски гончие. Я выбивался из сил, чтобы прокормить четыре пушистых комочка, наших детенышей, так страдавших без своей матери. Однажды, вернувшись с охоты, я обнаружил нору пустой. Пока меня не было, старый пропойца-лесник со своими друзьями выследил моё жилище и покидал в мешок несчастных малышей, чьи шкурки скорее всего пошли на шубу одной из богатых дам их высокого общества. Я же с тех пор брожу по лесу в полном одиночестве, не имея даже постоянного пристанища. Напишите об этом, имейте смелость хоть раз сказать самим себе всю правду. Быть может, когда-нибудь ваша книга попадёт в руки Лайт, и тогда

она проникнется ко мне жалостью, опышет в лесной чащобе и заберёт с собой в город. Я согласен даже жить в клетке, только чтобы видеть её каждый день, слушать её голос, знать, что она рядом. Об этом лучше всего мечтать ночью, потому что иногда, пускай и очень редко, желание, загаданное перед сном, может сбыться, а если нет, то хотя бы присниться, на краткий миг воплотившись в реальность... Впрочем, не нужно, ведь упрям после таких грёз обычно бывает ещё хуже. Да и не придёт за мной никакая Лайт, ведь она – это просто образ, который я сам взлелеял на свою же собственную беду. Уж лучше я просто отключусь и проведу в мёртвом, ничем не превожимом забытье сколько-то там часов, и точно так же, как у лисицы из одной из тех историй, ноги мои ещё долго станут слегка подёргиваться, словно бы я продолжал свой бесконечный бег неизвестно куда.

ЭПИЛОГ. ЧЁРНАЯ ПТИЦА

Ну вот и всё. Три дня и три ночи, отведённые мне на то, чтобы как-то изменить свою жизнь, окончены. Круг замкнулся, шанс безвозвратно упущен, и я вновь жду встречи со стерильным голосом из ниоткуда. Только теперь нет ни падения, ни белой массы внизу. Я спою в кажущемся бесконечным тоннеле, заполненном неестественным тёмно-синим светом, а из-под ног моих в обе стороны убегают покрытые ржавчиной рельсы, которыми, видимо, не пользовались уже много лет. Всё это уже было раньше, но как я ни напрягаю память, так и не могу вспомнить, где и когда. Тем не менее в глубине души я чувствую, как важно для меня знать, откуда мне знакома вся окружающая обстановка, и поэтому я не прекращаю своих попыток. Внезапно приходит голос. Как и тогда, он доносится отовсюду, однако

в этот раз его уже нельзя назвать выхолощенным. Я по-прежнему не взялся бы ничего сказать по поводу того, кому он может принадлежать, но теперь в бесцветном звуковом потоке проскальзывает некая окраска, что-то среднее между непониманием и укором. Есть и ещё одна разница: в отличие от моего прошлого сна сейчас ко мне обращаются с вопросами, и я могу отвечать невидимому собеседнику, чувствуя себя сказочным героем, попавшим в гости к бесплотным хозяевам очарованного замка.

– Знаешь ли ты о том, что лишь немногим выпадает возможность, которую тебе предоставили? Разве можно так швыряться подарками судьбы? Неужели ты не мог сделать хоть что-нибудь, неужели тебе нравится такое существование?

Я слегка улыбаюсь, мысленно сравниваю то, что слышу, с пафосом предыдущей речи голоса и неторопливо отвечаю:

– Неважно, что мне нравится или не нравится, суть в том, способен ли я жить по-другому. Вы обещали мне счастье, так и не объяснив, что оно означает, но мне кажется, что я сам сумел найти ответ. Ваше счастье – это состояние, когда перестаёшь быть самим собой, и если всё так и есть, то я предпочту ничего не менять в своей теперешней жизни.

– Побег от себя, вечная неудовлетворённость, бесцельность, пьянство – таковой, по-твоему, должна быть жизнь? Понимаешь ли ты сам, насколько глуп?

– Пускай, зато это будет моя собственная глупость, и дороже неё для меня ничего нет. Я не прошу у вас ни покоя, ни возможности что-либо исправить, просто дайте мне идти дальше так, как я умею.

– Как знаешь, – и здесь я отчетливо услышал, что при этих словах укор взял верх над непониманием. – Только не спрашивай отныне больше, отчего тебе всё время так неуютно. Ты сделал свой выбор, и с сегодняшнего дня во всём сможешь упрекать одного себя.

Словно бы его и не было, голос исчезает, и я понимаю, что пора возвращаться обратно. Я не знаю, что меня ждет там, где я проснусь завтрашним утром, но кем бы там ни был говоривший со мной, в одном он прав: выбор сделан, и другого пути нет и больше не будет. С мыслью этой, которая не несёт ни грусти, ни радости, я уже собираюсь сделать первый шаг по направлению к прячущемуся за чернильной темнотой выходу, как вдруг вспоминаю, где уже сталкивался с этим местом. Конечно же, то была обложка диска Katatonia, в которую я влюбился сразу, едва увидев. На ней полупрозрачная фигура в некоем подобии каски стояла на рельсах в точно таком же тоннеле, протягивая руку вверх, прямо к лепящему навстречу ворону. Помнится ещё, когда мы как-то обсуждали в кабаке эту картинку, все хором заявили, что она прямо-таки дышит суицидом, и лишь я увидел в опускающейся птице извечную надежду человека на чью-то помощь, живущую в нас даже в самой безнадежной ситуации. Но если я действительно каким-то образом перенёсся внутрь обложки, почему тогда... Но нет, всё верно, и откуда-то из глубины я уже слышу приближающееся хлопанье крыльев, словно бы воссоздающее последний штрих. Удивительно, однако совершенно неожиданно для себя я ощущаю прошедшую по телу дрожь возбуждения. Иллюзий больше нет, мосты сожжены, и ворон, который появится здесь через несколько секунд, скажет об этом лучше, чем что-либо другое. И тем не менее вопреки всему

дрожь не унимается, а, наоборот, растёт, понемногу превращаясь в пусть слабую, но всё же надежду. Перед моими глазами в воздухе материализуется плавно летящая прямо ко мне птица, и я, глубоко вздохнув, медленно протягиваю в её сторону раскрытую ладонь...

НЕПОБЕДИМОЕ СОЛНЦЕ

*Непобедимого солнца луч
Пал вдруг на морду катка,
Крушащего клумбы.*

Каждую весну женщина из третьего подъезда сажала цветы. Она наполняла уродливые бетонные чаши землёй из полиэтиленовых кульков и потом изо дня в день долго колдовала над клумбами, расплёскивая по ветру полы неизменной шерстяной кофты. Отягощённые ворохом повседневных забот, люди несли свои тела мимо. Кто-то кивал спутнику в сторону согбенной фигуры, двое или трое расщедривались на ободряющие реплики, и женщина вновь оставалась наедине с саженцами. А потом одним утром, как-то внезапно, серый бетон расцветал сочными красками, и спешившие на работу отягощённые улыбались, замечая вдруг, каким прозрачным и тёплым стал воздух. Появившиеся цветы означали приход весны, и прохожие начинали оттаивать и замедлять шаг, чтобы оглядеться вокруг и посмотреть в отмытую синеву неба. Женщина, имя которой толком никто не знал, одна из шести сотен обитателей окольцевавших двор многоквартирных коробок, хотя и реже, но продолжала нести свою вахту, поливая, поправляя и ещё много чего, о чём мы не имели даже смутного представления. Дети с радостным визгом носились вокруг клумб, не думая о том, что разноцветье поблекнет и исчезнет с приходом осенних дождей. Счастье заключалось в двух «не» – неведении и невинности, и единственным, что могла противопоставить им зрелость, была вера в необходимость твоего дела. Безымянная женщина в кофте верила в цветы, не ожидая награды, одинокая странница под порывами будничных ветров, маленький человек, вращающий жернова мира.

Я смотрел, как Маргоша шла между почти неразличимыми под слоем снега кусками бетона, с прямой спиной, непоколебимо ровно, будто бы с неба не хлестала обжигающе-колючая крупа, и думал об экзистенциальном кашке. Громоздкий, первобытный, с дегенеративным рылом, он всей массой обрушивался на идеалистические клумбы, расплющивая надежды, ровняя с землёй мечты, эмиссар всепоглощающего хаоса. Хаос был безбрежным океаном. Мирок, домик из палочек, любовно выстроенный нами на крохотном острове, шалашик, в котором мы наивно полагали обрести рай, рассыпался после первого же шторма, и даже неведение не могло спасти от бездушности стихии. И всё же Маргоша шла между потерявших форму клумб и, бросая вызов хаосу, перед тем, как исчезнуть в провале арки, не оборачиваясь, коротким взмахом выбросила над головой руку. Она не сомневалась, что я увидел её жест, и в этом тоже была так необходимая миру вера.

Несколько минут я наблюдал, как снег поглощал уплывший в тишине двор, а потом вернулся к столу. Кофе в чашке почти остыл, и ноутбук продолжал бубнить о ситуации на валютном рынке. Утро для Маргоши всегда начиналось с новостей мировой экономики. За десять лет семейной жизни я так и не смог понять, почему все называли мою жену этим совершенно не вязавшимся с её поступками именем.

– Ты Рита, – говорил я ей, – может, Марго, Маргарита Константиновна, само собой, но какая из тебя Маргоша? Маргошам больше нравятся люди, а не эти ваши индексы и балансы, Маргоши по утрам по полчаса потягиваются в постели и ждуп, чтобы их погладили, – говорил я каких-то полгода назад, целуя её в лоб.

– У людей всё неправильно, – фыркала она, мор-

ща нос, – всё, что только можно себе представить. Почему о любви к другому человеку молчат, а любить бога нужно, крича об этом на всех углах? Почему одни всю жизнь считают себя хуже, чем есть, а у других главное, чтоб как у людей, и доживают до старости без всяких сомнений? Почему вторые считают первых идиотами, и никто не может подойти и засунуть их самодовольство в их же дурную глотку? Ты, возможно, прав, жизнь – это хаос, но с ним можно бороться, упорядочивать его, для этого и придумали индексы и балансы. Я регулярно чищу свой почтовый ящик, это занимает пару минут, зато всё по местам и выглядит достойно. Когда я умру, он, конечно, обраспёт кучей спама, но пока я здесь, я буду его чистить.

– Но ведь твои любимые картины создавали тоже люди, – бросал я на амбразуру последний аргумент.

– Безусловно, и это были прекрасные люди, но их всё равно в тысячи раз меньше, чем всех остальных.

– И за одного из остальных тебя угораздило выйти замуж, – шипел я, и Маргоша снова фыркала. Мы расходились по своим делам, а перед сном, словно дотягиваясь до зудевшего места, я заходил в почту и удалял все ненужные письма.

На экране экономика уступила место политике. На главной площади столицы собрались отмечавшие День прав и свобод. Гремел оркестр, солдаты синхронно впечатывали в брусчатку снег, яркие пятна транспарантов чужеродно трепетали на белом фоне. Я знал, что на площадь пришли и те, кто верил в искренность стоявших на трибуне избранных нации. Человек не мог жить без иллюзий, тогда хаос мгновенно поглотил бы его, поэтому мы по-прежнему продолжали надирать глотки о любви к богу, не понимая, какое бремя налагала эта са-

мая любовь. Как и тысячелетия назад, мы хотели думать, что верхи заботятся о своих низах, хотя там, где одна подпись приводила в движение людские массы, не оставалось места для человечности. С уколом стыда за происходящее я закрыл окно на экране. Как знать, быть может, ущербным был я, тип с червоточиной, пытавшийся разглядеть обман за любыми, даже самыми светлыми инициативами? Книги, которые я читал, музыка, которую слушал, за ними тоже стояли люди с червоточиной. Перед мной встало фото Лукавого, лидера «Солнца», глаза в глаза, чёрный свитер с закатанными рукавами, татуировка «Тебе лгут» на запястье. Его звали Лукавым, но я верил ему больше, чем топтавшим все трибуны мира. Потом я вспомнил Маргошу и её «нет». Этим словом не стоило злоупотреблять, говорила она, в сущности, оно было роскошью, которую мог позволить себе только тщательно проанализировавший ситуацию человек. Но когда ты озвучивал его, это означало приговор. Я был менее категоричен, чем жена, и говорил «нет», не погружаясь в дебри анализа. Речь могла идти о чём угодно, предложении банка выдать чек или государственном празднестве, я должен был позволить себе это говорить, пусть не с высоты баррикад, в стенах своей квартиры, но должен был, иначе всё не имело смысла. Остатки кофе хлюпнули о дно раковины, и мысли об Ане снова начали раскручивать свой клубок, без всякой связи с происходившим вокруг.

*И знанье, невинности враг,
Вошло в жизнь гостем непрошенным,
Предвестником смерти грядущей.*

– Знаешь, почему он называет себя Лукавым?

– Нет, откуда?

– Его отец был в Сопротивлении, партизанил, они боролись за независимость. У них там совсем маленькая территория, сплошные горы и камни, дожди круглый год, но народ гордый, до сих пор не могут забыть, как их присоединяли пятьсот лет назад, сколько крови пролили. Отец погиб, они планировали теракт в столице, и что-то произошло со взрывчаткой, в общем, он подорвался. А когда через два года умерла мать, парня, ему двенадцать тогда было, отправили в одно место, забыла, как называется, типа нашего детдома, а там, сам понимаешь... У них всё на религии плотно замешано, священники приходят, уроки ведут, проповеди читают. И как-то один из них сказал, что все террористы горят в аду. Парень встаёт и говорит, что так не может быть, что это ложь. Священник ему, типа, как ты смеешь, слуги Господа никогда не лгут, это дело лукавого. Ну и он тогда: «На хер тогда такой бог, который не разбирает, кто герой, а кто падаль, лучше я там внизу буду, с отцом и его друзьями». Отхватил он, конечно, знатно, и дубасили, хотя официально это запрещено. А сейчас многие даже не знают, какое у него настоящее имя, так всё приросло.

– Где ты это узнала?

– Отец в последний рейс ходил на Континент, я его попросила привезти какие-нибудь музыкальные журналы. Он, конечно, не разбирается в этом ни разу, но честно припаранил здоровую стоп-

ку. Три четверти левака, само собой, попс всякий, но наша тема тоже есть. Короче, учи язык, а по пока наши всё это переводить начнут, постареешь и будешь ретро-эстраду слушать.

Они грустно посмеялись, увязшие в огромных кожаных креслах. Кресла тонули в темноте с запахом ароматических палочек, на столе сигареты и бокалы, её отец в очередном рейсе, а мать на даче, декадентский рай до рассвета. Жернова магнитофона старательно вращали кассету, новый альбом «Непобедимого солнца». На этот раз Лукавый спел дуэтом с Ундиной, меланхоличной фолк-соотечественницей, которая внезапно остригла свои роскошные волосы до шиколоток, остатки выкрасила в рыжий цвет и вместе с главным плохишом андерграунда стала выдавать тексты о смерти богов и закате мира. Глубокий баритон и сопрано, чудовище и пожелавшая им стать, они пели о глобальных движениях людских масс, где не оставалось места для человечности, и о сокрытом внутри. Ты больше всего боишься выпустить это из себя, выпустить в мир, который мгновенно растопчет бережно хранимое годами, и волны хаоса унесут остатки в океан. «Знаешь, почему мы так торчим на этом всём, на готике, мраке, всех этих упадочнических безысходняковых штуках? На самом деле, ты не такой, ты не хочешь спать в гробу и радоваться тогда, когда всё рушится. Просто то, что они нам предложили, это либо полная херь, в которую может поверить только олигофрен, либо стратегия. Они врут нам, даже когда говорят правду, потому что правда эта нужна им. Нас обокрали, рассказали, что старые идеалы труха, и не дали ничего взамен. И тебе просто приходится вытарчивать на тьме, упиваться ею, как единственной альтернативой. Пусть эти овцы блеют, мы им не нравимся, хотя они даже не пытаются разобраться, кто мы на са-

мом деле. Но всё-таки есть шанс, небольшой, что кто-то задаст вопрос, что же его так раздражает, а там и начнёт копать глубже. Кроме этого у нас ничего больше нет».

Мы провели так всю ночь, и когда серый рассвет стал вползать в щель между тяжёлыми шторами, я сказал это, тихо, безжизненно:

– Ты же знаешь, я люблю тебя, – сказал я.

– Они все так говорят, – произнесла она, помолчав. – Их много, выбирай не хочу, но все они одинаковые и ничего обо мне не знают. Ничего, понимаешь? А если бы узнали... Интересно было бы на это посмотреть. Я ведь тоже тебя люблю, по-настоящему, ты, пожалуй, единственный, кто до чего-то во мне докопался, кому я могу всё это рассказать. И именно поэтому мы никогда с тобой не будем вместе, и знать о тех, с кем я общаюсь, с кем сплю и буду спать, тебе тоже не нужно. Допивай и сворачиваемся, скоро мама возвращается.

Мы допили и разошлись, и тем утром я впервые задумался о блаженстве неведения.

*Отказ от иллюзий стирает навеки
Улыбку с лица, а взамен
Обретешь лишь свободу.*

И я, с этой раной, зудящей внутри червоточинной, сделал так, как она сказала. Не ведать, не задавать вопросов, видясь почти ежедневно, как знать, надолго ли меня бы хватило, если бы через полгода после той ночи в креслах Аня не покинула наш город. Я понимал, что она уезжала в другую жизнь не одна, и честно довёл игру до конца. Мы простились за два дня до её отъезда, в маленькой кофейне, где за столиками можно было только стоять,

обойдясь минимумом слов, обогнув пустобрёхство расставания. Всё, что нужно, было уже сказано во мраке с запахом ароматических палочек. Через пару недель я получил от неё письмо без обратного адреса на конверте, один единственный листок. «Добралась. Спасибо тебе. И помни – они всегда лгут», – две строчки, которые я раз за разом прокручивал в голове, накачиваясь в кофейне пронесённым за пазухой коньяком.

Я часто спрашивал себя, не было ли моё чувство к Ане иллюзией, одной из сотен, тысяч картинок, которые испокон веков рисуют себе люди, пытаюсь раскрасить неприглядность серого бетона бытия. Один из альбомов «Непобедимого солнца» был полностью посвящён этим самым картинкам, и музыка, и тексты холодным душем обрушивались на слушателя, раздражая, гвоздями загоняя в череп мысли о том, что придуманный нами мир на самом деле не имел ничего общего с реальностью. Отказ от иллюзий давался через страдания, мир тянул тебя назад, в свои убаюкивающие объятия, и, даже преодолев все соблазны, выдержав боль, взамен ты получал всего лишь свободу. Свободу быть собой, горькое спокойствие человека, не видящего смысла в ежедневных жизненных забегах, не желающего чем-либо мериться с другими, навязывать им себя. В этой новой ипостаси было только одно неоспоримое достоинство – живя с ощущением конечности всего и вся, ты лучше многих был подготовлен к ударам судьбы. На обложке того самого альбома «Солнца» Лукавый на фоне бетонной стены смотрел в никуда, с выбеленным лицом, перечёркнутым чёрными прутьями грима. В буклете диска я прочитал, откуда появилась эта идея. В одном из городов, где «Непобедимые» играли очередной концерт, проходил ежегодный карнавал. Некий молодой человек, жизнерадостный разработчик

программного обеспечения, без каких-либо эмоциональных и физиологических проблем, появился на празднестве голым, заключённым в запертую на замок клетку, ключ от которой он бросил в толпу. Затем мужчина начал бросаться на прутья, калеча себя, ломая кости и не произнося при этом ни звука. Затем он потерял сознание. Несчастливого удалось спасти, и на все вопросы он отвечал только, что пытался показать людям, в какой клетке они все живут. По официальным сведениям мужчину отправили на принудительное лечение в психиатрическую лечебницу, и после этого никаких больше сведений о нём в СМИ не появлялось. Лукавый переосмыслил ужасную историю, спев о том, как мы гниём за прутьями собственных иллюзий.

Да, я часто задавал себе этот вопрос и каждый раз понимал, что моё чувство, корявое, как шрам, оставшийся на плече, после того как я порезал себя ножом и с забинтованной рукой явился к Ане, рассказав о стычке со шпаной, было всё же искренним. После нашего расставания я больше не калечил себя, не уходил в запои, просто жил, продираясь сквозь глухие будни. Потом появилась Маргоша и спасла меня, первый человек, которому я рассказал всё, и ответом мне было молчание и пожатие руки, и ни в тот день, ни позже она не позволила себе анализировать мою историю. Мы прожили в браке десять лет до того момента, как полгода назад мне в Сети пришло сообщение от пользователя под именем Ундина. На фото профиля была та самая меланхоличная фолк-певица, пожелавшая стать чудовищем, и я, с кувалдой сердца в груди, сразу понял, кто был той русалкой. Как оказалось, родители Ани перебрались за границу, оставив квартиру единственной дочери, и та собиралась на несколько дней приехать в город, чтобы уладить связанные с продажей жилья формальности. Она не предла-

гала мне встретиться, это следовало из самого сообщения. Я плохо спал несколько ночей, а потом, ничего не сказав Маргоше, терзаясь угрызениями совести, написал, что хотел бы увидеться.

Как и пятнадцать лет тому назад, мы вновь сидели в той самой комнате. Всё было иначе, при свете дня, без дыма палочек и объятий кресел, и вместо вина из бокалов мы стопками глотали коричневую маслянистость коньяка. И всё же передо мной сидела Ундина, без макияжа, который мог бы скрыть подступавшие к глазам морщины, утомлённая и хриплоголосая, но волосы её, короткие, ярко-рыжие, бросали вызов всем лгунам мира. Мы проговорили до позднего вечера, и мне пришлось позвонить Маргоше и сказать, что я задерживаюсь на переговорах. Аня почти не рассказывала о себе, я узнал лишь, что она жила во втором браке и воспитывала дочь Дину. Мы говорили о музыке и книгах, о том, как менялся наш родной город, о появлении Сети, искоренившей информационный голод и поработившей многих и многих, о том, что нам всё так же лгут. «Я рада, что ты не сдаёшься», – сказала она на прощание, я обнял её, и мы постояли так в коридоре, впитывая тепло друг друга. Она написала мне своё «Добралась», теперь уже в Сети, и я ответил ей, отправив фото тапуировки Лукавого. Тогда я услышал шум первой океанской волны, накапывавшей на мой замок из песка.

Крупа за окном продолжала сечь двор, не усиливаясь и не утихая. Я вошёл в Сеть, пробежался по ссылкам, без надежды что-либо обнаружить, как страдающий синдромом навязчивых состояний перемещает предметы, стараясь придать миру вокруг подобие порядка и одновременно осознавая бессмысленность своих действий. Из всех сетевых щелей лезли праздничные цвета, поздравления и уверенность в сытом счастливом будущем.

«Он лгует тебе, а чем занимаешься ты?» – подумал вдруг я при мысли о вечернем визите. Внезапно мне стало невыносимо находиться одному в тишине квартиры. Я оделся, сграбастал сумку и шагнул из тепла наружу.

По тропинке, протоптанной шедшими с утра на работу, я дошёл до скамейки возле когда-то называвшихся клумбами снежных чудищ, смёл перчаткой снег с холодного дерева и, так и не рискуя на него опуститься, закурил. Первая за день порция дыма бросилась в голову, меня слегка повело. Я вряд ли мог бы назвать себя зависимым от никотина, в курении мне важен был эффект, легчайшая, почти невесомая изменённость сознания, длившаяся пару минут и исчезающая на третьей-четвёртой сигарете. Я глубоко затягивался, думая о вечере, думая о завтрашнем дне, и прозвучавший за спиной голос заставил меня вздрогнуть.

– Прошу прощения, у вас не найдётся зажигалки?

Я обернулся. Он был смутно знаком мне, это худой высокий человек в куртке с капюшоном, с длинным лицом и какими-то детскими глазами, один из шести сомен безымянных обитателей оцепивших двор бетонных коробок. Я протянул ему брикет, он щёлкнул колёсиком, выпустил струю дыма, поблагодарил и вернул мне зажигалку. Мужчина уже сделал шаг в сторону, когда я, сам не зная, откуда это пришло ко мне, разлепил губы.

– И ведь никто даже не знает, как её зовут, – бросил я в сторону бывших клумб.

Мужчина обернулся, проследил мой взгляд и улыбнулся.

– Почему же, я знаю. Это Ольга Андреевна, она живёт двумя этажами выше меня, помню, жена как-то помогала ей с покупкой саженцев.

– Надо же... А я только сегодня упрям думал о том, что вот живёт человек, делает что-то

для других, красоту создаёт, а другие эти даже не интересуются, кто он да зачем.

– Вы по-своему правы. Не будь мы соседями, не уверен, что знал бы о ней. Она одна здесь, муж умер, дети разъехались, и получается, что цветы для неё как отдушина, лекарство, она, кстати, до пенсии биологию в Университете преподавала, так что в этом деле разбирается.

– И где, спрашивается, справедливость? – я почувствовал, что начинаю горячиться, сказывалось напряжение последних дней, – в конце концов, человек заслуживает внимания, пускай не награды, но хотя бы интереса к себе со стороны других, а мы... Да что мы, я ведь и сам мимо неё молча прохожу.

– Так и есть, – длиннолицый мужчина задумчиво посмотрел на дымившуюся в пальцах сигарету, – только, к сожалению, чаще всего нет даже интереса. Большинству людей непросто смотреть в это окно, из себя на других, выглянуть ненадолго и захлопывают. Так мы устроены. А Ольга Андреевна, между прочим, ни от кого ничего не ждёт. Знаете, она мне как-то сказала, что красоту надо создавать, максимально дистанцируясь от себя, потом можно и даже нужно порадоваться, но пока ты в процессе, забудь про свои амбиции, свою роль, просто отдавайся этой красотой, и тогда, возможно, у тебя что-нибудь выйдет.

– Вы, подозреваю, тоже имеете отношение к прекрасному, так проникновенно об этом говорите.

– Аркадий, меня зовут Аркадий, – он протянул мне ладонь, и я, сняв перчатку, пожал её, представившись. – Пожалуй, что да, имею. Я работаю в одной маленькой фирме, мы реставрируем старинные здания в городе. Просто оглянитесь вокруг себя, когда весной, после всех снегопадов, будете идти по улицам. Все эти облупившиеся фасады, потеряв-

шие вид скульптуры... Мне жалко на это смотреть, вот мы и спараемся, как можем, хотя доходов это больших не приносит, в подавляющем большинстве госзаказы, а там, сами понимаете. По сути, фирма в ноль функционирует, зарплату выдали, и ничего не осталось. Но оно того стоит. Я вот жену свою упоминал, которая Ольге Андреевне помогала, а ведь с ней я уже полтора года в разводе. Так вышло, она с индустрией красоты связана, хотела, чтобы я ей с бизнесом помогал, а я никак, пытался-пытался себя убедить работу оставить и не смог. И вот в тот день, когда она уходила, тихо так, печально, я вышел на улицу за сосиской в тесте. Пить я не могу, организм категорически не принимает, а чем-то забить эту расперянность, тоску эту, просто жизненно необходимо было. И вот устроился я на скамейке, начал есть, и тут бабочка рядом со мной села, красивая до невозможности, посидела немного, потом поднялась и улетела. Ничего особенного, вы скажете, но я в этом знак увидел, вспал и пошёл домой, в новую жизнь встраиваться. Понимаете, это я не самовосхвалением занимаюсь, просто если действительно что-то любишь, нельзя рассчитывать, что другие это с тобой разделят, оделят тебя вниманием.

– Путь одиночества... – обронил я, вспомнив про иллюзии и свободу, вспомнив о сегодняшнем вечере и завтрашнем дне. – Но ведь это такое тяжёлое бремя, в сущности, все, с кем я работаю, отягощены именно им.

– А вы, простите?..

– Я переговорщик.

– Вы имеете в виду парней из фильмов, которые уговаривают самоубийц и террористов не бросаться с крыши и не активировать взрывчатку? – в глазах Аркадия проступило удивление.

– Нет, конечно, – я рассмеялся, – это наш про-

фессиональный жаргон. – На самом деле, вы вряд ли о таком слышали, по сути, это эксперимент, ещё даже не в финальной стадии, и не факт, что в итоге его не прикроют. Если вкратце, ещё два года назад я сидел дома и занимался сетевым дизайном, никого не трогал, и вдруг мне позвонил старший, университетских времён товарищ, и предложил авантюру. Эксперимент, кстати, тоже на государственном уровне, правда, оплачивается пристойно, по крайней мере, поменяв сферу деятельности, я остался в выигрыше. Грубо говоря, это что-то вроде службы психологической помощи, только перед тобой сидит не профессиональный психолог, а обычный человек, не сказать даже, чтобы великий эмпат, просто... Короче говоря, я и сам толком не понимаю, какими критериями они руководствуются при отборе нас, переговорщиков, как нас находят. К тебе приходят люди, не больше трёх в день, откуда они о нашей службе узнают, тоже непонятно, и ты с ними разговариваешь на любые темы. Они тебе о своих проблемах рассказывают, бывает, каются в чём-то, а иногда так вообще спорт обсуждают или музыку. Профессионалом во всех этих вопросах ты быть, естественно, не можешь, да и не должен, сидишь, слушаешь, сам говоришь. До сих пор не понимаю, как я на это согласился, но зацепило меня быстро, хотя и непросто бывает, выматывает. Товарищ мой, кстати, как-то обмолвился, что уровень доверия к психологам резко упал в последнее время, людям хочется простого человеческого общения, а оно сейчас как раз и в дефиците. Плюс какие-то исследования показали, что люди определённого склада могут легче абстрагироваться от чужих проблем, чем подготовленные специалисты, которые, пускай и редко, но всё же трогаются после отслушивания нескольких сотен историй. Видимо, это мой случай. Так вот, повторюсь, девя-

носто пять из ста проходящих ко мне спрадают от одиночества, спрадают так, что никакие противовесы в виде служения красоте не облегчат эти спрадания. Взять хотя бы... Послушайте, – я вдруг опомнился, резко выдернутый из колодца своих мыслей в заснеженную реальность, – вам, наверное, нужно идти, а я со своими...

– Я с удовольствием послушаю, – Аркадий пкнул пальцем в свинцовое небо, в такую погоду, как вы понимаете, работа у нас встаёт намертво. – Можно ещё раз вашу зажигалку?

Я вновь протянул брикет мужчине, о котором ничего не знал ещё десять минут тому назад, и рассказал ему историю, потрясшую мой мир.

*У бога либо нет на нас никаких планов,
Либо недоступны они пониманию нашему.
И в том, и в другом случае
это крошечный нутряной ужас.*

Человек, сидевший за столом, выглядел плохо. Иссёкшие белки кровавые прожилки, осунувшееся лицо, нездорового цвета кожа – дело было не только в этом. От мужчины, назвавшимся Арсением, исходили едва ли не физически ощутимые волны. Расперяанность и отчаяние, вот что источал человек за столом, втиравший подушечки пальцев в виски, ожесточённо, словно пытаясь выдавить наружу забившиеся в поры микроскопические зёрна горя. Несколько минут прошли в молчании, а затем Арсений опустил рук на столешницу и поднял глаза, мутные зеркала над тёмными полукружиями.

– Я вряд ли пришёл бы к вам, если бы не отъезд, – он говорил тихо, и слова почти сразу же растворялись в пространстве между нами. – Делиться

с другими можно, наверное, даже нужно, просто есть вещи, которые невозможно донести. Если ты переживаешь что-то подобное, возникает барьер, фильтр между тобой и окружающими. Ты можешь говорить и говорить, тебе всё понятно, даже если на твой вопрос нет ответа, ты всё равно осознаёшь его важность, содержание, суть. А что услышат они? Слова, да, логично связанные между собой, никакой шизофазии, но ведь это не математика, если ты сложишь все слова, в итоге цифра получится намного больше, потому что есть ещё содержание. Даже не так, есть содержание, а есть то, откуда оно растёт, корни. Человек понимает, что ты говоришь, но оно его никак не прогает, для него оно бесконечно чуждо, как, например, геометрия другого измерения. По этой причине я не рассчитывал, что кто-то ещё узнает обо всём этом, кто-то, кроме причастных, да и они, в сущности, видели только оболочку... Но около года назад я осознал, что больше не могу здесь жить, не в квартире, даже не в городе, в стране, где всё произошло. Один мой товарищ, ещё со школы, давно живёт... в общем, это на другом континенте, там у них жаррица, сушит круглый год, народа немного, короче говоря, нужны и рабочие руки, и те, кто головой работает. Я долго думал и пришёл к выводу, что, оставаясь здесь, сойду с ума. Вены порезать или из окна выпрыгнуть, – при этих словах кадык мужчины дёрнулся, – у меня вряд ли духу хватило бы, никогда не замечал за собой суицидальных наклонностей, а вот мозгами пронуться реально. Списался с товарищем, оказалось, там требуются учителя иностранных языков, а у меня филологическое образование, много лет в редакции одного журнала проработал, товарищ обещал словечко замолвить. Надеюсь, слабо, конечно, но хоть что-то, работа с детьми отвлечёт, плюс обстановка дру-

гая, менталитет. Собственно, сижу на чемоданах, через десять дней самолёт. А недавно, долго объясняйть, откуда, да и не суть, узнал о вашей службе, и внезапно прострелило – я ведь сжигаю мосты, квартиру продаю, буду стараться всеми силами там зацепиться, на могилу к Глебу больше не по паду, видимо, но если останусь, так вообще некому ходить будет, а Лера позаботится, так вот, нужно хотя бы попробовать кому-то рассказать. Такой себе финальный финт, а дальше пусть горит себе, плееет, всё равно всё рухнуло. Вам, наверное, нельзя чужими историями с людьми делиться, так вот, если захотите, мою можете пересказывать. Не в качестве предостережения, не от чего там предостерегать, да я ведь и сам не знаю, что это на самом деле было, обезумел ли один человек, или же весь мир, вся наша реальность изначально безумна, а мы просто старательно ничего не замечаем.

Я и сам ничего не замечал, жизни прожил половину, а то и большую, и прожил, сейчас я понимаю, счастливо. Банально, сами знаете, осознаёшь, что был счастлив, только когда всё проходит. Я эту банальность пропустил через себя, да так, что внутри всё повыжигало. С Лерой, женой моей, в одну сторону смотрели, в редакции мне нравилось, народ подобрался занятный, на жизнь хватало. Ну и Глеб, сын наш, умница большая. Я субъективен, конечно, как любой отец, но парень действительно был сказочный. Никаких тебе соплей, капризов, неприхотливый, ел всё, не привередничая, хотя Лерка готовила здорово, с учёбой никаких проблем. Он в двенадцать лет врубался, по крайней мере, старался, в такие вопросы, о которых люди после тридцати начинают задумываться, и при этом не зануда, и в футбол с друзьями гонял, не оттянешь, и за компом, опять же. И вот как-то, ему двенадцать было, начало каникул, лето, Лера мне говорит, мол, Глеб в последнее

время утомлённым выглядит и будто в напряге всё время, да и спит, похоже, плохо. Пытались списать на авитаминоз, влюблённость, в итоге я с ним поговорил, и он рассказал мне жуткие вещи. Несколько месяцев ему снились сны, к нему приходил ангел и говорил, что Глеб – новый Мессия, только функция у него совсем другая, чем у предыдущего. В него заложен Апокалипсис, он должен жить, наблюдать всю дрянь, которая нас окружает, от хамства придурка-одноклассника до террористов, маньяков, всей этой сетевой грязи, и не ожесточиться, контролировать свою бомбу, не выпустить наружу гибель мира. И он верил в это, верил искренне, маленький мой несчастный мальчик, он плакал у меня на руках, говорил, что не может так жить. Мы, конечно, ходили к психиатру, и тот не нашёл никаких отклонений. Знаете, что он нам сказал? Дело в слишком развитой фантазии ребёнка. Но я ведь видел, я видел его записи. Он называл это Новейшим Заветом. Ангел диктовал ему текст, а Глеб, просыпаясь, записывал. Поверьте, двенадцатилетний ребёнок, какой бы фантазией он ни обладал, не сможет написать такое. И тогда я решил, что мы должны поехать в отпуск, через океан, ну, вы знаете, где священные коровы и перерождения. Я думал, это ему поможет, поможет всем нам, совершенно иная культура, подход к вещам, картина мира, в конце концов. Объявил я это семье и уснул, спокойно так, в первый раз с того момента, как сын мне всё рассказал. А на рассвете меня шум разбудил. Забегаю я в комнату Глеба, а там, – голос мужчины сорвался, и глаза набрякли слезами, – открытое окно, и занавеску ветром носит. Мы выбежали во двор, вызвали скорую, он жив ещё был, сказал мне: «Прости, папочка, так лучше будет». До больницы его не довезли, врачи сказали – вообще без шансов.

Мужчина рыдал, трясся всем телом, размазывал

слёзы по лицу, тихо подвывая, прясущимися руками хватал графин и глотал воду прямо из горлышка. Потом Арсений достал из заднего кармана джинсов платок и долго вытирал лицо, оставляя на нём грязные разводы.

– Простите, сорвался. Сейчас это уже значительно реже, первое время исперил по несколько раз на дню. Дальше всё покапилось в пропасть. С Лерой мы развелись, просто не смогли находиться вместе, он всё время стоял между нами, укором, мол, проглядели, не те меры принимали... Чувшь, конечно, что там можно было сделать, не препаратами же его обкалывать, ведь и врач сказал, что без отклонений. Но это всё логика, а на деле... Она к родителям вернулась, списываемся изредка, сухо, по делу, приходится себя контролировать, я же люблю её до сих пор, думаю, и она... Такая, в общем, диалектика. Я пить пробовал, не помогало, только хуже становилось, бессонница обострялась, а это вообще край, днём хоть на что-то отвлекаешься, а ночью просто на грудь наваливается, так что дышать невозможно. Квартира мне осталась, Лера почти ничего забирать не стала, я тут же к первому попавшемуся риэлтору пошёл и через три недели уже на новом месте обретался. Не мог я в тех стенах находиться, объяснять не нужно. Лера опять же от денег отказалась, и я проживал их попихоньку, с работы ведь ушёл, сил не было взгляды эти терпеть сочувственные, вопросы. Люди не виноваты, наоборот, переживали, но мне только хуже от этого становилось. А самое страшное, мне стали в голову лезть мысли, а вдруг всё действительно так и было, как Глеб рассказывал? И ангел, и конец света, и был мой сын Мессией, который мир спас. А если так, тогда что же это за злодейский бог воцарился над нами, какие он эксперименты над своими творениями ставит, как он нас должен ненавидеть,

если навесил судьбу мира на плечи маленького мальчика? Я понимаю, неисповедимы пути, но ведь это же ужасно. Говорят, после смерти мы там встретимся, только когда начинаешь обо всём плотно задумываться, такой ужас кромешный берёт... Представляете, если бог здесь всё так выкручивает, что нас ждёт там? А даже если он всё-таки всеблаг, это же совершенно иная форма существования, и это тоже ужас, дикий, прямо из нутра.

– Я как-то вычитал фразу, – сказал мужчина, уже стоя у двери. – «И умираешь так медленно, что кажется, будто живёшь». Она по другому поводу, но в итоге про меня. Знаете, чего я хочу? Устать так, чтобы усыпить этот инстинкт, и когда придёт смерть, поропить я её не собираюсь, я говорил уже, встретить её с радостью. Первый раз после смерти Глеба испытать это чувство и уйти отсюда. Если там ничего нет, будет покой, а если есть... Теплится ещё надежда, малюсенькая, что он всё же всеблаг, – совсем тихо произнёс Арсений и закрыл за собой дверь.

*И все, что ты можешь сделать, –
Остаться собой до конца,
Собой самим.*

– Он ушёл, и больше мы никогда с ним не виделись, – вторая сигарета долевала в моих пальцах. – Я не мог успокоиться после его рассказа, всё время думал об этом. Он не был похож на сумасшедшего, к тому же, не думаю, что человека с отклонениями допустили бы до нашего эксперимента. В конце концов, я полез в Сеть и действительно обнаружил кучу информации, удивительно, что это мимо меня прошло, хотя я новостями не особо интересуюсь.

Двенадцатилетний мальчик выбросился из окна, было следствие, дело, видимо, замяли, слишком мутно там всё было, списали на не выявленное во время психическое заболевание. Арсений, конечно, мог выдать чужую историю за свою, назваться чужим именем, но мне так не кажется. Я даже пошёл по адресу, указанному в Сети, потолкался там во дворе, удалось с парой соседей познакомиться, мы с ними, кстати, до сих пор какой-никакой контакт поддерживаем. Всё, что они мне рассказали, разговор, между прочим, сам собой пошёл, я их не подталкивал, согласуется с его рассказом, никаких противоречий. И вот я уже много времени думаю над его словами, о всеблагости и кромешном ужасе на другом конце, и об одиночестве человека между двумя полюсами... Ну вот опять, извините меня, – внезапно спохватился я, – мы тут уже столько времени торчим под снегом, а я никак не останавлиюсь.

– О чём вы говорите, – Аркадий замахал руками, – меня самого всё это зацепило. Знаете, если вам приходила в голову мысль, что вы в чём-то виноваты, нужно было объяснить человеку какие-то вещи, попытаться помочь – выбросьте её из головы. Он не за этим приходил. Я вообще не представляю, что можно сказать человеку в подобной ситуации. Читал как-то биографию одного музыканта, и меня там поразили строчки, типа того, что его одиночество – это не от того, что он людей не любил, или они его не любили. Просто бывает так, что видишь то, чего другие увидеть не могут, и поэтому между вами возникает непреодолимый барьер.

– Ещё одна клетка из многих, – тихо сказал я и рассказал Арсению о Лукавом и безымянном парне, бившемся о прутья клетки. Это было важно, важнее холода и снега, на несколько минут важнее даже сегодняшнего вечера и завтрашнего утра. Я достал

из кармана телефона, зашёл в Сеть и прочитал человеку с длинным лицом один из своих любимых текстов. Мы стояли под снегопадом, и мне хотелось, чтобы где-то в далёкой стране Лукавый улыбнулся, почувствовав, что кто-то в эту минуту бросает в мир его слова.

*Когда мы с моим другом напиваемся
(Это происходит чаще, чем следует,
Но реже, чем хотелось бы),
Он всегда задат мне один и тот же вопрос.
Вроде, дань традиции, но я знаю:
Ему действительно важно услышать ответ.
«Что тебе нужно?» – спрашивает меня друг,
И тогда я начинаю говорить,
Долго и, в сущности, давно известные нам вещи,
Меняется разве что форма.
Я говорю ему про клетку, о которой написал песню,
Мы все заперты в ней с самого рождения,
В клетке плоти, которая смердит, болит и требует,
В клетке ума, мешающего видеть истину,
В клетке привязанности к вещам, людям,
Погремушкам славы, привязанности к себе.
И я так хотел бы из нее вырваться,
Бросить все, раздать нищим что в загиашнике,
Свалить отсюда, стать садху, носить оранжевое,
Питаться подношениями, спать на земле,
выпрыгивать из сансары,
И все бы хорошо, но ум жаждет гарантий,
Мол, а вдруг там ничего нет? И душа покорно
Возвращается к погремушкам в загиашнике.
Еще можно бить поклоны под образами,
Но это совсем не мое, вот и не будем об этом.
И поэтому я продолжаю идти своим кривым путем,
Что-то делать, вроде как для других,
Но на деле так ты покупаешь
У пустоты иллюзию того, что в ее пасти
Не растворись, останешься хотя бы в виде
Написанных текстов, неровно сыгранных песен,*

каждого слова. – Мне кажется, богоборчество – это зачастую обратная сторона богоискательства. Бунтари, настоящие, я имею в виду, борются ведь не с богом, а с людьми, до неузнаваемости искажившими всё прекрасное. Люди берут самое важное, что у нас есть, – веру в то, что всё не зря, мы не исчезаем после физической кончины, и дела наши, поступки, все они ложатся в нужные детали глобальной мозаики... Так вот, люди берут эту веру и ставят её себе на службу, манипулируют другими с её помощью. Вряд ли есть что-либо отвратительнее этого. Осознавая это, так легко разувериться. Но знаете, я где-то слышал, что у дельфинов верхний слой кожи обновляется каждые два часа. Каждые два часа, представляете? Страшные раны зарастают, не говоря уже о том, что они умеют преодолевать боль, вопреки ей продолжают двигаться, кормить детёнышей, а если умирают, то, наверное, даже не замечают этого. По-моему, лучшего доказательства того, что всё не зря, не придумаешь. Не могут, понимаете, не могут подобные вещи появиться просто так, без замысла, без цели. А что до вашей клетки, так оно и есть, и, видимо, единственное, что мы можем сделать, это пытаться остаться собой, не предать себя, и тогда, может быть, выйдем наружу, сами не заметив, как.

Мы ещё помолчали, пожали друг другу руки и без слов разошлись. Каждый пошёл своей дорогой, а снег продолжал падать со свинцового неба.

*Легенды вы пишете, будто
Бросаете в жизненный сор семена
Цветов, которых нет в мире.*

Я уже приближался к подъезду, когда в кармане завибрировал телефон. «Купи, пожалуйста, хлеба, пачку масла, самый высокий процент, ты в курсе, и яиц на утро», – как и всегда, Маргоша была предельно лаконична. Меня курс, я порадовался возможности отвлечься от мыслей о предстоящем. Быт с его ежедневными повинностями раздражал, загонял в манеж, где ты изо дня в день наматывал круги перед пустыми рядами, но порой он становился буфером между человеком и экзистенциальным ужасом, океанскими каплями просачивавшимся сквозь прорехи бытия. Сейчас, находясь в своём первом в жизни отпуске на новой работе, я понимал это как нельзя лучше. Общение с людьми порой выматывало, время от времени возвращались вопросы по поводу того, чем я занимался. Камеры, записывавшие наши беседы, вряд ли могли навести на мысли об антигуманных опытах правительства, этот факт никто не скрывал, и ни разу во время бесед с моим куратором, симпатичным полстячком лет пятидесяти, у меня не возникла мысль о каких-либо манипуляциях с сознанием. Мне, уставшему от лжи поклоннику Лукавого, так хотелось верить в человечность, которой всё же есть хоть немного места там наверху. Длилась третья неделя моего оплачиваемого безделья, и оставалось всё меньше и меньше ниш, в которых я мог бы спрятаться от самого себя.

Я шёл по заснеженным улицам, и со стен домов бились на ветру многоцветные флаги, пёстрые полотнища лозунгов, неуёмный пульс зимы. Я пред-

ставил Аркадия, сидящего на скамейке, размышляющего о том, как он будет заново собирать покосившуюся жизнь, «Только не сегодня, я начну завтра, а сегодня дай мне возможность ни о чём не думать», – просил он у кого-то. Возле человека с длинным лицом на спинке скамейки сидела бабочка. Пёстрая, переливающаяся в солнечных лучах, она олицетворяла другую жизнь, противоположную той, которую утверждали окрашенные куски ткани на ветру. Ещё в мире были дельфины, кожа их обновлялась каждые два часа, и кто-то видел в этом смысл и противовес плакатности лжи. Я дошёл до ближайшего магазина, сложил в пластиковую корзинку покупки, расплатился на кассе и вышел наружу. Мне предстоял недолгий путь до дома и несколько часов ожидания, мучительный зуд бездействия. Я полез в карман за сигаретами, и в это время кто-то ухватил меня за плечо.

– Розик, глянь, какие люди в наших краях объявились!

Не опознать эти интонации было невозможно. Передо мной стояли Гарик и Розенбом, две местные легенды андерграунда, те самые соседи, с которыми я разговорился, пытаясь навести справки о несчастном отце мальчика Глеба. Музыканты в прошлом, в своё время они уверенно подбирались к самому краю алкобездны и не собирались снижать темп. Скорее всего, парочка пополнила бы ряды бесчисленных солдат рок-н-ролла, до срока накрытых волнами хаоса, если бы за дело не взялся противоположный пол. Лишь благодаря железной хватке подруг жизни Гарик и Розик затормозили почти у самого конца жёлоба, и вот уже с десятков лет алкогольные напитки в их жизни присутствовали почти исключительно в виде воспоминаний. Почти, потому что летом благоверные постаревших солдат совместно отправлялись заниматься дачным

хозяйством, и для героев андерграунда наступал недельный рай. С утра до ночи они попребляли, сыпя бесконечными историями о боевой молодости. Жёны, естественно, были в курсе происходившего, однако не вмешивались, что, по видимости, было частью однажды заключённого семейного пакта. Впрочем, судя по пышущим жаром лицам друзей, послабление также распространялось на некоторые празднества. Я познакомился с ними как раз в период того самого недолгого упоения, по достоинству оценил тонкость встретившихся на моём пути натур, и с тех пор мы время от времени общались в сети на музыкально-ностальгические темы.

– Чуваки, не думал, что вы отмечаете государственные праздники, – провозгласил я, не скрывая удовольствие лицезреть одиозную парочку.

– Дружище, да ни четверть раза, – от избытка чувств Гарик приплясывал на месте, похлопывая себя по дутой куртке, – сам знаешь, мы на их государство клали и класть будем, но тут такое дело... Короче, наших дам, они ж вместе работают, ты же знаешь, вот как раз по поводу этих их праздников пропихнули в какой-то там санаторий или дом отдыха, как там это у них сейчас называется...

– На девять, прикинь, на девять дней, – провозгласил Розенбом, и оба залились счастливым детским смехом. Я не успел поздравить солдат со сказочной удачей, как меня уже тащили за руки по направлению к ближайшему пивбару. Доверившись судьбе, я не сопротивлялся, отдавшись на волю волн, не имевших ничего общего с теми, что катил на нас хаос.

В маленьком помещении, несмотря на праздничный день, было пусто. Телевизор над барной стойкой мелькал кадрами с центральной площади, где, по всей видимости, и собрались все сознательные граждане города. Спустя пару минут перед нами появились три массивные кружки тёмного – теперь

оба бойца отдавали предпочтение пиву, позволявшему дольше оставаться в сознании, дабы делиться с окружающими накопленным опытом. Я отхлебнул горьковатую жидкость, и хмель почти сразу бросился в голову. Мы нечасто употребляли с Маргошей, и обычно дело не шло дальше двух-трёх бокалов вина. Воспоминания об алкобессоннице юности, ночных страхах и треморе так до конца и не стёрлись из памяти. Одним глотком осушив половину кружки, Гарик принял позу сделавшего стойку пса.

– И не начинай даже парить, что у тебя дела, сегодня выходной, так что глотай побольше и слушай, что тебе умные люди расскажут.

Я попытался возразить, что многие частные фирмы сегодня работали, и Маргоша с утра тоже отправилась к своим экономическим изысканиям, однако был безжалостно оборван на полуслове выразительным комментарием Розенбома.

– ...и вот приезжаем мы на фест, со спальниками, палатками, всё по фирме. Чувак, кричу тебе, кайф полнейший, природа, воздух, горы метров триста от сцены. Заправились плотно, вылазим, и, прикинь, на первой же вещи рвётся у Розика струна. Ну, хрен там, пока он меняет, мы гоцалки рок-н-рольные запустили, там и на одной гитарке прокатит. Волаю я, волаю, и туп, хренась, у меня первая тоже летит, норм, да? Хорошо, пацаны, бас с барабанами, не обломались, продолжили качать, вытянули, короче, как-то. Отлабали, накатили ещё и решили на гору влезть. Не рассчитали, правда, малёхо, там оно как – смотришь, кажется невысоко, а начинаешь карабкаться и понимаешь, что лажа. Не доползли мы до верха, короче, но суть не в этом. Увязался за нами тип, все дела байкерские, кожа, цепи, значки, а сам чёрный. Не совсем чёрный, отпуда, в общем, ты понял, коровы у них священные, перерождения. У него, оказывается, отец в посольстве в столице работал, а сынок по другой дороге пошёл. Всё мы

с ним обсудили плотно, законы все, что ты делал и кем потом рождаешься, прямо на землю садились, по полтосику опрокидывали и дальше. Занятный такой тип оказался, забыл, как звали его. Я его спрашиваю, типа, как ты тут очутился, что тебя привело сюда, а он улыбается так, а вроде и серьезно, и говорит: «Судьба». Офигенно, скажи?

– Да там вообще людишки пособирались как на подбор, – подхватил спич Розенбом, – Яник-клавишник, например. Он в каком-то оркестре работал, при филармонии, кажется, год в завязке, зарплата какая-никакая, халтуры жирные, жить можно вполне. А потом как-то репетируют они, перерыв объявляют, он на ближайший рынок решил потнуться, овощей для салата купить, инструмент даже не выключил, а вернулся месяц спустя, без овощей и с диким перегаром...

– А Випёк, Яника кореш. Он, помимо бухла, ещё и на аптеке сидел, так если к нему приходил кто, он просил бутылки в авоську класть. Мамушка смотрит в глазок, видит – люди с авоськами, значит, можно пускать, нормальные типы, алкаши, не наркоманы какие-нибудь.

Я не очень хорошо помню, как вырвался из цепких объятий солдат после двух часов времени и трёх кружек пива. В какой-то момент бармен прибавил звук телевизора, и столпы андерграунда на минуту отвлеклись от меня, костеря происходившее на площади. Бормоча что-то маловразумительное, я вскочил, стремительно пожал обоим руки и вылетел в живительный холод улицы. По дороге домой, немного отойдя от словесного шквала, я думал об одном из благословенных «не». Гарик и Розенбом умудрились проташить свою невинность через препоны, и не снившиеся их презвенникам-согражданам, и я невольно улыбался при этой мысли, благословляя неразлучную пару.

*Стиснутый меж двух вагонов,
Вновь на полу я лежу
Под перестук колес вечный.*

У входа в подъезд человек в лёгком пальто и вязаной шапочке лопатой разгребал снег. Мы поздоровались, пожали друг другу руки. Никита воткнул лопату в сугроб и с видимым удовольствием попянулся всем телом.

– Что, никак на площади тусовался?

– Не смешно, – я улыбнулся, – Маргоша в магазин послала, эксплуатирует супруга, пользуясь законным отпуском. А у тебя сегодня физический труд на свежем воздухе?

– Да вот, решил разгрести по возможности. Кира после обеда прогуляться пойдёт, ей тяжело через завалы пробираться, сам понимаешь, да и вообще, люди же ходят. А мне в кайф, на самом деле, разогрелся, кровь побежала, а дома чаю горячего выпьешь – и умиротворяет, аж не передать.

– Тебе помочь? – я ощутил импульс совести, сигнал из глубины сознания, всё больше и больше замыкавшегося на самом себе.

– Нет, чувак, спасибо, тут работы не так много, да и лопаты второй нет.

– Как Кира?

– Достоинно, ничего не скажешь. Непросто бывает, само собой, но держится умницей, ты знаешь, стоицизма ей не занимать, жизнь заставила. Я, по-моему, больше напрягаюсь в каких-то ситуациях, чем она.

– Сколько вам осталось?

– Неполных три месяца, если всё по плану. Понимаешь, я на нервах внутри, ей не показываю, хотя чувствует, наверное. Знаю же, мы всё, что надо,

делаем, сверх этого не прыгнешь, да и не нужно, но дёргает постоянно: а как, а что, а вдруг... Первый опыт у обоих, как никак, да и возраст... Но ничего, фигня, выгребем, иначе нельзя просто.

– Всё будет, Ник, не сомневайся. Если что, обращайся, мы рядом.

– Я знаю, спасибо, привет Маргоше.

Мы стукнулись кулаками в перчатках. Никита вернулся к сугробам. Я зашёл в подъезд, подошёл к лифту и опустился на корточки, привалившись спиной к стене. Два года назад Никита и Кира переехали в квартиру на одной лестничной клетке с нами. Вначале мы просто здоровались при встрече, а потом, как-то незаметно, начали общаться, периодически устраивая тихие вечерние посиделки то у них, то у нас. На тот момент мы с Никитой были коллегами по фрилансу, что ещё больше способствовало сближению. Именно Ник познакомил меня с Бумажным Слоном, таинственным сетевым музыкантом, начипывавшим свои тексты поверх пугучих электронных подкладов. Уверен, они сразу нашли бы общий язык, Лукавый из далёкой страны и толстяк с печальным взглядом, не больше десятка фотографий которого хранила паутина. В преке «Два вагона» Слоном рассказывал историю много лет ехавшего в поезде человека. В составе было всего два вагона, а наглухо задраенная дверь не позволяла попасть в локомотив. В первом вагоне царили тишь и порядок, человек сидел у окна и неспешно размышлял о жизни, анализируя, раскладывая по полочкам бытие, противостоя хаосу, глядя на пейзаж за стеклом. Потом он вставал и проходил через тамбур в соседний вагон. Там, в пьяном угаре и клубах дыма, с эйфоричными друзьями и распалёнными похотью женщинами, он проводил несколько дней. Потом одним утром все исчезали. Человек доползал до тамбура, какое-то время пластом лежал на холодном

полу, «считая мутантов-овец и двухголовых упок», пока, наконец, не находил в себе силы добраться до первого вагона. Там человек отсыпался и вновь садился у окна созерцать.

«Два вагона» стали лейтмотивом знакомства Ника и Киры. Они сошлись одним дождливым осенним днём, против обыкновения напились и совершили безумный трип в другой конец города, закончившийся в её квартире. Они были разными, только внешне, но контраст этот сразу же привлекал внимание. Спортивная, с прекрасной фигурой, которую не портил даже шестой месяц беременности, Кира всю жизнь спрадала из-за своей внешности, выпянутого лица с низким лбом и почти квадратным подбородком. О, как же я ненавидел перехваченные на улице взгляды мужчин, с ног до головы сканировавших красивых женщин, их ухмылки при виде некрасивых. Глядя и на тех, и на других, я всегда тут же прятал глаза, не желая быть выданным с поличным. В детстве Киру третировала бабушка, утверждая, что внучка никогда не найдёт себе пару. Девушка получила два образования, устроилась в жизни и день за днём тащила на себе груз одиночества и безысходности. Никита в прошлом был женат, недолго изменял жене, подсознательно чувствуя, что жил не с тем человеком, развёлся, и это, по его словам, ускорило смерть обожаемой им матери. Он наложил на себя епитимью, дистанцировался от мира, не общался с женщинами. Встреча с Кирой изменила всё. Они поженились, переехали в новую квартиру, оставив прошлую жизнь за спиной, потом Кира забеременела. В который раз я подумал, что они заслужили своё счастье, выстрадали его, и внезапно глухая тоска вдавила меня в стену. Я слышал, как бьются о берег волны хаоса, подбираясь к шалашику, где маленькие люди пытались найти укрытие от жестокости мироздания, крупица

к крупице лепили маленькое счастье, каким-то краем души осознавая, что первый же шквал смоем всё. Кричащие в глухие уши Вселенной, мелькающие перед её слепыми глазами, они заслуживали радость, хотя бы и недолгую, но заслуживали своим ежедневным подвигом. Я тяжело поднялся на ноги, вызвал лифт и шагнул в его тесную клетку.

*И вновь за столом я,
Хоть чувствую, что проиграл,
Игру не начав даже.*

В квартире я переоделся в домашнее, отправил покупки в холодильник, включил ноутбук и уперся невидящим взглядом в заставку. От выпитого пива побаливала голова. Превозмогая себя, я заварил крепкого чая с лимоном, испортив благородный напиток двумя ложками сахара, в очередной раз пробежался по страницам, ссылки на которые всегда удалял из памяти компьютера, очищая историю посещения Сети. Снег за окном всё так же стремился с небес на утомлённую землю. Я положил голову на скрещённые на столешнице руки, и сон тут же забрал меня из трещавшей под натиском хаоса реальности.

Говорят, что глаза – это зеркало души. Давным-давно один мой знакомый, слегка перебрал, сказал, что эссе является отражением работы ума. Наверное, поэтому я никогда в жизни не писал эссе. Мне не нравится иметь дело с проявлениями ума. Способность мыслить – сомнительный дар природы. К примеру, днём ты трудишься в лаборатории над созданием какого-нибудь льда-девять, маленький кусочек которого может заморозить все

водоёмы в мире, а вечером... Ну, хорошо, не будем впадать в крайности. Итак, днём ты изобретаешь идеальное лекарство против насморка, потом едешь к любовнице, проводишь у неё пару часов, возвращаешься домой, садишься за стол и воздаёшь должное приготовленной супругой солянке. В кухню входит дочь, ты улыбаешься, треплешь её по голове и интересуешься оценкой за недавнюю контрольную по алгебре. Возможно, перед сном вы займётесь с женой любовью, и всё это время мозг твой будет исправно работать, в зародыше уничтожая малейшие противоречия, возникающие в сознании, успокаивая совесть, оправдывая совершенные поступки. Впрочем, смотреть людям в глаза я люблю не больше, чем анализировать чужие мыслительные процессы. Не то чтобы мне было неприятно выдерживать чей-то взгляд, я просто не надеюсь увидеть в зрачках ближнего своего ни искренней любви, ни сострадания, ни творческого голода. Деятели от искусства часто повторяют, что творец должен оставаться голодным. Что ж, если говорить о пище телесной, я вряд ли могу претендовать на более-менее достойное место в литературном пантеоне. Денег на моём счету в швейцарском банке хватило бы, чтобы обеспечить и праправнуков (конечно, только в том варианте, в котором я удосужился бы обзавестись потомством). Такое положение вещей, правда, существовало не всегда. Хорошо помню, как однажды мы с мамой пошли погулять в центр на День Города. Мне тогда было лет одиннадцать-двенадцать. Всё вокруг сверкало красками, в стеклянных колбах пузырилась газировка, шарики мороженого на вафельных рожках обещали облегчение пересохшему от жары горлу, а мы шли сквозь толпу веселящихся людей, стараясь не смотреть по сторонам. Того, что позвякивало в мамином кошельке, хватило лишь на пачку апельсиновой жвачки. Нет, мы не были нищими. В доме нашем всег-

да царили идеальные чистота и порядок, никто не вставал из-за стола не насытившись, в шкафу висела одежда, позволявшая не мёрзнуть холодными зимами. Сложно представить, на какие ухищрения приходилось идти для этого моей маме, скромной учительнице географии, но даже её усилий не хватало, чтобы подарить мне нехитрые детские радости. Какой-нибудь доморощенный психоаналитик, несомненно, увидел бы корень моей успешности в том, что ребёнком я не мог получить игрушек, о которых мечтал. Хорошо, что я не психоаналитик. Иногда мне кажется, что духовный голод вообще не имеет никакого отношения к акту творчества. Ты просто просыпаешься в четыре утра, ворочаешься с боку на бок в тщетных попытках снова уснуть, злишься, понимая, что к середине дня начнёшь дремать прямо за рабочим столом. А потом это просто входит в тебя, непонятно откуда, без малейших логических и ассоциативных привязок, и слова начинают сплетаться сами собой. Так получаются стихи, рассказы, повести, а порой и нечто, определение чему вы не найдёте ни в одном литературном справочнике. Именно из этих нечто я и склеил свой «премиальный» роман. Многие маститые авторы утверждали, что не писали сами свои произведения, а лишь служили проводниками идей для каких-то таинственных сил. Я не верю ни в бога, ни в чёрта, но всё же творчество – это единственная вещь, которую я готов признать доказательством существования сверхъестественного. Интересно, по какому признаку эти «кто-то там» выбирают проводников? Из биографий следует, что немало заслуженных писателей в быту были изрядными сволочами и эгоистами. Я и сам явно не вписываюсь в образ ежеминутно болеющего душой за людские судьбы гуманиста. С другой стороны, если без остатка выплёскивать весь свой талант на бумагу, что останется для общения с род-

ными и друзьями? Возникает вопрос, а честно ли это, когда над твоими книгами плачут от восторга, а сам ты при этом регулярно нажираешься в хлам, да ещё и руку на жену поднимаешь? Ну, про гений и злодейство написали задолго до моего рождения, так что проблема не нова.

Есть, правда, у меня и положительные стороны, отбросим ложную скромность, раз уж пошёл такой разговор. Так я совершенно не умею торчать от себя, создавать пафос вокруг собственной персоны. Это всегда обламывало меня в других. Некоторые из них, к слову, так растарчиваются, что теряют весь талант. Сидят они теперь дома на кухне, а то и по кабакам, и гальванизируют своё славное прошлое. А ещё есть те, у кого «ни дня без строчки». А кто тебе, чувак, сказал, что строчки эти хорошие? Ладно, пусть их, особенно учитывая, сколько времени я уже не общался в больших количествах с людьми. С утра садишься за клавиатуру и не замечаешь, как на улице начинают зажигать фонари. Хорошо, что теперь не нужно ходить на работу.

Был у меня один товарищ, мы играли с ним вместе в студенческие годы. Он уже тогда прилично владел гитарой, куда там мне с моим басом, да и в ноты попадал регулярно. Музыки у нас, откровенно говоря, было не особо много, а вот слова... Сплошной негатив и одиночество, но девчонки на концертах оглушительно вопили от восторга, так что проблем с личной жизнью мы не испытывали. Поиграл я так года два, а потом взял и продал бас. С женским полом тоже пришлось подзавязать – хочешь хорошо писать, учись не размениваться на мелочи. А недавно, сам не знаю почему, нашёл я последние записи моего бывшего товарища в Сети. Жирком оброс товарищ, волосы поредели, поёт по-прежнему здорово, а не качает.

Свои тексты я ему всегда давать стеснялся, даже и не думал о том, чтобы тягаться с таким мастодонтом. А сейчас слушаю и понимаю, что он бы с радостью отвалил кучу денег за разрешение использовать мои стихи, ну хотя бы из последнего сборника.

Уверен, давай я интервью, меня бы обязательно спрашивали о «секрете успеха» моего романа. А всё ведь до безобразия просто. Проснулся я как-то в четыре утра (это уже было время, когда книжки мои стали понемногу продаваться), лежу и думаю. Накануне вечером я часа три кряду просматривал в Сети читательские отзывы на свою последнюю повесть, даже затопило слегка. Превозносятся до небес, пух же дерьмом обливают, и во всём этом ни проблеска понимания. И вдруг я осознаю, что писать нужно не для людей, писательство важно само по себе, а чтобы оставаться объективным, необходимо до минимума ограничить свои контакты с окружающим миром. Сказано – сделано. С работы я уволился, денег от продаж книг на жизнь хватало с лихвой. Близкими друзьями я не обзавёлся, знакомые на общении особо не настаивали. Отец мой бросил нас, когда мне было два года, с тех пор я видел его от силы раз двадцать. Мама вот уже много лет живёт в другом городе, для астматиков климат там самый подходящий. Раз в неделю мы разговариваем по телефону. Захочешь узнать, что в мире творится – посмотри телевизор или в Сеть залезь, а лучше почитай классиков, до конца жизни не перечитаешь. Так прошло четыре года. Книжки мои народ при всём нашем духовном оскудении раскупал всё лучше и лучше, даже сборники стихов (вот уж никогда бы не подумал). А потом раздался звонок. Вежливый голос, тяжёлый акцент, номинация на Нобелевскую премию. Каюсь, разволновался я тогда немного, даже коньяку выпил, потом опустило. На вручение я не поехал, сослался на со-

стояние здоровья. Все документы мне отправили почтой, деньги перевели на указанный счёт. Да здравствует эпоха дистанционного общения!

Я сижу в своей квартире возле окна, смотрю на проезжающие машины и ощущаю пустоту внутри. Она не настолько страшна, чтобы правиться газом, резать вены или прикладываться к бутылке. Я просто пытаюсь понять, зачем всё это, зачем выжимать сознание и насиловать фантазию, ради чего обрекать себя на одиночество? И стоит ли страдать только для того, чтобы ещё на одну страницу легла тень этих страданий? Ладно, не в первый раз, пройдёт. «Это было и раньше, мой приступ не нов», – так, кажется, поётся в одной хорошей песне. Я ещё немного посижу у окна, а потом вернусь за свой стол, включу экран и положу пальцы на клавиатуру, потому что в мире для меня нет ничего любимей, притягательней и страшней, чем творчество.

Изуверские телефонные трели вырвали меня из забытья, заставив осоловело шарить руками по столу в поисках трубки. Кое-как оттрапортовав Маргоше о выполнении задания, я отправил пластмассовый прямоугольник в воздушное путешествие, закончившееся на диване. Несколько горстей холодной воды в лицо завершили процесс возвращения в реальность. Для меня алкоголь всегда был лучшим седативным средством, хотя именно тогда, после отъезда Ани, я познакомился и с противоположным его эффектом. Превозмогая тошноту, нещадно насилуя организм, я вливал в себя пойло в течение недели, дешёвую дрянь, не приносящую желанного забвения. За этот эксперимент мне пришлось заплатить полной бессонницей на двое суток, и прошло ещё несколько ночей, пока сон не восстановился полностью. Лёжа в темноте,

в аду мыслей и воспоминаний, в самом сердце океана, я задумал историю о человеке, пожертвовавшем всем миром ради возможности творить. Рассказ этот так никогда и не был написан. Я не питал иллюзий по поводу собственных литературных талантов и благоразумно избавил себя от бесплодных мук графомании. Тем не менее, сюжет этот с различными вариациями не раз всплывал в моих снах, слепок жизни придуманного, но от того не менее одинокого человека. Утонуть в одиночестве не составляло труда, и я был далеко не последним в очереди у омута, от которого меня спасла Маргоша.

Обозначивший себя учёным словом «агностик», я ничего не знал о судьбе, но не спал бы отрицать, что она приложила руку к нашей встрече. Мы сошлись в студенческой столовой, где я отпаивал чаем свой ослабленный любовью и зелёным змием организм. Всё происходило донельзя уныло, сказали бы вы, никаких драм, ревности к бывшим и несбывшимся, широченных жестов, призванных заставить осаждаемую твердыню пасть. Ей не нужно было, чтобы её добивались, я не жаждал заполучить любовницу или кухарку. Мы оба хотели понимания, вместе построить свой шалашик, надеясь, что волны не смоют его раньше срока. Да, Маргоша спасла меня, и я полюбил её, её прямую спину, непоколебимую логику и человечность. С ней мы смотрели в одну сторону, вспоминал я слова несчастного Арсения о его жене, нередко под разными углами, но в одну. Когда выяснилось, что она не могла забеременеть, Маргоша спросила, как мы будем жить дальше. Тёмное дело, вероятно, какие-то генетические сбои, врачи не могли поставить точный диагноз, однако предупредили, что рассчитывать на потомство нам не стоило. Я ответил, что всё будет по-прежнему, что любил её, а после, заглянув в одиночестве в омут души, с гадливым чувством

осознал, что испытывал нечто вроде облегчения. Дети были для меня абсолютно таинственными существами, пришельцами из параллельных миров. Мне казалось, большинство мужчин по-настоящему сближаются со своими чадами, лишь разглядев в них признаки личности. Розовокожее новое создание, кричащее ли, спящее, не могло вызвать чувств у тех, кто исходил в первую очередь от ума, это был удел женщин, инстинкт, не дававший человеческому роду кануть в бездну. Много изменилось с тех времён. Слова Ника у подъезда, то, как он говорил о будущем ребёнке, заставили что-то во мне откликнуться, ненадолго покинуть свой внутренний кокон. Как чувствовала себя Маргоша, спрашивал я себя, и не находил ответ. Моя жена была сокровенным человеком, тот самый барьер, о котором говорил Аркадий. Ты видишь то, что не могут увидеть другие, и в то же время твой самый близкий человек остаётся для тебя загадкой. Страдала ли она, смирилась ли за все прошедшие годы, подозревала ли о том, как отозвался я тогда на известие? Я не знал.

Зато я знал другое, знал, что, несмотря на потаённые уголки Маргошиной микровселенной, мы могли быть уверенными друг в друге. Как-то на пастбищах Сети я наткнулся на одну глубоко впечатлившую меня историю. Бездетная семейная пара, хотя никогда и не бедствовавшая, тем не менее, жила в постоянном напряжении из-за того, что муж, школьный учитель на подмене, мог лишиться заработка. К тому же, мужчина внезапно открыл в себе талант писателя, получил лестные отзывы от нескольких издателей, однако из-за необходимости работать не имел времени закончить книгу. Однажды пожилой священник, за которым ухаживала жена, сделал ей предложение. «Я знаю, что вас беспокоит, и могу оказать помощь, – сказал он. –

За жизнь я изрядно приумножил состояние, доставшееся от родителей, не будучи склонным ни к прелюбодеянию, ни к пьянству, равно как и к ожорству, и прочим, связанным с затратами порокам. Теперь, на старости лет, я хочу узнать, что же такое совершить грех, всего один, думаю, с Богом мы договоримся, недаром же я прожил праведником долгие годы. Проблема в том, что здоровье не позволяет мне сделать это. Согрешите за меня и вы получите сумму, которая позволит вашему мужу не работать столько времени, сколько ему нужно, чтобы дописать книгу». Женщина возмущается, такова же реакция и мужа, а потом они всё же идут в местный парк. Там она бьёт по лицу незнакомого ребёнка, не слишком сильно, но так, чтобы потекла кровь, он всё снимает на видеокамеру. Священник получает плёнку, пара – деньги, затем всё рушится. Семейный секс превращается в акты насилия, реакция издателей на книгу оказывается значительно сдержанней устных авансов, он пьёт, она приводит домой любовников. Следует закономерный развод. Я показал рассказ Маргоше, она прочитала его и задумчиво сказала: «Так случается, но это не про нас». Я знал, что она права до тех пор, пока в мою жизнь снова не вторглась Аня. Рыжеволосая ундина всплыла наверх со дна омута, и волны хлынули на берег.

Как мне было бороться с этим, как упорядочить письма в почте, хотя бы на то время, пока ещё сыпался песок моей жизни? Песчинка среди песчинок, я остро ощущал свою ничтожность, как человек перед божьим ликом. Заключать сделки с людьми было подчас непросто, с богом почти невозможно, хотя пожилой священник и утверждал обратное, мне же нужно было договориться с собой, раз и навсегда определить место для Маргоши и Ани, и задача эта казалась невыполнимой. Ненавидящий других, тех, что раздевали глазами женщин на улице, теперь

я ненавидел себя за сны. В них мы на исходе жизни, после того как Маргоша мирно уйдёт от старости, будем гулять с Аней по осенним аллеям, держась за руки. Спистнув в руке пачку, я рванул на себя дверь балкона, впустив морозный воздух в комнату, навалился на перила и стал жадно вдыхать горький дым. «Какжеогосподизачтоже, – молча кричал я в свинцовое небо, – есть ты там или нет, за что мне эта раздвоенность, зачем ты опять толкаешь меня к столу? Однажды я уже сел играть в эту игру, ты выделил мне расклад хуже некуда, разве же я виноват, что проиграл? Я думал, всё в прошлом, но оно здесь, и я опять беру в руки карты, заранее зная, чем всё закончится. Никто не виноват, я просто плохо играл, вот и всё», – шептал я, пока сумерки сгущались над городом.

*Мой пилигрим прошерстил целый город
И листья нашел он, и канул
Вместе с ними в хаоса топку.*

Сумерки сгущались над городом, и мне пора было собираться. Я вернулся в комнату, обесточил ноутбук, подумал о невозможности договориться с богом, смирения, миллиардах сказанных слов в оправдание собственных поступков, и тогда мой пластмассовый прямоугольник вновь пожелал ожить, распластанный на диванных подушках. Я привычно ткнул пальцем в нужное место и прижал к уху холодный пластик.

– Здравствуйте, не знаю, помните ли меня, хотел просто сказать...

Я помнил его, Костю-пилигрима, одного из своих первых, пусть будет, клиентов, хотя слово это настойчиво вставало у меня поперёк горла. Недаром

прозванный паломником, исследователь родного города, мальчик терялся среди улиц, очарованный архитектурными ликами прошлого, углублялся во мрак переулков и безжалостную тоску тупиков. Костик, обломок дней, что никогда не вернуться, мог часами бродить извилистыми тропами мегаполиса, изучая, анализируя, всё дальше и дальше удаляясь от повседневности. Его мать, старшая медсестра в поликлинике, понимая хрупкость сына перед лицом неизбежной реальности, изломала себя, получила необходимую визу и обихаживала некоего Джованни в далёкой стране за океаном. Деньгами этого окопавшегося в старческой безысходности дееспелая Лариса Алексеевна оплачивала контракт сына-филолога, остальное шло на пресловутые коммунальные услуги и еду-питьё. Внезапно Костя влюбился, крепко и безнадежно, так, как может очароваться лишь мальчик в семнадцать лет. Он любил её жадно и на всю жизнь, она говорила «да», потом было «прости». Долги по коммуналке, тем временем, предвещали отключение всего и вся в случае неуплаты. Костя ревновал, рыдал и в последний опущенный ему день, едва не опоздав в банк, где должен был получить перевод из-за океана и сразу же погасить задолженность, обнаружил, что оставил дома паспорт. Он явился ко мне, встрепанный, заявил, что не хочет жить, тем более ходить по инстанциям, и я, вынужденный что-то говорить, вдруг рассказал ему про Маргошу и Аню, историю из прошлого, не ведая, как придётся мне вскоре сдерживать хрипы по ночам. Пилигрим помолчал, а потом озвучил.

– И вот, я же до сих пор люблю её.

– Попробуй хоть на чём-то закайфовать, чем больше у тебя в тылу, тем легче найти опору, – кинул я тогда, и Костя мгновенно опозвался. – Вы понимаете, я столько раз уже пытался, но нет.

Не знаю даже, как из всего этого выгребать, она казалась мне ангелом, девочкой из другого мира, и все мы её недостойны, и мне такая честь с неба спустилась быть рядом с ней...

И что мог сказать ему я, столкнувшемуся с хаосом, решившему отправиться в плавание по волнам родом из бездны, я, которому он осмелился доверить хрупкость своего мира?

– Костя, помню, конечно, привет. Давай, рассказывай.

– Нет, собственно, ничего особенного, просто вдруг вспомнил о вас, ваши слова, спасибо вам большое. Излечился, не излечился, не знаю, но встретил недавно девочку, даже и не думал, что такое возможно, и вдруг... Короче, доктор, вы как-то сказали – всё дело в радости, но не только же в физиологии, я так думаю, можно же любить кого-то совсем не в образе, и с лицом не тем, и с телом... Я вот теперь её и не оцениваю, а она же такая красота у меня... Спасибо вам, доктор, вы ведь спасли меня.

И я, «доктор», долго говорил что-то Косте и был искренен, и знал, как неверно стелилась дорога пилгрима под расшарканными ботинками, и два человека могли идти по ней долгие годы, чтобы в один момент навсегда разойтись по сторонам. «Спасибо и тебе», – сказал я и прижал зелёность кнопки. Мир, так сильно изменившийся за последнее время, оцепинившийся экранами, вооружившийся новизной лозунгов и лжи, он играл с нами, маленькими людьми на бесконечном поле. И всё же иногда измученный маленький человек вскидывал своё «я», и калиф на час становился Лукавым, игравшим на свирели под неумолчный рокот океанских волн.

*И радость отцветает, будто
Епитимьи ты горло сдобрил
Пластмассовым надежным фильтром.*

Под свинцовыми небесами, решившими обрушиться на землю, но не сразу, растягивавшими наслаждение покорения, под колючими струями я вмиг увидел снег в перпеливые бока планеты. Крупа сверху уравнивала всех, и мне оставалось только грезить под её неспешный план захватить планету, обернуть всё сонным коконом, в котором утонет ложь, и волны хаоса прекратят свой вечный бег. Идя проторенной Никитой дорожкой, двумя десяткам метрами в снежную бесконечность, я думал о его епитимье, думал с горьким чувством родства. Маргоша, глыба логики, женщина, с которой я прожил десять лет, с которой хотел быть, любила живопись. Мы лежали во тьме, со сплетёнными руками, и она говорила мне о пятнах на холсте, о проступавших на чистоте доски лицах, характерах, поступках. Я верил ей, разделявшей со мной разложенное пространство дивана, верил до тех пор, пока в мою жизнь, насилуя и сминая, не вторгся каток. Холодная оценщица, ночами, с головой у меня на груди, она кидала слова во тьму, и я видел топчущих траву удивительных животных на золотых пастбищах, царапающих закопчённую поверхность икон мадонн. Мой сокровенный человек, моя Маргоша на свинцовости будней, я предавал её, лгал ей, становясь теми самыми, о ком, презрительно кривя губы, пел Лукавый. Аня уехала в свою жизнь, которую выстраивала годами, без оглядки на кого-либо, учитывая интересы тех, о ком мне не следовало знать, но не более того. Русалка махнула хвостом, смазав водное зеркало, и всё посыпалось перед глазами,

обнажая холодный блеск реальности, от которой так неумело бежал. Мы никогда не соприкасались губами, ненавидимый Лукавым святоша не заклеил бы это изменой, но я знал, что предал Маргошу, алгал ей, умолчав о коричневой маслянистости на кухне, о том, куда собирался этим свинцовым вечером, пусть из лучших побуждений, поведущим в ад булыжникам. Ундина уплыла, надеюсь, в этот раз навсегда, но звук накапывавших на стенки колодца водных масс по-прежнему стоял в ушах. Одним утром я проснулся с мыслью об искуплении, попытке поправить покосившуюся реальность, эгоистичной самоепитимье, вокруг которой в итоге завернулись все мои мысли и устремления. Ложь во спасение, всё то, что я так ненавидел, стало моей вечерней повседневностью, пресловутая задержка на работе, когда я поднимал старые сетевые контакты, хватался за любые халтуры, чтобы заработать на ту самую поездку. Мы должны были отправиться в город с брусчаткой пропутьеров под водой, где Маргоша наконец-то воочию увидит свои любимые картины, а за окнами галерей будет неумолчно биться воспетая поэтами капель. Никаких кредитов, грабительских и не очень займов, на путешествие я должен был заработать своим трудом, и судьба благоволила мне в лице заказчика, готового щедро рассчитаться за согбенный дизайнерский труд. Я сделал всё, отбрёхиваясь перед женой временной рабочей загруженностью, получил положенное, устроил пугой обналиченный конверт в чёрном нутре сумки, зашёл в магазин за неизбежным хлебом с маслом, и хаос у кассы плеснул мне в лицо своего неизбежного дёття. Мальчик с голым черепом, одна из тысяч фотографий, выстроившихся возле тысяч молохов-аппаратов, вдруг заставил меня задуматься, запустил неумолчное битьё внутри. Спустия несколько ночей без сна, с искром-

санным, воспалённым предчувствием неизбежного сознанием, я явился в банк и перечислил всё заработанное на халтурах, стоимость недельного пребывания в городе ливней и галерей, на счёт угасавшего ребёнка. Мальчик выжил и даже стал обростать волосами, об этом я, сам того не желая, узнал из случайно выпрыгнувших на глаза сетевых новостей. Не осознавая суть происходящего, с просачивавшимся сквозь пальцы песком бытия, отягощённый ложью Маргоше, ироничной ухмылкой Лукавого, мой герой ответил на звонок с незнакомого номера. Мать спасённого, каким-то образом выяснившая по номеру карточки необходимую личную информацию, настойчиво приглашала меня отпраздновать надвигавшийся на нас год в узком семейном кругу. Я обречённо согласился. Не чувствовавший ничего, катарсиса или хотя бы тени радости от спасения ребёнка, герой моей повести повторил озвученный адрес, тут же лихорадочно бросившись в тенета сети, без надежды ухватиться за хоть какую-то работу, успеть сграбастать хвост исчезавшего на горизонте поезда в страну галерей и ливней. С того дня я не знал покоя, в копле лжи любимой женщине, с чувством к той, с кем никогда не буду, с епитимьёй, когтистой обезьяной на спине, наложенной на самого себя. Этим вечером я шёл туда, где не хотел быть, завтрашним утром заканчивался срок акции в турагентстве, значительная скидка на поездку в город мечты Маргоши. Предстоящую ночь я рассчитывал провести без сна, а на рассвете, с опустошённым бдением телом, рассказать всё жене, возможно, подписывая себе приговор, ногой размётывая по песку бывшее шалашиком у берега, но другого выбора у меня не было.

*Добрые люди, странные люди,
Знать я хочу,
Отчего вы такие.*

Всё было именно так, как я и предчувствовал, и пропахший дешёвой кухней пополам с котами подъезд, и дерматиновая дверь, за которой столпилась вся семья, усердно разглядывавшая ими же приглашённого. Я пожал руку здоровяку в свежей, вероятно, полчаса тому назад обновлённой рубашке со стоячим воротом, его отцу, сонному старику с порезом на до синевы выбритой щеке, протянул купленный по дороге букет и шурующийся магазинный пакет хозяйке с тугими кучеряшками родом из моего детства. Маленькая старушка, жена порезавшегося при бритве, обняла меня, обдав запахом готовки, заставив содрогнуться внутри от неловкости. В комнате с нелепыми бежевыми обоями был накрыт стол, работал телевизор. Девочка лет восьми заморожено уставилась в экран, где на снежном площадном фоне трепетали пёстрые куски ткани, не обращая на меня никакого внимания, чему я искренне порадовался. Мы сели за стол, я налил себе вина, вынужденный пить, обречённо думая о предстоящей ночи. Хозяйка с бокалом в руке поднялась, покрасневшая, утюжающая пальцами крахмальность скатерти.

– Мы так рады, если бы вы только знали, – женщина сбивалась и ещё больше краснела, наливаясь пунцовыми пятнами. – Вы такое для нас сделали, мы просто обязаны были, простите, я что-то такое говорю, сама не понимаю, но ведь и вы понять должны...

– Сядь уже, не суепись, – оборвала хозяйку обнявшая меня в прихожей старушка. – Вы извините

нас, говорить при других мы не очень привыкли, а вам спасибо человеческое, поклон низкий. Побольше бы таких людей, и всё бы в стране наладилось. Жалко только, Серёженьки нет сейчас, посмотрел на спасителя бы. Он в больнице, процедуры восстанавливающие, я говорила вам по телефону.

Мы выпили. Алкоголь не давал желанной теплоты, лишь запульсировала боль у висков. Разговор вяло капился под гору, пробуксовывая на выбоинах. Здоровяк в рубашке работал шофёром на каком-то заводе, жена его торговала цветами в павильоне возле вокзала, старик с порезом, значительно больше интересовавшийся происходившим на экране, чем спасителем-гостем, с женой коротал век на пенсии. Кроме находившегося в больнице Серёжи, в семье росла Валя, перешедшая осенью во второй класс.

– Валечка у нас талант, – охотно делилась старушка из прихожей, – стихи так любит, во всех упренниках и конкурсах участвует. Валюша, прочитай что-нибудь гостю, – обратилась она к девочке. Валя оторвала глаза от экрана и без паузы заговорила.

*Привези мне, тятя, аленький цветочек,
Обойди преграды, путь найди меж кочек,
Как-то больно сжалось сердце вдруг в комочек,
Привози скорее аленький цветочек.*

*Привози под вечер или на рассвете,
Брагу пьют большие, балуются дети,
Жадно бьется сердце в этой тесной клетке,
Стонет все под вечер, стонет на рассвете.*

*Аленький цветочек, чудище лесное,
Может, замечталась, может, наносное,
Забродило сердце пьяною весной,
Аленький цветочек, чудище лесное...*

Это было удивительное действие, маленькая девочка на фоне нелепых обоев, бросавшая в нас слова, смысл которых ей ещё предстоит когда-то понять, и взрослые, благоговейно внимавшие ей, даже старик с порезом, отвлекшийся от площадных дел и содержимого тарелки, с полуоткрытым ртом не сводивший глаз с внучки. Валя закончила, и тогда я поднялся, опрокинул в себя бокал и громко зааплодировал. Плотину прорвало, все загалдели, засмеялись, и тепло, которое я так ждал, волной разлилось внутри. Мы сидели допоздна, что-то обсуждали, даже пели песни из моего детства, планировали следующую встречу, всё благодаря ребёнку, который мог рассказать нам, взрослым, какое счастье хранила в себе невинность. И, выходя туда, где снег всё так же упорно создавал свою архитектуру, я не помнил о дешёвой кухне и нелепости обоев.

*Непобедимое солнце сияет,
И океан свои волны под ним
Все катит на берег.*

Выйдя под снег, всё так же равномерно накапывавший на драные бока планеты, я попянулся за телефоном. Мне нужно было в последний раз солгать Маргоше, рассказать, что после встречи с куратором я возвращался домой, последняя ненавистная мне, неизбежная ложь. Завтра всё должно было измениться, и телефон завибрировал в ответ на эту иллюзию голосом опередившей меня жены.

– Привет. В дороге?

– Да, вышел уже, сейчас на маршрутку, если всё по плану, через полчаса дома буду.

– Тут такое дело, – Маргоша непривычно замялась, – думала, придёшь – озвучу, но не дотерпела. Несколько дней крутилась-вертелась, тебе не хо-

тела говорить, пока не удостоверюсь, сегодня врач подтвердил. В общем... Ребёнок у нас будет.

– Как? – растерянно уронил я руку на черноту куртки.

– Бывает, говорят. Приходи, расскажу, папа.

Я что-то говорил, обещал быть как можно скорее, проклинал себя и смеялся от счастья. На остановке, отпягивая приезд бокастой маршрутки, мой герой достал из пачки сигарету и жадно затянулся. Я вспомнил Аркадия, длиннолицего мужчину на скамейке, с цилиндром мяса в тесте, схлёстнутого с неизбежностью, вынужденного отныне выстраивать свою жизнь по-иному. «Я расскажу тебе всё, не завтра, нет, ты сильная, но кто знает, это может поломать тебя», – шептал я, выпуская дымные кольца под светом одинокой луны. Ничто не возмущало воду на поверхности колодца. Бокастая маршрутка издали возвещала себя на заснеженной дорожке, и где-то за непроницаемыми небесами сияло непобедимое солнце, и океанские волны как всегда катили под ним свои неизбежные горбы.

Идея повести, где выпрыгнут герои некоторых моих предыдущих историй, расскажут, как жили всё это время, очаровала меня, и вот она готова. Как и всегда, здесь нет географических названий, этот мир похож на наш, но всё же слегка иной, в нём есть профессия переговорщика, и герои разговаривают так, как никогда не стали бы в жизни. Впрочем, точно так же они изъясняются в любом другом написанном людьми художественном произведении.

Тексты, на которые я ссылался: «Клетка», «Бабочка над городом», «Мессия», «Два вагона», «Путь пилигрима».

Все прѣхстишия курсивом, собственно, «Непобедимое солнце» – аллюзии на бесконечно чтимый мной неофолк-проект Тони Уэйкфорда Sol Invictus, за что чуваку низжайший человеческий поклон.

Татуировка «You are being lied to» гнездится на руке Кристофера Ригга, лидера норвежской музыкальной формации Ulver.

Рыжеволосая Ундина – отсылка к моей любимице, французской певице Милен Фармер.

Океанские волны и песочный замок на берегу – отсылка к моей повести «Замок из песка».

«И умираешь так медленно, что кажется, будто живёшь», – Бернард Бесигье, норвежец, однажды процитированный мне папой.

Про непреодолимый барьер, когда видишь то, что не видят другие, я прочитал в статье об Александре Башлачёве.

Гарик и Розик – частично истории, рассказанные мне отцом, частично происходившее со мной.

Лёд 9 – Курт Воннегут, «Колыбель для кошки».

История семейной пары – рассказ «Мораль» Стивена Кинга.

Я плохо играл – группа «Агаты Кристи».

«Снежная архитектура» – Дэвид Моррелл, «Напиваемся» и «Аленький цветочек» – я, «с горьким чувство родства» – Чайф, «драные бока» – ДДТ. Всем спасибо.

Стихотворения

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

Привези мне, тятя, аленький цветочек,
Обойди преграды, путь найди меж кочек,
Как-то больно сжалось сердце вдруг в комочек,
Привози скорее аленький цветочек.

Привози под вечер или на рассвете,
Брагу пьют большие, балуются дети,
Жадно бьётся сердце в этой тесной клетки,
Стонет всё под вечер, стонет на рассвете.

Аленький цветочек, чудище лесное,
Может, замечталась, может, наносное,
Забродило сердце пьяною весной,
Аленький цветочек, чудище лесное...

ПРИВЫЧНО

Изнурительной осенью, в города сердце,
Под блинами наушников прячась привычно,
В воздух дым выдыхал я под каменной аркой.
Выше небо висело, набухшее влагой,
Билось сердце, резина всё с грязью сходилась
В битве этой извечной в витрин мёртвом свете.
И в который уж раз пел мне голос усталый,
Пел о том, что и дальше всё будет, как раньше,
Бег по кругу и капли на коже холодной,
Одинаковых дней невесёлые марши,
Что наводят на мысли о плитах могильных...
А потом к остановке подъехал автобус,
Дверь открылась, извергнув людей из салона,
Ты спустилась последней. Рука с сигаретой,
Не пройдя путь до губ, плетью вялой повисла.
Там, где люди раскисшие листья устало
Топчут в ритме толчков равнодушного сердца,
Вызов бросила ты декорациям серым.
Мимо арки неспешно прошла. Помню смутно
Губ мазок, красный плащ, россыпь прядей на ткани.
И когда растворилась во тьме ты подъезда,
Я подумал, что смог бы любить тебя так же,
Так же сильно, как голос в наушниках этот,
Даже больше, и это нисколько не странно.
Все мы знаем давно, что любить всегда легче
Тех, кто так близок нам, но при этом не с нами,
Кто не станет будить нас в слезах среди ночи,
Кто не будет молчаньем терзать или криком,
Кто не знает о том, что живём мы на свете.
Я шагнул из-под арки. В окне над подъездом
Две фигуры застыли в искусственном свете.
Там была с кем-то ты, и, спряхнув наваждение,
Повернувшись спиной к силуэтам в проёме,
Начал путь я домой, где меня встретит кто-то,
Кого легче любить, чем тот голос усталый.

БЕЗДНА

Ты можешь прожить, ненавдя,
Ты можешь прожить, и любя,
Попробовать бездну не видеть,
Которая смотрит в тебя.

МЕДУЗА

Медуза в моей голове,
Гибким ужасом плечи покрыв,
Кривит губы лукаво.
И сколько б вина ни лилось,
Никогда мне уже не залить
Горечь этой отравы.

Медуза, по сердцу скребя,
Плоть и воздух кромсает ногтём
И зовёт за собою.
И сколько бы мне ни бродить,
Не найти щип, в который взглянув,
Изготавлиюсь я к бою.

Медуза в больных моих снах,
Не приносит покоя рассвет,
Лижет пламя поленья.
Но сколько б огонь ни плясал,
Ни за что его треск не спишит
Смех её и шипенье.

Сандалии бросив и меч,
Беспользый швырнув оземь щип,
Становлюсь на колени.
И море шумит за спиной,
И с ухмылкой смотрит на нас
Порождённая пеной.

НЕОПРОВЕРЖИМО

Наступит день, когда учёные,
Эти бездушные механизмы,
препарирующие красоту,
Неопровержимо докажут, что бога нет.
Мир запылает,
Изойдёт воплем, воем тормозов,
грохотом падающих зданий,
Обрушится самолётами на грешную землю,
И в круговороте насилия и разврата
Всё станет дозволено.
Я буду пить с неделю, мешая день с ночью,
Кому-то звонить, бессильно плакать в трубку,
Думать о самоубийстве, которое всё же отложу,
А потом лето подойдёт к концу.
Я отмокну в ванной,
заправлюсь витаминами и сорбентами,
Снотворным избавлюсь
от кошмаров бессонных ночей
И первого числа привычно отправлюсь туда,
Где много лет мирно преподавал литературу.
Пересеку университетский двор,
попаду в пустой вестибюль,
Пройду гулкими коридорами, зайду в аудиторию,
Сяду за стол и буду ждать,
ждать без всякой надежды.
И когда тишина уже изготовится
Поглотить меня, забрать разум у старого тела,
Откроется дверь, и они войдут внутрь, эти прое,
Трое из группы в две дюжины
(результат выше всех ожиданий),
Пожелают мне доброго дня,
сядут в ряд и в молчании станут
Смотреть на меня, словно бы в ожидании чуда.
Я не буду молчать, я не дам тишине этой шансов:
«Всех приветствую, поговорим о Бодлере...»

ОН

Плох ли бог или хорош,
Рай ли он иль медный грош,
Он нам враг, а, может, друг,
Он внутри или вокруг?
Он богач или бедняк,
Он мудрец или дурак?
Ищешь суть иль ищешь блох,
Жив ли бог или подох?

ЛЖЕЦЫ

Трезвый, как стекло липкого стакана,
Медь и серебро да на дне фонтана,
Безмятежный сон под скамьёй галеры,
Крылышки и нимб, истинная вера.

Крепкий, как союз, освящённый небом,
И пять тысяч ртов, ждущих крошек хлеба,
Овцы, пастушок, крики, люди, волки,
Сажа и чулки, свёрточки под ёлкой.

Вещий, словно сон пьяницы в овраге,
Чистая любовь в грязной банке браги,
Зелень стройных пальм посреди пустыни,
Чувства, что вовек в сердце не остынут.

ТЫ И Я

Достигнув крыши мира, ты
Ногтями разорвёшь мне вены.
Шагну в объятия пустоты
Я под ущербною Селеной.

Глубин достигнув ада, я
Зубами взрежу твою глотку.
И ляжешь ты, любовь моя,
Поленом в Гелиоса топку.

THE MAN WITH NONE

И если бы я мог, тебя бы я привёл
Туда, где Соломон швырял на пол кольцо,
Упративший свою любовь из-за того,
Что не любил мудрец любившую его.
Туда б тебя привёл, где Цезарь умирал,
Где встретился последним взглядом с другом он,
Клинок в руке сжимавшим и не знавшим, что
Со смертью друга рухнет всё, и что поэт
Опишет много позже, как сам Люцифер
Ему в последнем круге станет палачом.
Туда, где некто извивался на кресте,
А некто в его раны свои пальцы клал,
И плакал некто, видя, как уходит тот,
В кого хотел так верить, с кем хотел так быть
В том мире, где давно нет веры никому.
Туда, где бьётся много дней в бреде жена,
И много дней торопит смерть супруги муж,
Но всё ещё боится среди ночи он
Прикрыть лицо подушкой, прерывая хрип,
И, наконец, спокойно погрузиться в сон.
Туда, где любят до тех пор, пока понять
Не смогут свой предмет любви и вровень стать
С ним, а потом безжалостно из сердца прочь
Любовь выбрасывают раз и навсегда,
И где ты можешь делать всё, чтоб вровень стать,
Но незамеченным остаться до конца.
И если бы я мог, тебя бы я привёл
Туда, где все рабы мы тела и ума,
Но тяжелей оков всех цепи, что сердца
Друг к другу приковали – нет страшнее уз.
Туда б тебя привёл и так сказал:
«Тогда лишь только счастлив станет человек,
Когда останется он в мире одинок».
Так говорю тебе я: «Счастлив только тот,
Кто в одиночестве проводит жизнь свою».
Я говорю: «How fortunate the man with none».
Я говорю: «How fortunate the man with none».

ЛОХАНЬ

В скособочившейся лохани
На бескрайнем своём плаву
Подержу вновь над водной гранью
Покосившуюся главу.

Над свинцовой гладью мопая
Всё башкой, целясь в светлый град,
Я придумаю образ рая,
Уходя пузырями в ад.

ЭДГАРУ

Над обломками Ашеров дома глухая ночь вспала,
Звёзды в пьяном безумье дырявят её покрывало,
Раздробив твердь луны, половину уносит в ад птица,
Никогда, никогда, никогда им не соединиться.

Под обломками Ашеров дома рыдает ребёнок,
Кто-то шепчет и шепчет ему –
волосок твой так монок,
Оборвётся, и канут в Мальстрём
душа, тело и разум,
Поглотит, поглотит, поглотит
твое я бездна разом.

Я в обломки зарыл руки в свете калеки Селены,
Чтобы вырвать ребёнка из камня и дерева плена,
И застыл, цепеняя, врасстая собою в плоть Геи
Под безжалостным взглядом
моей мёртвой леди Лигейи.

ЧЕРЕЗ ДВА

Годка через два
Позвонишь, мол, не против и встретиться.
Пойдём, скажешь, в парк
Или в бар, на углу припулившийся.
И я помолчу,
Чтоб опмямлиться неубедительно,
Прости, всё дела,
Подзаел быт, болото мещанское.
Прости, знаю я,
Как беспомощно губы шевелятся,
Как делают вид,
Что всё было, но вроде и не было.
И я промолчу,
Ведь звонок твой, признаться, придумала,
И вот потому
Никогда мы с тобой не увидимся.

СЕМЬЯ

Ты проста вполне, да сложен я,
Не получится у нас семья.
Для неё я прост, она сложна,
Вот и всё – не нужен, не нужна.

НЕ ЗНАЮ

В финальной сцене фильма, где я в главной роли
 (Как знать, быть может,
 всё же в нём снимусь однажды),
Я без боязни лягу в гроб, глаза закрою,
 Готовясь задержать дыхание подольше,
А может, под прицелом камер равнодушных
 Оболам дам я лечь на сомкнутые веки.
Я не боюсь откликнуться на просьбу чью-то,
Мол, умер кто-то там, а хоронить и не в чем.
 Покойнику отдам пиджак, отдам и брюки,
 Пылятся всё равно давно в шкафу без дела.
Не страшно мне сказать, что я устал смертельно,
Скажу я: «Умер», а не «В лучший мир ушёл он»,
 И если птица в дом мой залетит случайно,
 Не покормив, прочь прогоню её скорее.
 Не разбивал ни разу зеркало в квартире,
 А если суждено – смету осколки в урну.
Нет во мне веры в предзнаменования смерти,
 Одно из двух: материален мир насквозь наш,
В нём сверхъестественному места не найдётся.
 А если всё не так, и смерть твоя зависит
 Лишь от упавшего куска стекла в оправе,
Скажу: «Ужасней нет такого мироздания».
 Ты спросишь: «Неужели tertium non datur,
Неужто о Творце не думал ты предвечно,
 Что каждой вещи место мудро уготовил,
 И мы поймём однажды это и прозреем?»
 Я помолчу, а после крикну я: «Не знаю!
Уйди, оставь меня в покое, Я НЕ ЗНАЮ!»
Уйдёшь, и в одиночестве опять оставшись,
Заплачу я, актёр в финальной сцене фильма.

СЕНО

Заплатный, поношенный, стоптанный бог
В попавшийся первым обрушился стог.
 Неисповедимы господни пути –
Зарыть в сено жизнь, ничего не найти.

ЖУРБА

Мене зіпре колись журба,
Немов бруківку та юрба,
Мов дзвонаря тягар горба,
Журба, сама лише журба.

І знов по колу, знов спіна,
В уяві, кажеш ти, вона,
Кричиш: «То не твоя війна»,
Але спіна, пробач, спіна.

Юрба, бруківка та спіна,
То, мабуть, не моя війна,
Тягар уявного горба,
Та все ж журба, лише журба.

КРАЙ

Над пропастью во лжи
Мне сказку расскажи
О том, что будет рай
Шагнувшему за край.

МОЙ ДРУГ ДЯДЯ ФЁДОР

Прошло уже немало лет, а я по-прежнему
Удивляюсь при мысли о моём друге Дяде Фёдоре,
Думаю ночами о человеке, жизнь которого
Должна была бы сложиться по-другому,
А вышло так, как вышло, и мне кажется,
Так и проявляется ускользающая от нас истина.
Вам, безусловно, знакома его история,
Многократно изложенная,
раскрашенная, смонтированная,
История мальчика,
познакомившегося с говорящим котом,
Научившегося есть буперброды так, как вкуснее,
И оставившего бетонные коробки,
чтобы стать ближе к земле
(Борис Борисович, реверанс в вашу сторону).
Сейчас его назвали бы дауншифтером, впрочем,
Суть ни разу не в терминах,
а в стремлении к благу,
Благу всех живых существ (ещё один реверанс).
Дальнейшее, повторяюсь, хорошо всем известно –
Животные, люди, буколические декорации,
Появление родителей, возвращение домой,
неизбежное взросление...
На этом месте обычно принято ставить точку,
Закончилась одна история,
а другую пусть пишут другие,
Оставим детское детям,
потому никому и не ведомо,
Что мальчик подрос,
долго наблюдал жизнь и однажды,
Упёршись лбом в необходимость,
преисполнившись решимости,
Во второй раз покинул город бетонный.
Врать не буду. Как попал он в далёкий Непал,
Как монахом буддийским стал, я не знаю,

Как не знаю, каким путём шёл к просвещению.
Но как-то бывший Дядей Фёдором
в прошлой жизни
Письмо домой написал, и его содержание
Я могу передать тем, кому интересно.
«Дорогие мама и папа, и вы, остальные живые,
С тех пор, как мне открылся дзен,
Я отказался
от оценочного восприятия реальности,
Поэтому дела у меня никак, уж простите.
Я любил и люблю вас, и говорю вам спасибо,
Но, не стану скрывать, всегда чуял,
Хоть и не мог выразить: что-то тянуло
Меня вниз, где майя раскинула сети.
Мамины платья и съёмки выгодный ракурс,
Загашник Матроскина, куда вечерами
Он залазил, мурлыча, пересчитывая,
постукивая когтями,
Фоторужьё Шарика, через дуло которого
Он созерцал природу,
мечтая о журнальных обложках,
Игорь Иванович Печкин,
которому, чтобы стать добрее,
Никак не обойтись было без велосипеда.
Дальше всех них ушёл от мирского папа,
Но и он отказывался признать, что наука
Никому не позволит разорвать цепь сансары.
Так что, мама и папа, и вы, все живые, знайте,
Никогда не вернусь в мир я ваших иллюзий».
Монах с бритой головой, бывший Дядя Фёдор,
Поставил точку и лёг спать, намереваясь
Следующим днём проделать путь
до ближайшего города
И опустить там письмо в почтовый ящик.
И всё сложилось бы именно так, но на рассвете
Что-то вздёрнуло
худого высокого человека с лежанки,

Он зажёт в лампаде огонь и долго перечитывал
Ровные, аккуратно выведенные строки, а потом
Его бесстрастное лицо вдруг исказила гримаса,
 Человек в клочья порвал лист бумаги
 И отдал их на волю упренного ветра.
Это всё, что мне известно, что увидел во сне я,
 И дальнейшая судьба моего друга детства
 Укутана плотным покрывалом майи.

НЕ УПАСТЬ

Я видел плоть в строгих костюмах

И видел в мазуте я птиц,

Я видел людей на вершине

И как с неё падали ниц.

Карабкались вверх, задыхаясь,

Чтоб рухнуть забвению в пасть –

Не видеть, не помнить, не думать,

Не слышать, не знать, не упасть.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАССКАЗЫ

Актриса	5
Два вагона	15
Клетка	47
Бабочка над городом	78
Никто из нас не.. ..	83
Путь пилигрима	94
Его там нет	120
Мессия	127
Комната	150
Выбор	155

ПОВЕСТИ

Отпуск от себя	171
Три дня и три ночи	236
Непобедимое солнце	307

СТИХОТВОРЕНИЯ

Аленький цветочек	361
Привычно	362
Бездна	363
Медуза	364
Неопровержимо	365
Он	366
Лжецы	367
Ты и я	368
The man with none	369
Лохань	370
Эдгару	371
Через два	372

Семья	373
Не знаю	374
Сено	375
Журба	376
Край	377
Мой друг Дядя Фёдор	378
Не упасть	381

Літературно-художнє видання

Олексій Рубан
«Відпочинок від себе»

оповідання, повісті та вірші

Обкладинка: Юлія Гладаренко

Макет та комп'ютерна верстка: Сергій Главацький

Підписано до друку 26.10.2020
Формат 60x84/16. Папір офсетний.
Гарнітура «Behrens AntiquaC».
Обл.вид. арк. 14,97. Ум.-друк. арк. 22,26.
Наклад 100 прим. Зам.№2010

Видавничий дім Дмитра Бураго

ФОП «Бураго Дмитро Сергійович»
Свідоцтво про внесення до державного реєстру
ДК № 4558 від 05.06.2013 р.
04080, Україна, м. Київ-80, а / с 41
Тел. / факс: (044) 227-38-28, 227-38-48;
e-mail: info@burago.com.ua
www.burago.com.ua